

ЭНВЕР ХОДЖА

СО СТАЛИНЫМ

Воспоминания

ЭНВЕР ХОДЖА

Со Сталиным

воспоминания

Тирана, 1984

ИНСТИТУТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ЦК АПТ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО «8 НЕНТОРИ»

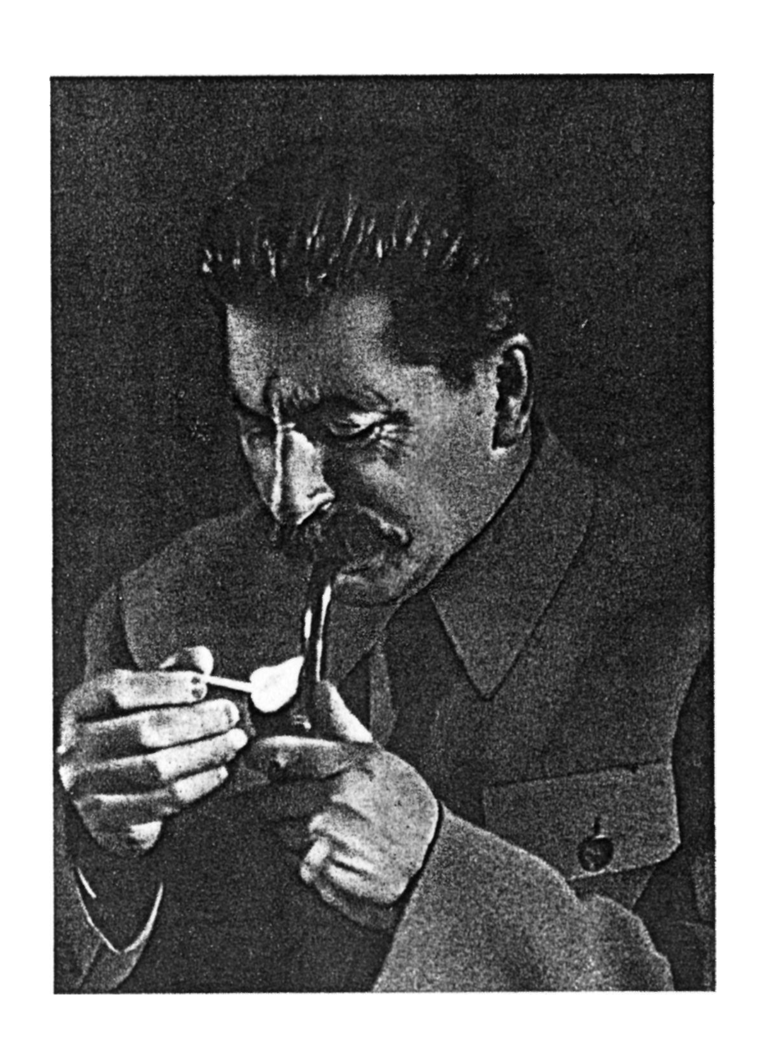
ПО СЛУЧАЮ

100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ВЕЛИКОГО МАРКСИСТА-ЛЕНИНЦА

ИОСИФА СТАЛИНА[1]

1 Первое издание этой книги вышло в декабре 1979 года.



ИОСИФ СТАЛИН

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИОСИФА СТАЛИНА

21 декабря нынешнего года исполняется 100 лет со дня рождения Иосифа Сталина, горячо любимого человека и выдающегося вождя русского и мирового пролетариата, верного друга албанского народа, дорогого друга угнетенных народов всего мира, борющихся за свободу, независимость, демократию и социализм.

Вся жизнь Сталина характеризовалась непрерывной и упорной борьбой против русского капитализма, против мирового капитализма, против империализма, против антимарксистских и антиленинских течений и тенденций, вставших на службу мировому капиталу и мировой реакции. Под руководством Ленина и вместе с ним, он был одним из вдохновителей и руководителей Великой Октябрьской социалистической революции, непреклонным деятелем Большевистской партии.

После смерти Ленина, Сталин на протяжении 30 лет руководил борьбой за победу и в защиту социализма в Советском Союзе. Вот почему в сердцах мирового пролетариата и народов мира любовь, уважение и верность его делу и его личности занимают особое место. Именно поэтому капиталистическая буржуазия и мировая реакция питают исключительную вражду к этому верному ученику и выдающемуся, непреклонному сподвижнику Владимира Ильича Ленина.

Сталин встал в один ряд с великими классиками марксизма-ленинизма благодаря своей решительной и принципиальной борьбе в защиту, за последовательное проведение и дальнейшее развитие идей Маркса, Энгельса и Ленина. Своей особой прозорливостью и способностью он сумел правильно ориентироваться даже в те весьма сложные времена, когда буржуазия и реакция всячески пытались помешать победе Великой Октябрьской социалистической революции.

В борьбе за осуществление своих чаяний русский пролетариат наталкивался на большие препятствия, ибо в России и во всем мире господствовал капитализм. Но к тому времени капитализм уже создал своего могильщика — пролетариат, самый революционный класс, призванный руководить революцией. Этот класс мог успешно выполнить свою историче-

скую миссию в беспощадной борьбе с врагами и этой борьбой завоевать свои права и свободы, взять политическую власть в свои руки. Этим путем пролетариат должен был вырвать политическую и экономическую власть у угнетательской и эксплуататорской капиталистической буржуазии и построить новый мир.

Маркс и Энгельс создали пролетарскую науку революции и научного социализма. Они создали Международное Товарищество Рабочих, известное под именем Первый Интернационал. Основные принципы этой первой международной организации рабочих содержались в ее Учредительном Манифесте, наметившем путь пролетариата к уничтожению частной собственности на средства производства, создание партии пролетариата, призванной взять власть в свои руки революционным путем, как и борьбу, которую должен вести пролетариат против капитализма и оппортунизма, проявившегося в разных странах в различных «теоретических» формах.

Владимир Ильич Ленин, гениальный продолжатель дела Карла Маркса и Фридриха Энгельса, основываясь на их выдающихся произведениях и с редким мастерством отстаивая их, развернул борьбу против течений ревизионистов, оппортунистов и других ренегатов. Изменники выбросили великое знамя Первого Интернационала и совершенно открыто по-

прали призыв Коммунистического Манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эти ренегаты марксизма проголосовали за кредиты империалистической войны, вместо того чтобы выступить против нее.

Ленин написал капитальные труды в целях защиты и дальнейшего развития марксизма. Он обогатил особенно идеи Маркса и Энгельса о построении социалистического и коммунистического общества. Всегда учитывая материалистическое развитие истории, как и условия места и времени, когда он жил, Ленин боролся за создание и консолидацию Большевистской партии. Владимир Ильич и другие большевики путем интенсивной революционной борьбы внутри России и за ее пределами, в условиях загнивания царизма и его армии, подготовили и начали Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Ленинский гениальный план победы революции был проведен в жизнь. После успешного завершения Великой революции, потрясшей старый мир и открывшей новую эру в истории человечества, эру уничтожения гнета и эксплуатации, Ленин продолжил борьбу за создание первого социалистического государства. Вместе с Лениным боролся и работал также его преданный соратник, Иосиф Виссарионович Сталин.

Понятно почему против идей Маркса, Энгельса и Ленина, против их справедливых, решительных и непоколебимых действий, отвечавших интересам рабочего класса и народов, не могла не выступать буржуазия, которая, не колеблясь, всегда жестоко и решительно направляла на них свое разного рода оружие.

Этой великой и организованной вражде капитализма и мировой реакционной буржуазии была противопоставлена великая и организованная, несокрушимая сила русского пролетариата в единстве с мировым пролетариатом. Эта конфронтация явилась выражением острой классовой борьбы внутри России и за ее пределами, которая проявлялась на протяжении всего этого времени в столкновениях с силами интервенции и с остатками царизма и русской реакции. С этими врагами надо было вести беспощадную борьбу.

В этом процессе классовой борьбы надо было закалять Большевистскую партию, надо было построить государство диктатуры пролетариата, что является главным вопросом революции, надо было заложить основы социалистической экономики. Следовательно, надо было осуществить коренные преобразования во всех областях жизни, но новым путем, в новом духе, с новой целью; надо было творчески, применительно к конкретным условиям царской России

проводить теорию Маркса о философии, политэкономии и научном социализме.

Все эти цели могли быть осуществлены под руководством пролетариата, как самого передового и самого революционного класса, в союзе с беднейшим и средним крестьянством. После установления новой власти надо было вести упорную, героическую борьбу за улучшение экономической и культурной жизни народов, освобожденных от ярма царизма и иностранных, европейских капиталов. В этой титанической борьбе Сталин твердо стоял на стороне Ленина, он был борцом передовой линии.

По мере политической консолидации новой, советской власти, по мере развития всех отраслей промышленности, по мере развития колхозного сельского хозяйства, развития новой, социалистической культуры в Советском Союзе, обострялось сопротивление внешних врагов и внутренней реакции. Враги усилили свою борьбу особенно после смерти Владимира Ильича Ленина.

Перед телом Ленина Сталин поклялся верно проводить его учение, претворить в жизнь его наказы сохранить чистоту высокого звания коммуниста, сохранить и упрочить единство Большевистской партии, сохранить и неустанно закалять диктатуру пролетариата, непрерывно укреплять союз рабочего класса с

крестьянством, оставаться до конца верным принципам пролетарского интернационализма, защищать первое социалистическое государство от происков внутренних врагов — буржуазии и помещиков, как и от внешних врагов — империалистов, стремившихся к его разгрому, довести до конца дело построения социализма в шестой части мира.

Иосиф Сталин сдержал слово. Во главе Большевистской партии он сумел руководить делом строительства социализма в Советском Союзе и превратить великую родину русского пролетариата и всех народов Советского Союза в колоссальную опору мировой революции. Он показал себя достойным продолжателем дела Маркса, Энгельса и Ленина и дал блестящие доказательства того, что был великим, прозорливым и твердым марксистом-ленинцем.

Внутренние враги Советского Союза — троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы и другие — были тесно связаны с внешними капиталистами, так как являлись их приспешниками. Некоторые из них находились в рядах Большевистской партии с намерением взять крепость изнутри, извратить правильную, марксистско-ленинскую линию этой партии, возглавляемой Сталиным, тогда как некоторые другие находились вне партийных рядов, но зато в государственных органах и составляли заговоры, под сурдинку и в открытую срывали дело социали-

стического строительства. В этих условиях Сталин упорно проводил один из главных наказов Ленина — решительно очищать партию от всех оппортунистических элементов, от всех тех, кто капитулировал перед давлением буржуазии и империализма и перед всяким чуждым марксизму-ленинизму взглядом. Борьба, которую Сталин, стоя во главе Большевистской партии, вел против троцкистов и бухаринцев, является прямым продолжением борьбы Ленина, глубоко принципиальной, спасительной борьбой, без которой не было бы ни социалистического строительства, ни возможности защищать социализм.

Иосиф Сталин понимал, что победы можно было одержать и отстоять усилиями, лишениями, потом, борьбой. Он никогда не выказывал беспочвенного оптимизма при достижении побед и никогда не впадал в пессимизм перед лицом возникавших трудностей. Напротив, Сталин показал себя исключительно зрелым деятелем, умеренным в своих мыслях, решениях, действиях. Будучи великим человеком, он сумел завладеть сердцами партии и народа, мобилизовать их энергию, закалить борцов в битвах и сражениях и поднять их политически и идеологически, сделать способными выполнить великое, невиданное дело.

Сталинские пятилетки развития народного хозяйства и культуры превратили первую в

мире страну социализма в могучую социалистическую державу. Руководствуясь ленинскими положениями о преимущественном развитии тяжелой промышленности в деле социалистической индустриализации, Большевистская партия во главе со Сталиным дала стране очень мощную промышленность для производства средств производства, гигантскую машиностроительную промышленность, способную обеспечить быстрое развитие всего народного хозяйства в целом, и все необходимые средства, как и обеспечить несокрушимую оборону. Тяжелая социалистическая индустрия была создана, как говорил Сталин, «внутренними силами, без кабальных кредитов и займов извне». Сталин разъяснил всем, что при создании тяжелой индустрии советское государство не могло идти тем путем, которым идут капиталистические страны — получать займы извне или грабить другие страны.

После коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе создалось современное социалистическое сельское хозяйство, основанное на прочной сельскохозяйственной механике — производстве социалистической тяжелой индустрии, и тем самым была решена проблема зерновых и других главных земледельческих и животноводческих продуктов. Это Сталин дальше разработал ленинский кооперативный план, руководил делом проведения в жизнь этого пла-

на в ожесточенной борьбе с врагами социализма — с кулачеством, бухаринскими предателями, бесчисленными трудностями и препятствиями, являвшимися результатом не только вражеской деятельности, но и отсутствия опыта, частнособственнической психологии, которая имела глубокие корни в сознании крестьян.

Хозяйственное укрепление и поднятие культурного уровня способствовали укреплению государства диктатуры пролетариата в Советском Союзе. Находясь во главе Большевистской партии, Сталин сумел мастерски организовать советское государство и руководить им, дальше усовершенствовать его работу и всегда марксистско-ленинским путем развивать базис и надстройку общества в соответствии с политической обстановкой и с внутренним экономическим развитием, не упуская из виду также и внешнюю обстановку, то есть захватнические стремления и ненавистные происки, которые предпринимали буржуазно-капиталистические государства с целью вставить палки в колеса делу построения нового государства пролетариев.

Мировой капитализм видел в Советском Союзе своего опасного врага, поэтому он пытался изолировать его на международной арене, тогда как внутри его стал поощрять и организовать заговоры ренегатов, шпионов, предателей и правых уклонистов. Диктатура про-

летариата беспощадно била по этим опасным врагам. Всех изменников судили публично. Их виновность в то время была подтверждена неоспоримыми доказательствами и самым убедительным образом. Относительно состоявшихся в Советском Союзе в соответствии с революционным законодательством судебных процессов по делу троцкистов, бухаринцев, радеков, зиновьевых, каменевых, пятаковых и тухачевских, большой шум подняла буржуазная пропаганда, которая еще больше усилила и возвела в систему свою клеветническую и уничижающую шумиху против справедливой борьбы советской власти, Большевистской партии и Сталина, защищавших жизнь своих народов, защищавших новую, социалистическую систему, установленную потом и кровью рабочих и крестьян, защищавших Великую Октябрьскую революцию и чистоту марксизма-ленинизма.

Чего только не выдумывали внешние враги, особенно против Иосифа Сталина, продолжателя дела Маркса и Ленина, талантливого вождя Советского Союза, которого они называли «тираном», «убийцей» и «кровопийцей». Все эти клеветнические измышления отличались явным цинизмом. Нет, Сталин не был тираном, не был деспотом. Он был человеком принципиальным, справедливым, скромным, чутким и очень внимательным к людям, к кадрам, к своим сотрудникам. Вот почему его так сильно лю-

били партия, народы Союза Советских Социалистических Республик, весь мировой пролетариат. Таким его знали миллионы коммунистов и выдающиеся революционные и прогрессивные деятели в мире. Описывая образ Сталина, Анри Барбюс в своей книге «Сталин» отмечает, в частности: «Он установил и поддерживает контакты с рабочим, крестьянским и интеллектуальным народом в СССР, как и с революционерами мира, у которых в сердце их родина, — следовательно, более чем с 200 миллионами человек». И он добавлял: «Этот прозорливый и остроумный человек, скромен ... Он по-детски улыбается. . . Во многих отношениях Сталин похож на необыкновенного В. Ильича: такое же овладение теорией, такая же деловитость, такая же решительность. .. В Сталине, больше, чем в кем бы то ни было, найдешь мысль и слово Ленина. Он — Ленин сегодня».

Все мысли и дела Сталина, написанные и претворенные в жизнь, красной нитью пронизаны последовательно революционными, марксистско-ленинскими идеями. Ни одной принципиальной ошибки нельзя найти в трудах этого выдающегося марксиста-ленинца. Его дело отвечало интересам пролетариата, трудящихся масс, интересам революции, социализма и коммунизма, интересам национально-освободительной и антиимпериалистической борьбы. Он не

был эклектиком в своих теоретических и политических мыслях, не допускал колебаний в своих практических действиях. Тот, кто опирался на искреннюю дружбу Иосифа Сталина, тот был уверен в своем движении вперед, к счастливому будущему своего народа. Тот, кто лукавил, не мог ускользнуть от бдительности и острого суждения Иосифа Сталина. Это суждение имело своим источником великие идеи марксистско-ленинской теории, выкристаллизовавшиеся в его остром уме и в его чистой душе. Он сумел всю жизнь, даже среди враждебных бурь и ураганов, крепко держать и правильно направлять руль социализма.

Сталин знал, когда и в какой мере надо идти на компромиссы, с тем чтобы они не посягали на марксистско-ленинскую идеологию, напротив, приносили бы пользу революции, социализму, Советскому Союзу и друзьям Советского Союза.

Пролетариат, марксистско-ленинские партии, подлинные коммунисты и все прогрессивные люди в мире находили правильными, разумными и нужными спасительные действия Большевистской партии и Сталина в защиту нового, социалистического общественно-экономического строя и государства. Дело Сталина одобряли мировой пролетариат и народы мира, ибо они сознавали, что он боролся против

гнета и эксплуатации, которые они испытывали на себе. Народы слышали клеветнические измышления на Сталина именно из уст тех извергов, которые устраивали пытки и массовое истребление в капиталистическом обществе, из уст тех, кто был виновником голода, нищеты, безработицы и неисчислимых лишений, поэтому они не верили измышлениям.

Против этих врагов миллионы пролетариев везде в мире выступали с мощными забастовками и демонстрациями на улицах городов, где они нападали на фабрики и заводы капиталистов. Народы поднимались на борьбу против колонизаторов за завоевание своих демократических прав и свобод. В то же время это было всесторонней международной поддержкой, оказываемой Советскому Союзу и Сталину, и она способствовала укреплению нового государства Советов, росту его огромного авторитета в мире.

Все коммунисты, боровшиеся против мирового капитализма, где бы они ни были, были названы буржуазией и ренегатами марксизма-ленинизма «агентами» Советского Союза и Сталина. Однако коммунисты были людьми честными, они не были чьими-либо агентурами, они были лишь верными последователями учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Они поддерживали Советский Союз, так как в его политике видели свою мощную опору в борьбе

за торжество коммунистических идей, видели яркий пример того, как надо было вести борьбу за то, чтобы выиграть битвы одну за другой, чтобы осилить врагов, чтобы избавиться от ига власти капитала и установить новый, социалистический общественный строй.

В то время как мировой капитализм, как старый, загнивающий строй, ослабевал, в Советском Союзе социализм, как новый строй будущего, торжествовал и все более и более становился надежной опорой мировой революции. В этих условиях капитализму приходилось использовать абсолютно все средства, чтобы нанести смертоносный удар великому социалистическому государству пролетариев, указывавшему миру путь спасения от эксплуатации, поэтому капиталисты подготовили и развязали вторую мировую войну. Они восстановили, оказали поддержку, вооружили гитлеровцев и натравили их на «большевизм», на Советский Союз, подняли их на борьбу за осуществление мечты о «жизненном пространстве» на Востоке. Советский Союз понял грозившую ему опасность. Сталин был бдителен, он прекрасно знал, что клевета, которую измышляла против него международная капиталистическая буржуазия, утверждавшая, будто он не боролся против возраставшего фашизма и нацизма, представляла собой обыкновенные словеса этой бур-

жуазии и гитлеровской пятой колонны, рассчитанные на надувательство мировой общественности и на осуществление их замыслов — нападения на Советский Союз.

Седьмой Конгресс Коминтерна по праву назвал фашизм в 1935 году величайшим врагом народов в конкретных условиях того времени. Этот конгресс по личной инициативе Сталина выдвинул лозунг об общем антифашистском народном фронте, который должен был быть создан в каждой стране с целью разоблачения агрессивных и захватнических планов и деятельности фашистских государств и поднятия народов на ноги против этих планов и против этой деятельности, чтобы предотвратить грозившую миру новую империалистическую войну.

Никогда, ни в какие моменты Сталин не забывал о той опасности, которая грозила Советскому Союзу. Он всегда вел решительную борьбу и давал четкие указания о том, как закалять партию для грядущих битв и сражений, как сплотить народы Советского Союза марксистско-ленинским стальным единством, как укреплять советскую экономику социалистическим путем, как упрочить оборону Советского Союза материальными средствами и кадрами и вооружать ее революционной стратегией и революционной тактикой. Это Сталин на фактах из самой жизни указывал и доказывал, что им-

периалисты являются поджигателями, что империализм является носителем захватнических войн, в связи с чем он советовал людям быть всегда начеку и готовыми к отражению любых действий гитлеровских нацистов, итальянских фашистов и японских милитаристов, которые могли быть предприняты ими вместе с остальными мировыми капиталистическими державами. Слово Сталина ценили как золото, оно стало путеводной звездой для пролетариев и народов мира.

Сталин предложил правительствам великих капиталистических держав Западной Европы создать союз против гитлеровской чумы, однако эти правительства отклонили такое предложение; более того, они нарушили даже ранее заключенные с Советским Союзом союзы, так как надеялись, что гитлеровцам удастся уничтожить «семя большевизма», что гитлеровцы вытащат для них каштаны из огня.

В этой серьезной обстановке, чреватой большими опасностями, провалившись в своих стараниях убедить правителей так называемых западных демократий в необходимости создать совместный антифашистский союз, Сталин нашел целесообразным добиться отдаления войны против Советского Союза, с тем чтобы выиграть время для дальнейшего укрепления обороны. С этой целью он подписал пакт о ненападении с Германией. Этот пакт был призван слу-

жить модус вивенди для временного предотвращения опасности, ибо Сталин видел гитлеровскую агрессивность, поэтому и был подготовлен к ее отражению.

Многие буржуазные и ревизионистские политики и историки утверждают и пишут, будто гитлеровская агрессия застала Советский Союз неподготовленным, и винят в этом Сталина! Между тем факты отвергают подобную клевету. Известно, что гитлеровская Германия, будучи агрессивным государством, нарушив пакт о ненападении, совершенно вероломно и по-пиратски воспользовалась стратегической внезапностью и численным превосходством огромной силы примерно в 200 дивизий, своих и своих союзников, которые она бросила в «молниеносную войну», с помощью которой, согласно планам Гитлера, Советский Союз должен был быть разгромлен и побежден не более чем за два месяца!

Но что произошло на самом деле — известно. «Молниеносная война», которая имела успехи везде в Западной Европе, на Востоке провалилась. Красная Армия, обладая очень прочным тылом, пользуясь поддержкой всех народов Советского Союза, во время своего отступления обескровила силы врага и наконец пригвоздила их на месте, затем перешла в контрнаступление и рядом последующих ударов сокрушила их, заставив гитлеровскую Гер-

манию принять безоговорочную капитуляцию. В истории навсегда записана решающая роль Советского Союза в деле разгрома гитлеровской Германии, уничтожения фашизма вообще во второй мировой войне.

Как это мог провалиться гитлеровский план «молниеносной войны» против Советского Союза и как этот последний мог сыграть столь большую роль в деле спасения человечества от фашистского рабства без всесторонней предварительной подготовки к обороне, без железной силы и стальной жизнеспособности социалистической системы, выдержавшей самое суровое и самое великое испытание во второй мировой войне? Как можно отделять эти победы от исключительной роли Сталина как в подготовке страны к отражению империалистической агрессии, так и в разгроме гитлеровской Германии и в исторической победе над фашизмом? Любые коварные попытки хрущевских ревизионистов отделить Сталина от партии и от советского народа в связи с решающей ролью социалистического государства в достижении этой победы разбиваются в пух и прах исторической действительностью, которую никакая сила не может не то, что стереть, но даже оспаривать или затмевать.

Борьба народов Советского Союза, возглавляемых Сталиным, привела к освобождению целого ряда стран и народов от нацистского

рабства, способствовала установлению народно-демократического строя во многих странах Восточной Европы, вызвала подъем национально-освободительной, антиимпериалистической и антиколониальной борьбы, содействуя, тем самым, распаду и крушению колониальной системы, созданию в мире нового соотношения сил в пользу социализма и революции.

Хрущев без зазрения совести называл Сталина «замкнутым» человеком, якобы не разбиравшимся в обстановке в Советском Союзе и в мировой обстановке, человеком, якобы не знавшим, где были дислоцированы соединения Красной армии и якобы управлявшим ими только по школьному глобусу!

Неоспоримые заслуги Сталина вынуждены были признать даже такие лидеры мирового капитализма, как Черчилль, Рузвельт, Трумэн, Иден, Монтгомери, Гопкинс и другие, хотя они не скрывали своей вражды к марксистско-ленинской политике и идеологии, как и к самому Сталину. Я читал их воспоминания и видел, что эти лидеры капитализма с уважением отзываются о Сталине, как государственном деятеле и полководце, они называют его великим человеком, «наделенным изумительным стратегическим чутьем», «невиданным умением быстро улавливать проблемы». Черчилль говорил о Сталине: «... Я уважаю этого великого и выдающегося человека ... Очень немногие лю-

ди в мире могли понять так, в немногие минуты, вопросы, на которые мы тратили многие месяцы. Он улавливал все за секунду».

Хрущевцы стремились создать иллюзию о том, будто не Сталин, а они, видите ли, руководили Великой Отечественной войной Советского Союза против нацизма! А между тем всем известно, что в это время они приютились под сенью Сталина, которому пели лицемерные гимны, заявляя: «Всеми своими победами и успехами мы обязаны великому Сталину» и т.д. и т.п. в такое время, когда они готовились к подрыву этих побед. Подлинные гимны, выходившие из сердца, пели славные советские воины, которые с именем Сталина в устах грудью стояли за свою родину в исторических битвах.

Албанские коммунисты и албанский народ очень мощно и непосредственно (хотя мы и были довольно далеко от Советского Союза) ощущали большую роль Сталина в наиболее тяжелые моменты, которые переживала наша страна в период итальянской и немецкой фашистской оккупации, когда решалась судьба нашей Родины — остаться ей в неволе или же выйти на свободу и светлый путь. В самые трудные дни войны Сталин был всегда рядом с нами. Он укреплял в нас надежды, освещал перспективу, закалял наши сердца и нашу волю, увеличивал нашу веру в победу. Часто последними словами албанских коммунистов, патриотов и

партизан, отдававших свою жизнь на полях сражений, перед виселицей, перед вражеским пулеметом или автоматом, были: «Да здравствует Коммунистическая Партия!», «Да здравствует Сталин!». Не раз вражеские пули, пробивая сердца сынов и дочерей нашего народа, пробивали в то же время и труды Сталина, которые они держали за пазухой как священное сокровище.

Несмотря на скрытые и открытые попытки внутренних и внешних врагов Советского Союза подорвать социализм после второй мировой войны, великим международным проблемам тон задавала именно правильность сталинской политики. Страна Советов, испепеленная войной и оставившая на полях битв 20 миллионов человек, была восстановлена с поразительной быстротой. Этот огромный труд был проделан советским народом, советским рабочим классом и колхозным крестьянством под руководством Большевистской партии и великого Сталина.

В годы второй мировой войны ревизионизм проявился в измене Браудера, бывшего генерального секретаря КП США, который, вместе со своими сообщниками-ревизионистами, распустил партию и встал на службу к американскому империализму. Браудер выступал за устранение всяких границ между буржуазией и пролетариатом, между капитализмом и социа-

лизмом, за слияние их в один единственный мир, выступал против революции и гражданской войны, за мирное сосуществование классов в обществе. Могу сказать, что этой «белой линией», своей капитулянтской политикой Браудер предшествовал Тито, который, в силу своих антимарксистских и антиленинских взглядов и позиций, вступил в идеологический и политический конфликт с Советским Союзом еще в период войны, однако этот конфликт разразился открыто только после войны.. После огромных терпеливых усилий наставить ренегата Тито на путь истинный, Сталин, Большевистская партия и все подлинные коммунистические партии мира, убедившись в том, что он был неисправим, единодушно осудили его. Стало очевидно, что деятельность Тито шла на руку мировому империализму, вот почему ему оказывали поддержку и его взяли под защиту американский империализм и другие капиталистические государства. Присоединившись к хору буржуазной пропаганды, чтобы заслужить кредиты, получаемые от империалистов, Тито, помимо всего прочего, выдумал даже клевету о том, будто Сталин готовил нападение на Югославию. Время подтвердило, что Тито лгал.

В различных беседах, которые я имел со Сталиным, что я считаю большой честью, он мне говорил, что ни разу не возникала и не возникает мысль о том, чтобы Советский Союз

нападал на Югославию. Мы, говорил Сталин, коммунисты и никогда не нападем ни на какую чужую страну, следовательно, и на Югославию, но Тито и титовцев разоблачать будем, ибо это наш марксистский долг. Оставят у власти или же низложат Тито в Югославии, это внутреннее дело, которое надлежит решать самим народам Югославии, нам не следует вмешиваться в это дело, — говорил он.

Банду Никиты Хрущева в ее клеветнических измышлениях против Сталина поощрял и поддерживал ренегат Иосип Броз Тито, еще раньше выступавший открыто, а затем и Мао Цзэдун с компанией и другие ревизионисты разных мастей. Фактически все они были слугами капитализма, взявшими на себя задачу изнутри разгромить социализм в Советском Союзе, не допустить построения социализма в Югославии и помешать социалистическому строительству в Китае и во всем мире, поэтому они противопоставили себя Сталину, в котором видели могучего человека, которого при его жизни они не смогли объехать на кривой.

Эти предатели были последователями социал-демократических, ревизионистских, оппортунистических ренегатов Второго Интернационала, продолжателями их бесславного дела, действовавшими при новых обстоятельствах и условиях. Они утверждали, что организовывались «подходящим образом» для борьбы в со-

ответствии с ситуациями и придумывали якобы новые идеи с целью «исправления» и «дополнения» марксизма-ленинизма в соответствии с «духом времени» и т.д. Все эти подонки, несмотря на какие-либо формальные различия, проявлявшиеся в их мыслях и позициях, стремились к одному: бороться с марксизмом-ленинизмом, отрицать необходимость пролетарской революции, сокрушить социализм, удушить классовую борьбу и помешать разрушению до основания старого, капиталистического общества.

Сталин был подлинным интернационалистом. Он тщательно учитывал ту особенность советского государства, что оно было основано в результате объединения многих республик, состоявших из многих народностей, многих национальностей, поэтому государственное устройство этих республик он совершенствовал, соблюдая равноправие между ними. Своей правильной, марксистско-ленинской политикой в национальном вопросе Сталин смог выпестовать и закалить боевое единство различных народов Союза Советских Социалистических Республик. Стоя во главе партии и советского государства, он способствовал превращению «тюрьмы народов», какой была старая царская Россия, в свободную, независимую и суверенную страну, где бы народы и республики жили в согласии, дружбе, единстве и в условиях равноправия.

Сталин знал нации и их историческое формирование, он знал различные особенности культуры и психологии каждого народа и подходил к ним сквозь марксистско-ленинскую призму.

Интернационализм Иосифа Сталина ярко проявился и в отношениях, построенных между народно-демократическими странами, которые он считал свободными, независимыми, суверенными странами, близкими союзниками Советского Союза. Он никогда не представлял себе эти государства как государства, подчиненные Советскому Союзу политически или экономически. Это была правильная, марксистско-ленинская политика, проводившаяся Сталиным.

В своих воспоминаниях я писал о том, что в 1947 году я обратился к Иосифу Сталину с просьбой о создании ряда совместных албано-советских обществ, которые бы эксплуатировали наши подземные богатства. Он ответил мне, что они не создают совместных обществ с братскими странами народной демократии; объяснил мне, что и какой-нибудь шаг, который был сделан вначале в этом отношении с какой-нибудь страной народной демократии, они сочли неправильным и отказались от него. Мы, — продолжал Сталин, — обязаны предоставлять странам народной демократии технологию, которой мы располагаем, экономическую помощь, которую мы можем предоста-

влять, и всегда будем готовы поддерживать их. Так думал и так поступал Сталин.

Хрущевцы, наоборот, не придерживались подобного пути, они вступили на путь коварного капиталистического сообщничества, создав с бывшими народно-демократическими странами военное, политическое и экономическое «единство» в своих интересах и в ущерб другим.

Варшавский Договор они превратили в орудие, помогающее им держать под ярмом свои новые колонии якобы социалистическими формами и способами. СЭВ из организации экономической взаимопомощи, каким он был при Сталине, они превратили в орудие контроля и эксплуатации стран-членов его.

Значит, политика Иосифа Сталина в отношении всех великих политических, идеологических и экономических проблем совершенно противоположна политике хрущевских и других современных ревизионистов. Политика Сталина была принципиальной и интернационалистской, тогда как политика советских ревизионистов является капиталистической политикой, направленной на порабощение других народов, попавших или попадающих в их ловушку.

Империалисты, Тито, хрущевцы и все другие враги обвиняли Сталина в том, будто после второй мировой войны он разделил зоны влияния, войдя в соглашение с бывшими антифа-

шистскими союзниками — Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Это обвинение, как и остальные, время выбросило на свалку. После второй мировой войны Сталин с образцовой справедливостью отстаивал народы, их национально-освободительную борьбу, их национальные и социальные права от вожделений бывших союзников по антифашистской войне.

Враги коммунизма, начиная с мировой буржуазной реакции и вплоть до хрущевцев и всех других ревизионистов, всеми способами старались затмить и исказить все высокие качества этого великого марксиста-ленинца, все его ясные мысли и правильные деяния, и очернить первое социалистическое государство, созданное Лениным и Сталиным.

Хрущевцы, эти новые троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы и тухачевские коварно поощряли чувство высокомерия и превосходства людей, участвовавших в войне. Они поощряли привилегии для элиты, проложили широкий путь бюрократизму и либерализму в партии и государственных органах, попрали настоящие революционные нормы, и им удалось постепенно насадить в народе пораженчество. Все свои злодеяния они выдавали за последствия «сурового и сектантского поведения, как и метода и стиля работы» Сталина. Это коварное дело тех, которые действовали испод-

тишка, служило для надувательства рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, для приведения в движение всех притаившихся до того времени диссидентов. Диссидентам, карьеристам и разложившимся элементам они говорили, что для них теперь настало «настоящая свобода» и что эту «свободу» им принесли Никита Хрущев и его группа. Это было подготовкой почвы для разгрома социализма в Советском Союзе, для низвержения диктатуры пролетариата и установления «общенародного» государства, которое фактически было бы ничем иным, как диктаторским государством фашистского типа, каким оно является ныне.

Эти подлости всплыли наружу вскоре после смерти, или, вернее, после убийства Сталина. Я говорю «после убийства Сталина» потому, что сам Микоян говорил нам, что они, вместе с Хрущевым и их компанией решили совершить «покушение»* и убить Сталина, но позднее, как говорил нам Микоян, они отказались от этого плана. Это известный факт, что хрущевцы с нетерпением ждали смерти Сталина. Обстоятельства смерти его неясны.

В этом отношении неразрешимой таинственностью остается и вопрос о «белых халатах» — процесс по делу врачей Кремля, которые при жизни Сталина были обвинены в

---

* По-русски в тексте.

попытке умертвить многих руководителей Советского Союза. После смерти Сталина эти врачи были реабилитированы, и этим было покончено с этим делом. А почему было замято это дело?! Была ли доказана преступная деятельность этих врачей, когда их судили, или нет? Вопрос о врачах был замят потому, что, если бы следствие было продолжено и позднее, если бы рылись еще глубже, то это вывело бы на чистую воду многое, обнаружило бы много преступлений и много заговоров замаскированных ревизионистов с Хрущевым и Микояном во главе. Так могла бы объясниться и неожиданная смерть за короткий для излечимых болезней срок Готвальда, Бейрута, Фостера, Димитрова и некоторых других, о которых я писал в своих неопубликованных воспоминаниях «Хрущевцы и мы»[1]. Так могла быть доказана и подлинная причина неожиданной смерти Сталина.

Хрущев и его группа для достижения своих низкопробных целей и осуществления планов борьбы с марксизмом-ленинизмом и с социализмом, бесшумно и таинственно одного за другим ликвидировали многих из главных руководителей Коминтерна. Так, помимо других,

---

1 Книга вышла в свет в 1980 г. на албанском и нескольких иностранных языках. Автор озаглавил эту книгу «Хрущевцы».

они атаковали и дискредитировали Ракоши, которого сняли с поста и сослали в глухие степи. России.

Никита Хрущев и его соумышленники в «секретном» докладе, с которым они выступили на своем XX съезде, облили грязью Иосифа Виссарионовича Сталина и постарались унизить его самым отвратительным образом, самыми циничными троцкистскими методами. Скомпрометировав часть кадров в руководстве Коммунистической партии Советского Союза, хрущевцы порядочно использовали их, а затем дали им пинка, ликвидировали их как антипартийных элементов. Хрущевцы, с Хрущевым во главе, осудившие «культ Сталина» в целях сокрытия своих последующих преступлений против Советского Союза и социализма, превознесли до небес культ Хрущева.

Жестокость, коварство, вероломство, подлость характера, тюремные заключения и убийства, которые у самих этих высокопоставленных работников партии и советского государства были в крови и вошли в практику, они приписали Сталину. При жизни Сталина именно эти люди пели пышные дифирамбы ему с целью скрыть свой карьеризм, свои неприглядные цели и деяния. В 1949 году Хрущев называл Сталина «гениальным вождем и учителем», он говорил, что «имя товарища Сталина — это знамя всех побед советского народа, знамя

борьбы трудящихся всего мира». Микоян оценивал произведения Сталина как «новую, более высокую историческую ступень ленинизма». Косыгин говорил, что «всеми нашими победами и успехами мы обязаны великому Сталину» и т.д. и т.п. А после его смерти они заговорили иначе. Именно хрущевцы задушили голос партии, задушили голос рабочего класса и заполнили концентрационные лагеря патриотами; именно они выпустили из тюрем подлых предателей, троцкистов и всех врагов, которых время и факты выставили напоказ как противников социализма и агентуру иностранных врагов-капиталистов, что впрочем они снова доказали и сами своей борьбой как диссиденты.

Это хрущевцы конспиративно и таинственно «судили» и осудили не только советских революционеров, но и многих лиц из других стран. В своих записях я писал об одной встрече с советскими руководителями, где присутствовали Хрущев, Микоян, Молотов и некоторые другие. Поскольку Микоян собирался ехать в Австрию, Молотов, как бы в шутку, сказал, обращаясь к нему: «Осторожно, не завари «кашу» в Австрии, как заварил ее в Венгрии». Я сразу спросил у Молотова: «А что, разве Микоян заварил «кашу» в Венгрии?» Он ответил мне: «да» и дальше сказал, что, «если Микоян вновь поедет туда, то его повесят». Микоян, этот

скрытый антимарксистский космополит, ответил ему: «Если повесят меня, то повесят и Кадара». Но даже если бы их обоих повесили, то интриги и подлости все равно остаются аморальными явлениями.

Хрущев, Микоян и Суслов сначала взяли под защиту заговорщика Имре Надья, а затем осудили и тайно казнили его где-то в Румынии! По какому праву они обошлись так с иностранным гражданином? Его, хотя он был заговорщиком, должно было судить только его государство, по отношению к нему не были допустимы никакие иностранные законы, суды или меры наказания. Сталин никогда не допускал подобных действий.

Нет, Сталин никогда не поступал так. Изменников партии и советского государства он судил открыто. Партии, советскому народу открыто были показаны совершенные ими преступления. Никогда не найдешь у Сталина таких мафийских методов, какие находишь у советских ревизионистских лидеров.

К таким методам прибегали и прибегают советские ревизионисты и друг против друга в их борьбе за власть, как это поступают в любой капиталистической стране. Путчем захватил власть Хрущев, путчем же низложил его с престола Брежнев.

Брежнев и его соумышленники убрали Хрущева, чтобы избавить ревизионистскую по-

литику и идеологию от дискредитирования и изобличения, являвшихся следствием его сумасбродных деяний, его несусветных глупостей. Он нисколько не отверг хрущевизма, докладов и решений XX и XXII съездов, где воплощен хрущевизм. Но Брежнев показал себя настолько неблагодарным в отношении Хрущева, которого он раньше так превозносил, что даже не нашел и дырку в кремлевских стенах, куда можно было положить прах его, когда он умер! Кстати, советский народ и мировая общественность никогда не были проинформированы о настоящих причинах низложения Хрущева. И поныне в официальных ревизионистских документах «основной причиной» всегда приводится «преклонный возраст и ухудшение состояния здоровья»!!

Сталин совершенно не был таким, как его обзывали и обзывают враги коммунизма. Наоборот, он был принципиальным и справедливым. Он, смотря по обстоятельствам, умел помогать заблуждавшимся и изобличать их, поощрять и отмечать особые заслуги тех, которые верно служили марксизму-ленинизму. Известны случаи с Рокоссовским и Жуковым. Когда Рокоссовский и Жуков ошиблись, они были подвергнуты критике и сняты с постов. Но их не отвергли прочь, как неисправимых, наоборот, им тепло помогали, и в моменты, когда было найдено, что эти кадры уже исправились,

Сталин выдвинул их на посты, присвоил им звание маршала, и в период Великой Отечественной войны поручил им чрезвычайно важные задания на главных фронтах войны против гитлеровских захватчиков. Так, как поступал Сталин, мог поступать только вождь, которому был ясен и который проводил в жизнь принцип марксистско-ленинской справедливости при оценке работы людей, с их положительными сторонами и ошибками.

После смерти Сталина маршал Жуков стал орудием Никиты Хрущева и его группы; он поддерживал предательскую деятельность Хрущева против Советского Союза, Большевистской партии и Сталина. Наконец, Никита Хрущев выбросил Жукова как выжатый лимон. То же самое сделал он и с Рокоссовским и многими другими главными кадрами.

Многие советские коммунисты были соблазнены демагогией хрущевской ревизионистской группы и подумали, что после смерти Сталина Советский Союз взаправду станет настоящим раем, как стали трезвонить ревизионистские предатели. Они с помпой заявили, что в 1980 году в Советском Союзе будет установлен коммунизм!! Но что же произошло? Произошло обратное, да иначе не могло и быть. Ревизионисты захватили власть не для процветания Советского Союза, а для возвращения его назад, для превращения его, как и превратили, в ка-

питалистическую страну, для подчинения его экономически мировому капиталу, для заключения тайных и открытых соглашений с американским империализмом, для подчинения народов и стран народной демократии под маской военных и экономических договоров, чтобы держать эти страны под ярмом и создать рынки и зоны влияния в мире. Вот какими были хрущевцы, которые использовали в своих целях успехи социалистического строительства в Советском Союзе и направили их на такой порочный путь, что создали новый класс социал-империалистической буржуазии с целью сделать Советский Союз мировой империалистической державой, чтобы, сообща с Соединенными Штатами Америки, господствовать над миром. Сталин в свое время предупреждал партию об этой угрозе. Сам Хрущев рассказывал нам, что Сталин говорил им, что они продадут Советский Союз империализму. И фактически так и произошло, *его* слова подтвердились.

Народы мира, мировой пролетариат, трезвые люди с чистым сердцем при создавшихся ситуациях сами могут судить о правильности позиций Сталина. Только в широкой политической, идеологической, экономической и военной платформе люди могут судить о правильности его марксистско-ленинской линии.

Еще вчера буржуазия и ревизионисты своей пропагандой, извращая историю, вводили

людей в заблуждение относительно деятельности Сталина; но теперь, когда ясно видят, кто такие хрущевцы, титовцы, маоисты, «еврокоммунисты» и т.д. и кем были гитлеровцы, кем являются американские империалисты и мировой капитализм, они понимают за что боролся Сталин, за что боролись большевики, за что борются пролетарии и настоящие марксисты-ленинцы и за что борются их враги, течения на службе у капитализма, за что борются ревизионисты. Те, которые думают, что коммунизм «провалился», всегда разочаровывались и, несомненно, всегда будут разочарованы. Время каждый день подтверждает, что наше учение живет, что оно является всесильным.

Оценивая дело Сталина в целом, каждый может понять гениальность и коммунистический дух этого выдающегося деятеля и убедиться в том, что людей, подобных ему, мало знает современный мир.

Великое дело Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, дело социализма и коммунизма — это будущее мира.

Мы, албанские коммунисты, успешно проводили указания Сталина, в первую очередь его указания о том, что надо иметь сильную, стальную партию, всегда верную марксизму-ленинизму, беспощадную к классовым врагам; мы всегда уделяли внимание делу защиты единства мнения и действия в партии и укрепления един-

ства партии с народом. Мы следовали указаниям Сталина о создании социалистической промышленности, о коллективизации сельского хозяйства и добились крупных успехов. Наша партия и наш народ будут бороться за неуклонное укрепление тесного союза между рабочим классом и крестьянством под руководством рабочего класса. Мы никогда не поддадимся лести и лукавству врагов, будь это внешние или внутренние, а будем продолжать классовую борьбу как внутри страны, так и на международной арене, и всегда будем бдительными в отношении их вредительской деятельности. Иначе, если бы мы не проявляли бдительности, если бы мы не проводили с верностью указания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, то Албания скатилась бы в болото современного ревизионизма, она больше не была бы независимой и социалистической страной, здесь не было бы больше диктатуры пролетариата, а царил бы гнет империалистическо-ревизионистских держав.

Наша партия и наш народ будут следовать пути Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ульянова Ленина и Иосифа Сталина Грядущие поколения социалистической Албании верно будут следовать линии своей родной партии.

Албанцы, коммунисты и беспартийные патриоты с благоговением преклоняются пе-

ред памятью славного учителя, Иосифа Сталина. По случаю 100-летия со дня его рождения мы с уважением вспоминаем того, кто помог нам, дал нам возможность умножить силы нашего народа, который партия сделала полновластным хозяином своих судеб. Освобождением Родины и социалистическим строительством в нашей стране мы обязаны также интернационалистской поддержке Сталина. Его богатый и очень ценный опыт служил нам руководством на нашем пути и в нашей работе.

Наша партия в этот юбилейный год проводит широкую, постоянную работу, с тем чтобы сделать еще более известными жизнь и славное дело великого марксиста-ленинца, Иосифа Сталина. Вся деятельность нашей партии с ее основания и вплоть до наших дней свидетельствует о ее уважении, верности и преданности бессмертному учению наших великих классиков, следовательно, и идеям Иосифа Сталина. Так у нас будет от поколения к поколению.

Я, как деятель партии, как один из ее руководителей, которому партия несколько раз оказывала честь, послав встретиться с товарищем Сталиным, побеседовать с ним о наших заботах, о нашем положении и наших условиях и попросить его советов и помощи, старался своевременно записывать воспоминания об этих

встречах так, как я их воспринимал, изображать Сталина таким, каким я его видел в обращении с представителем такой малой партии и такого малого народа, как наши. Сдавая в печать эти скромные воспоминания, я был побужден желанием хоть сколько-нибудь помочь коммунистам, трудящимся и молодежи нашей страны знакомиться с фигурой этого великого и бессмертного человека.

В эту славную годовщину я с благоговением и преданностью преклоняюсь перед партией и народом, которые меня родили, вырастили и закалили, и перед Иосифом Сталиным, который дал мне столь ценные для счастья моего народа советы, который оставил в моем сердце и в моем уме столь неизгладимые воспоминания.

Пусть это столетие послужит нам, марксистам-ленинцам, и бесчисленным в мире сторонникам высших идеалов рабочего класса для укрепления боевого единства наших рядов.

Теперь, в ознаменование этого великого юбилея Сталина, для честных людей везде в мире настало время глубоких размышлений для того, чтобы найти правильный путь, рассеять туман, напущенный капиталистической буржуазией, ревизионистской буржуазией с целью сдержать революционный порыв, революционные мысли масс. Революционная мысль и

революционное действие приведут людей доброй воли, справедливых людей, людей из народа на путь избавления от ярма капитала.

Вспоминая Сталина и его дело в столетнюю годовщину со дня его рождения, мы, марксисты-ленинцы, не можем не обратиться непосредственно к народам Советского Союза и совершенно откровенно и искренне сказать им:

Вы, которые с именем Сталина в устах напали на самых опасных врагов человечества и победили их, что будете делать, будете ли молчать по случаю этого великого юбилея?

Хрущевские ревизионисты, которые чего только не наговорили на Сталина, поскольку им нельзя скрывать его имя и его замечательное дело, могут писать какое-нибудь бледное слово о нем. Но ведь это вы, совершившие Великую Октябрьскую революцию, должны с глубоким уважением вспоминать своего выдающегося вождя. Вы должны разгромить фашистский диктаторский режим, прикрывающийся мошенническими словесами. Вам надо знать, что те, которые правят вами, являются фашистами, шовинистами и империалистами. Они готовят из вас пушечное мясо для суровой империалистической войны, для истребления народов и разорения стран, так много рассчитывавших на родину Ленина и Сталина. Народы мира не хотят, чтобы вы были такими. Если вы будете продолжать оставаться такими, то

они больше не могут вас уважать, они возненавидят вас.

Народы мира ненавидят ваших нынешних контрреволюционных властелинов, ибо изготовляемое ими атомное оружие, устраиваемые ими парады на Красной площади и проводимые ими военные маневры представляют собой угрозу для народов и их свободы, как и атомное оружие, парады и военные маневры американского империализма и мирового капитализма. Вооружения и армия в Советском Союзе больше не находятся в руках советского народа и не способствуют делу освобождения мирового пролетариата, наоборот, они предназначены для подавления советского народа и других народов.

Вы должны осознать и отдать себе отчет в том, что враги уже давно увели вас в сторону от пути революции. Хрущевские ревизионисты борются за возбуждение в вас чувства самоуправства и господства над другими. Они утверждают, будто вашу великую силу используют для борьбы с американским империализмом и мировым капитализмом, но это утверждение ложно. Ваши властелины находятся в противоречиях и в союзе с американским империализмом и мировым капитализмом не в интересах революции, а в силу империалистических амбиций и стремлений к разделу сфер влияния и господству над народами.

Народы мира озабочены тем, будете ли вы, сыны, внуки и правнуки тех славных воинов, которые совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, вы, советские пролетарии, колхозники, солдаты и интеллигенты, продолжать идти по этому враждебному народам пути, на который вас увели те, кто угнетает вас, или же с именем Ленина и Сталина в устах вы встанете и пойдете в атаку по пути революции? Мир хочет и желает, чтобы вы пошли по пути революции и продвигались вперед, провозглашая, подобно вашим предшественникам: «За Ленина!», «За Сталина»!*, за настоящий социализм, против империализма, социал-империализма и ревизионизма.

Изменническое руководство неправильно информирует вас о страданиях других народов, которые погибают на улицах в ходе демонстраций против империалистов и капиталистов-кровопийц. Вам не говорят правду о том, почему в Иране народ, жаждущий свободы и независимости, поднимается на ноги и низвергает шаха-тирана, приспешника американских империалистов. Хрущевская ревизионистская клика держит вас в неведении о страданиях арабских народов, народов американского континента и всех континентов мира потому, что виновниками этих страданий являются империа-

---

* По-русски в тексте.

лизм и ваши руководители-предатели. Вам ничего не говорят о том, как ваши люди и их вассалы угнетают народы Африки вам не известны интриги, которые плетут в мире новые кремлевские цари, от вас скрывают то, что приятели хрущевцев, соумышленники вашего руководства, которым Никита Хрущев и его преемники с Брежневым во главе расчистили путь предательства, выступают заодно с капиталистами в ущерб рабочему классу и интересам своих народов. Вы многого не знаете о страданиях честных людей в вашей стране и об издевательствах над ними, ибо об этом угнетающая вас нынешняя шайка умалчивает.

Вам надо знать, что народы поднялись на революцию, что они ведут героическую борьбу, тогда как вас, составляющих огромную силу, угнетают, убаюкивают, вас усыпили.

Шайка властителей превратила вашу страну в социал-империалистическую державу. Путь к спасению — это путь революции, указанный нам Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. Брежневы, косыгины, устиновы и якубовские, как и солженицыны и сахаровы, являются контрреволюционерами и как таковые они должны быть низвергнуты и ликвидированы.

Вы — внушительная сила, однако вам надо заново завоевать доверие мирового пролетариата, доверие народов мира, то великое дове-

рие, которое трудом и борьбой создали Ленин и Сталин. **Вы должны немедленно глубоко размыслить о вашем будущем и будущем человечества. Вам пора стать такими, какими вы были при Ленине и Сталине — славными участниками пролетарской революции, поэтому вам нельзя сидеть под ярмом врагов революции и народов, врагов свободы и независимости государств. Вы никак не должны стать орудием империализма, стремящегося поработить народы, используя ленинизм в качестве маски.**

Если вы пойдете по пути революции и марксизма-ленинизма, если вы тесно свяжетесь с мировым пролетариатом, то американский империализм и вообще загнивающий капитализм будут расшатаны до основания, мир изменит свой облик, социализм победит.

На вас, советские народы, советские рабочие, колхозники и солдаты, лежит большая ответственность и высокие обязанности перед человечеством. Эти обязанности вы сможете выполнить с честью в том случае, если не будете выносить пяты варварской клики, правящей ныне бывшей Большевистской партией Ленина-Сталина и вами.

Партия у вас больше не является марксистско-ленинской партией. Вам борьбой надо построить новую партию ленинско-сталинского типа. Вы должны понять, что Советский Союз больше не является оплотом свободных наро-

дов, живущих в полной гармонии друг с другом. Большевизму удалось создать братское единение народов Советского Союза. Ревизионизм же сделал обратное, он расколол народы вашей страны, возбудил шовинизм в каждой республике, породил вражду между ними, вселил в другие народы ненависть к русскому народу, который возглавил революцию под руководством Ленина и Сталина.

Дадите ли вы еще попирать себя? Допустите ли вы и дальше, чтобы в вашей стране углублялся процесс обуржуазивания во всех областях жизни, как это делают ревизионисты? Примете ли вы ярмо нового капитала, облаченного в тогу ложного социализма?

Мы, албанские коммунисты и албанский народ, как и все коммунисты и свободолюбивые народы мира, любили настоящий социалистический Советский Союз времен Ленина-Сталина. Мы решительно идем по пути Ленина и Сталина и верим в великие революционные силы советского народа, советского пролетариата, поэтому мы убеждены, что их сила проявится постепенно, в борьбе, в самоотверженности, она поднимется на высоту требований времени и до основания разгромит советский социал-империализм.

Революция и жертвы, которые вы принесете, не ослабят вашу страну, а возродят подлинный социалистический Советский Союз.

Они приведут к свержению социал-империалистической диктатуры, и Советский Союз выйдет из этой революции сильнее, чем когда-либо. В этом славном деле вы будете пользоваться поддержкой всех народов мира, поддержкой мирового пролетариата. Как раз в этом революционном перевороте и кроется сила идей социализма и коммунизма, а не в пустых словах и неприглядных деяниях господствующей над вами клики. Только таким образом, идя по этому пути, настоящие коммунисты, марксисты-ленинцы везде в мире будут в состоянии осилить империализм и мировой капитализм. Они помогут народам мира освободиться один за другим, помогут великому Китаю вернуться на истинный путь социализма и не стать сверхдержавой для господства над миром, превратившись в третьего партнера в захватнических войнах, которые готовят американский империализм, советский социал-империализм и господствующая ныне в Китае клика Хуа Гофэна и Дэн Сяопина.

Мы, албанские коммунисты, будучи верными учениками Ленина и Сталина и солдатами революции, в этот славный юбилей призываем вас призадуматься над этими жизненными для вас и для всего мира проблемами, ибо мы — ваши братья, ваши товарищи по делу пролетарской революции и освобождения народов. Если вы встанете на путь захватнической, империалистической войны, куда ведут вас ваши

руководители-ренегаты, то мы, несомненно, останемся врагами вашей системы и ваших контрреволюционных деяний. Это ясно как день. Иначе и быть не может.

Мы, албанские коммунисты, которых со своим народом водой не разольешь, когда убеждены, что поступаем правильно, не останавливаемся ни перед какой бурей, какой бы сильной она ни была. И мы убеждены, что бури мы преодолеем, как их преодолевали Партия большевиков и власть Советов, как их преодолевали великие полководцы революции, Ленин и Сталин.

ВОСПОМИНАНИЯ

Из встреч со Сталиным

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Июль 1947 г.

Внешнее положение НРА. Взаимоотношения с соседними государствами и англо-американцами. Инцидент в Корфском проливе — Гаагский суд. Политическое, экономическое и социально-классовое положение в Албании. Всесторонний интерес и высокая оценка Сталиным нашей страны, нашего народа и нашей партии. «Партии стоять у власти и находиться в подпольном положении — в этом нет смысла». «Ваша коммунистическая партия может быть названа Партией Труда».

14 июля 1947 года я прибыл в Москву с дружественным визитом в Советский Союз, во главе первой официальной делегации Правительства Народной Республики Албании и Коммунистической партии Албании.

Радость моя и других товарищей, которым

Центральным Комитетом было поручено поехать в Москву и встретиться с великим Сталиным, была неописуемой. О встрече со Сталиным мы мечтали всегда, денно и нощно, с тех пор как мы ознакомились с марксистско-ленинской теорией. Это желание усилилось еще больше в ходе Антифашистской Национально-освободительной борьбы. После выдающихся фигур — Маркса, Энгельса и Ленина, — товарищ Сталин был для нас чрезвычайно дорогим и уважаемым, ибо его указания руководили нами в борьбе за основание Коммунистической партии Албании, как партии ленинского типа, вдохновляли нас во время Национально-освободительной борьбы и помогали нам в строительстве социализма.

Беседы со Сталиным и его советы должны были явиться путеводными в нашей огромной и трудной работе по закреплению завоеванных побед.

Вот почему наш первый визит в Советский Союз явился неописуемой радостью и огромным удовольствием не только для коммунистов и нас, членов делегации, но и для всего албанского народа, с нетерпением ждавшего этого визита, который он воспринял с огромным энтузиазмом.

Сталин и Советское правительство, как мы увидели собственными глазами и почувствовали нашими сердцами, приняли нашу делегацию

очень сердечно и тепло, с искренней любовью. За 12 дней нашего пребывания в Москве мы несколько раз встречались с товарищем Сталиным, и проведенные с ним беседы, его искренние и товарищеские советы и наказы мы бережем и будем на всю жизнь беречь как нечто дорогое.

Я никогда не забуду первой встречи с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это было 16 июля 1947 года, в третий день нашего пребывания в Москве. Тот день начался необычно: еще утром мы съездили в Мавзолей великого Ленина, с благоговением склонили голову перед телом гениального вождя революции, перед тем человеком, чье имя и колоссальное дело глубоко были запечатлены в наших умах и сердцах, озарили и озаряли нам славный путь борьбы за свободу, революцию и социализм. По этому случаю, от имени албанского народа, нашей Коммунистической партии и от себя лично я возложил к постаменту Мавзолея бессмертного Ленина разноцветный венок. Отсюда, осмотрев кладбище отважных борцов Октябрьской социалистической революции, выдающихся деятелей Большевистской партии и Советского государства, похороненных у подножия Кремлевских стен, мы пошли в Центральный Музей Владимира Ильича Ленина. Более двух

часов мы переходили из одного зала в другой, близко знакомясь с документами и экспонатами, подробно изображавшими жизнь и выдающееся дело великого Ленина. Прежде чем покинуть музей, в книгу отзывов музея, в частности, я занес и следующие слова: «Дело Ленина бессмертно, оно будет жить в сердцах грядущих поколений. Память о нем всегда будет жить в сердцах албанского народа».

Именно в этот день, полный неизгладимых впечатлений и эмоций, нас принял и с нами имел долгую беседу верный ученик и продолжатель дела Ленина, Иосиф Виссарионович Сталин.

Он с самого начала создал нам такую товарищескую атмосферу, что мы скоро почувствовали облегчение от того естественного волнения, которое нас охватило при входе в его кабинет — просторный зал с длинным столом для заседаний рядом с его рабочим столом. Несколько минут спустя после первых сказанных слов у нас было такое чувство, будто мы не беседовали с великим Сталиным, а сидели с товарищем, которого мы знали раньше, с которым мы беседовали много раз. Тогда я был еще молодым и представителем малой партии и малой страны; поэтому, для того чтобы создать мне как можно более теплую и товарищескую атмосферу, Сталин шутил и с любовью и большим уважением начал говорить о нашем наро-

де, о его боевых традициях в прошлом и о его героизме в Национально-освободительной борьбе. Он говорил тихо, спокойно и со своеобразной, располагающей теплотой.

Товарищ Сталин, в частности, сказал нам, что он питал глубокую симпатию к нашему народу, как очень древнему народу Балканской зоны, имеющему древнюю историю доблести.

— Я особенно знаком с героизмом, проявленным албанским народом в Антифашистской Национально-освободительной борьбе, — продолжал он, — однако эти мои знания, естественно, не в достаточной мере могут быть обширными и глубокими, поэтому я бы попросил вас рассказать немного о вашей стране, о вашем народе, а также о проблемах, которые занимают вас ныне.

После этого я взял слово и сделал товарищу Сталину изложение длительного и славного исторического пути нашего народа, его нескончаемых битв и сражений за свободу и независимость. В особенности я остановился на периоде нашей Национально-освободительной борьбы, рассказал ему об основании нашей Коммунистической партии, как партии ленинского типа, о решающей роли, которую она играла и играет в качестве единственной руководящей силы в борьбе и усилиях албанского народа к завоеванию свободы и независимости Родины, низложению старой, феодально-бур-

жуазной власти, созданию новой. Народной власти и к успешному продвижению страны вперед, по пути глубоких социалистических преобразований. Воспользовавшись случаем, я еще раз поблагодарил товарища Сталина и выразил ему глубокую признательность албанских коммунистов и всего албанского народа за ту пламенную поддержку, которую Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство и он лично оказали и оказывали нашему народу и нашей партии как в годы войны, так и после освобождения Родины.

Дальше я описал товарищу Сталину глубокие политические, экономические и социальные преобразования, которые были осуществлены и шаг за шагом закреплялись в Албании в первые годы Народной власти. Внутреннее политическое и экономическое положение Албании, — сказал я ему в частности, — заметно улучшилось. Эти улучшения имеют своим источником правильное понимание необходимости преодоления трудностей и огромных усилий, которые народ и партия должны приложить к преодолению этих трудностей трудом, потом. Наш народ убежден в правильности своего пути и твердо верит в Коммунистическую партию, в Правительство нашей Народной Республики, в свои созидательные силы, в своих искренних друзей; изо дня в день, благодаря мобилизации сил, самозабвению и высоко-

му энтузиазму, он выполняет выдвигаемые перед ним задачи.

Товарищ Сталин выразил свою радость по поводу успехов, достигнутых нашим народом и нашей партией в созидательном труде, и поинтересовался узнать что-нибудь побольше о положении классов в нашей стране. Особенно он поинтересовался нашим рабочим классом и крестьянством. Относительно этих двух классов нашего общества он задал ряд вопросов, вокруг которых мы обменялись многими мнениями и которые должны были помочь нам позднее построить продуманную работу с рабочим классом, беднейшим и средним крестьянством, как и определить свое отношение к городским богачам и деревенскому кулачеству.

— Подавляющее большинство нашего народа, — сказал я в частности товарищу Сталину в ответ на его вопросы, — состоит из бедных, а затем и средних крестьян. Рабочий класс у нас малочисленный, у нас имеется также немалое число ремесленников, горожан, занимающихся мелкой торговлей, и незначительная интеллигенция. Все эти массы трудящихся откликнулись на призыв нашей Коммунистической партии, мобилизовались на борьбу за освобождение Родины и теперь тесно связаны с партией и Народной властью.

— Имеет ли рабочий класс в Албании традиции классовой борьбы? — спросил меня товарищ Сталин.

— До освобождения страны этот класс, — сказал я ему, — был совершенно малочисленным, только что созданным и состоял из небольшого числа поденщиков, подмастерьев или ремесленников, работавших на небольших предприятиях и в цехах. В некоторых городах страны в прошлом рабочие устраивали забастовки, однако и они были небольшими и несвязанными друг с другом как в силу немногочисленности рабочих, так и в силу отсутствия профсоюзных организаций. Невзирая на это, — сказал я товарищу Сталину, — наша Коммунистическая партия была основана как партия рабочего класса, которая должна была руководствоваться марксистско-ленинской идеологией, выражать и отстаивать интересы пролетариата и широких трудящихся масс, в первую очередь, албанского крестьянства, которое составляло и подавляющее большинство нашего населения.

Товарищ Сталин подробно расспрашивал нас о положении средних и бедных крестьян в нашей стране.

В ответ на его вопросы, я рассказал товарищу Сталину о политике, которую проводила наша партия, и об огромной и всесторонней работе, которую она проделала со времени ее основания, с тем чтобы опираться на крестьянство и перетянуть его на свою сторону.

— Мы поступили так, — сказал я ему,

— не только исходя из марксистско-ленинского положения о том, что крестьянство является самым близким и самым естественным союзником пролетариата в революции, но и потому, что в Албании крестьянство составляло подавляющее большинство населения и веками характеризовалось великими патриотическими и революционными традициями.

В продолжение беседы я постарался охарактеризовать как экономическое положение этих крестьян после освобождения Родины, так и их культурный и технический уровень. Подчеркнув высокие качества нашего крестьянства, как патриотического и трудолюбивого крестьянства, тесно связанного с землей и Родиной и стремящегося к свободе, развитию и прогрессу, я рассказал ему и о явных пережитках прошлого, об экономической и культурной отсталости нашего крестьянства, а также о его мелкобуржуазном складе ума. Против этого положения, — отметил я, — нашей партии приходилось бороться всеми силами, и успехи у нас налицо, однако мы отдаем себе отчет в том, что мы должны бороться больше и еще настойчивее, с тем чтобы сделать крестьянство сознательным, чтобы оно восприняло и проводило в жизнь на каждом шагу партийную линию.

Взяв слово, товарищ Сталин сказал, что крестьяне, вообще, вначале боятся коммуниз-

ма, ибо они думают, что коммунисты отберут у них землю и все имеющееся у них. Враги, — продолжал он, — много говорят крестьянам в этом направлении с целью отколоть их от союза с рабочим классом, увести их в сторону от политики партии и от пути социализма. Поэтому имеет большое значение тщательная и прозорливая работа Коммунистической Партии, с тем чтобы, как подчеркнули и вы, крестьянство неразрывно связалось с партией и с рабочим классом.

Я в общих чертах ознакомил товарища Сталина также с социально-классовой структурой нашей партии и объяснил: ему, что эта структура верно отображает саму социальную структуру нашего народа. В этом кроется и причина того, —сказал я ему, — почему ныне в рядах нашей партии большее количество составляют коммунисты, которые по своему социальному положению — крестьяне. Политика нашей партии в этом отношении нацелена на то, чтобы шаг за шагом, по мере роста рабочего класса, соответственно росло и число коммунистов-рабочих.

Оценивая правильную политику, которую проводила наша партия с массами вообще, с крестьянством — в особенности, товарищ Сталин дал нам ряд ценных товарищеских советов о нашей будущей работе. Помимо всего другого, он высказал и мысль о том, что наша Комму-

нистическая Партия, поскольку процент коммунистов-крестьян в ее рядах более значительный, может быть переименована в «Албанскую партию Труда». — Во всяком случае, — отметил он, — это только мое соображение, ведь это вы, это ваша партия решает.

Поблагодарив товарища Сталина за эту ценную мысль, я сказал ему:

— Мы поставим ваше предложение на I съезде партии[1], который мы уже готовим, и я убежден, что как низы партии, так и ее руководство найдут его уместным и одобрят. — В продолжение моей беседы я изложил товарищу Сталину также наше мнение о полной легализации партии на съезде, который мы готовили.

— В действительности, — сказал я ему,- в частности, — наша Коммунистическая Партия являлась и является единственной силой, играющей руководящую роль во всей жизни страны, но формально она еще находится *в* полуподпольном положении. Мы находим неправильным дальнейшее продолжение этого положения.[2]

---

1 Проходил с 8 по 22 ноября 1948 г.

2 XI Пленум ЦК КПА, состоявшийся с 13 по 24 сентября 1948 года, и I съезд КПА постановили полностью и немедленно легализовать КПА. Как на Пленуме, так и на съезде пребывание до тех пор партии в полуподпольном положении было найдено ошибкой, вызванной давлением и влиянием

— Совершенно верно, совершенно верно, — ответил товарищ Сталин. — Нет смысла, чтобы партия стояла у власти и находилась в подполье, или же считала себя нелегальной.

Перейдя к другим вопросам, касаясь наших вооруженных сил, я объяснил товарищу Сталину, что наша армия, вышедшая из войны, в своем подавляющем большинстве состоит из бедных крестьян, из молодых рабочих и городских интеллигентов. Армейские кадры, командующие офицеры — люди, вышедшие из войны и в ходе войны приобретшие опыт управления войсками.

Я говорил ему также о советских инструкторах, которые уже работали у нас, и попросил его прислать к нам еще некоторых других. Мы, — сказал я ему, — не имея достаточного опыта, проводим недостаточную политическую работу в рядах армии. В связи с этим я попросил его рассмотреть вопрос о том, чтобы помочь нам выше поднять уровень политической работы в армии. У нас, правда, имеются и югославские инструкторы, — сказал я ему, — и я не могу сказать, что у них совсем нет опыта; однако, фактически, их опыт ограничен.

югославского троцкистского руководства, которое, в определенных целях, считая фронт главной руководящей силой страны, выступало за слияние партии с фронтом, значит, за умаление и отрицание самой коммунистической партии и ее руководящей роли как во фронте, так и во всей жизни страны.

Они также вышли из большой национально-освободительной борьбы, но тем не менее они не могут сравниваться с советскими офицерами.

Рассказав ему о высоком моральном состоянии нашей армии, о дисциплине, а также о ряде других проблем, я попросил товарища Сталина назначить какого-либо советского товарища, с которым я мог бы более подробно обсуждать проблемы нашей армии и ее потребности в будущем.

Затем я изложил ему вопрос об укреплении нашего побережья.

— Нам, — сказал я ему, — особенно надо укрепить остров Сазан, Влёрское и Дурресское побережье, ибо они очень ответственные позиции. Два раза враг оттуда нападал на нас. И позднее оттуда может грозить нам нападение со стороны англо-американцев или итальянцев.

— Относительно укрепления вашего побережья, — сказал нам товарищ Сталин, в частности, — я разделяю ваше мнение. Мы, со своей стороны, поможем вам, но оружие и другие средства обороны должны использоваться албанцами, а не советскими. Правда, механизм некоторых из них сложный, но вам надо послать к нам людей научиться обращению с ними.

В связи с моей просьбой командировать в

Албанию политработников для армии, товарищ Сталин сказал, что они не могут больше послать их, ибо, для того чтобы они хорошо работали, им надо было владеть албанским языком, хорошо знать также положение и жизнь албанского народа. Поэтому он считал целесообразнее, чтобы мы посылали в Советский Союз людей изучать советский опыт; затем этот Опыт они сами могли применять в Народной армии Албании. """"

Затем товарищ Сталин спросил меня о вылазках внутренней реакции в Албании и о нашем отношении к ней.

— Внутреннюю реакцию, — ответил я ему, — мы крушили и продолжаем порядочно крушить. В борьбе за ее изобличение и разгром у нас имеются успехи. Что касается физического уничтожения врагов, то мы ликвидировали их либо в столкновениях лицом к лицу с вооруженными преступными бандами, либо по приговору народных судов, проведенных против предателей и ближайших сообщников захватчиков. Несмотря на достигнутые успехи, еще нельзя сказать, что внутренняя реакция ныне бездействует. Она не в состоянии организоваться для нанесения нам опасного удара, но тем не менее она ведет пропаганду против нас.

Внутреннего врага поддерживает внешний враг в своих целях. Внешняя реакция старается помочь, поощрять и организовать внутренних

врагов через свою агентуру, засланную к нам с суши и с воздуха. Перед лицом происков врага мы повышаем революционную бдительность трудящихся масс. Народ ловил этих агентов, по их делу проведен ряд судебных процессов. Публичные судебные процессы и приговоры производили большой воспитательный эффект на народ и возбуждали в нем веру в силу нашей Народной власти, уважение к ее справедливости. Эти процессы в то же время изобличали и деморализовали внутренние и внешние реакционные силы.

В беседах, которые имели с товарищем Сталиным, важное место мы отвели проблемам внешней ситуации, особенно взаимоотношениям нашего государства с соседними странами. Сперва я изложил ему положение вокруг наших границ, рассказал о наших отношениях с Федеративной Народной Республикой Югославией; в особенности я остановился на наших отношениях с Грецией с тем, чтобы разъяснить положение на наших южных границах. Я отметил, что греческие монархо-фашисты, которым не удалось осуществить свою мечту мегалоидеи, т.е. отнять у нас Южную Албанию, продолжают бесчисленные пограничные провокации. Их цель, — сказал я товарищу Сталину, — вызвать пожар на нашей грани-

це и создать напряженное положение в отношениях Греции с нами в такое время, когда еще как следует не отгремели бои. Я объяснил ему, что мы стараемся, насколько это возможно, избежать провокаций греческих монархо-фашистов, не отвечать на них. Только тогда, когда они ударяются в крайность и раз от разу убивают наших людей, мы принимаем меры и противодействуем с тем, чтобы монархо-фашисты поняли, что Албания и ее границы неприкосновенны. Если они думают предпринять опасные шаги против независимости Албании, то им следует знать, что мы в состоянии постоять за свою Родину.

Все цели монархо-фашистов, все их попытки взвалить на Албанию ответственность за разразившуюся в Греции гражданскую войну, дискредитировать нашу Народную власть на заседаниях Совета Безопасности и на всех международных совещаниях возбуждаются и поддерживаются империалистическими державами. Подробно объяснив эти ситуации, я рассказал товарищу Сталину вообще о том, какую позицию занимали мы в следственной комиссии и подкомиссиях, которые были созданы в целях выяснения напряженных отношений между Албанией и Грецией.

Я говорил товарищу Сталину все, что мы знали о положении греческих демократов, я рассказал ему и о поддержке, которую мы

оказывали их справедливой борьбе. Я не преминул открыто сообщить ему и наше мнение о ряде взглядов товарищей из Коммунистической партии Греции, которые мы находили неправильными. Я также высказал ему и собственную мысль о перспективах борьбы греческих демократов.

Хотя товарищ Сталин, по всей видимости и безусловно был введен в курс тов. тов. Молотовым, Вышинским и другими, я напомнил ему о жестоких и низкопробных деяниях английских и американских империалистов против Албании, отметив также суровую, коварную и враждебную позицию, которую они занимали против нас на Парижской конференции. Я указал ему также на то, что ситуация между нами и англо-американцами ничуть не изменилась, что мы считали, что их позиция по отношению к нам по-прежнему представляет угрозу для нас. Они продолжали не только вести явно враждебную пропаганду против Албании на международной арене, но через Италию и Грецию совершали против нас провокации с суши и воздуха, засылали к нам албанских диверсантов — сбежавших зогистов, баллыстов и фашистов, которых они сколотили, организовали и подготовили против нас в концлагерях, созданных ими в Италии и других странах.

Я также рассказал ему о поднятии английскими империалистами в Совете безопасности ООН вопроса о так называемом инциденте в Корфском проливе и его обсуждении Международным Гаагским судом. Корфский инцидент, — сказал я товарищу Сталину, — целиком и полностью был измышлен англичанами с целью спровоцировать нашу страну и найти повод для вооруженной интервенции в городе Саранда. Мы никогда не ставили мин в Ионическом море. Те, которые взорвались, либо были поставлены немцами еще во время войны, либо же позднее с умыслом были подложены англичанами с намерением взорвать их при переходе некоторых их кораблей через наши территориальные воды в направлении Саранды. Этим военным кораблям незачем было плавать в наших прибрежных водах, они не предупреждали нас о своем рейсе. После взрыва мин англичане начали претендовать, что они понесли материальные и людские потери. Им хотелось расширить инцидент. Мы не знаем и не верим в то, что англичане понесли потери, как они это утверждали, но, и если они действительно понесли потери, тут мы совершенно ни при чем.

Свое право мы отстаиваем на Международном Гаагском суде; однако этим судом манипулируют англо-американские империали-

сты, которые возводят всякого рода обвинения, чтобы скрыть свою провокацию и заставить нас возместить англичанам убытки.

Я рассказал товарищу Сталину и о Московской конференции[1], аргументировал наше мнение о доктрине Трумэна в связи с Грецией, говорил ему о вмешательстве англо-американцев во внутренние дела Народной Республики Албании, разъяснил нашу позицию в отношении плана «Маршалла», заявив, что мы не примем «помощи» согласно этому пресловутому плану.

Я обсудил с товарищем Сталиным и вопрос о выдаче военных преступников, сбежавших из нашей страны. Мы совершенно справедливо требовали от правительств стран, которые предоставляли им убежище, выдать нам военных преступников, чтобы последние отчитывались перед народом, хотя мы и знали, что они не выдадут их, ибо они были контингентами англо-американцев и фашизма вообще.

---

1 С 10 марта по 24 апреля 1947 года в Москве состоялась сессия совета министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Она рассмотрела вопросы, связанные с Мирным договором с Германией. Представители Советского Союза на этой сессии, Молотов и Вышинский, отстаивали право Албании участвовать в мирной конференции по германскому вопросу. Этот тезис поддерживал и представитель Франции, но против этого выступили представители Англии и Соединенных Штатов Америки.

Товарищу Сталину я изложил также и мнение нашей партии о взаимоотношениях с Италией. Италия дважды нападала на нас. Она испепелила нашу страну и убивала наших людей, однако мы марксисты, интернационалисты и хотим поддерживать дружественные отношения с итальянским народом. Нынешнее правительство Италии, — сказал я товарищу Сталину, — занимает по отношению к нам реакционную позицию; его цели в отношении нашей страны не отличаются от целей прежних итальянских правительств. Под воздействием англо-американцев, это правительство желает, чтобы Албания так или иначе была зависимой от него, чего никогда не будет. В этих целях, — продолжал я дальше, — англо-американцы, сообща с римским правительством, держат и готовят на итальянской территории контингента беглецов, которых они засылают в Албанию как диверсантов. Действуя под сурдинку, они прилагают большие усилия против нашей страны, однако мы понимаем все их намерения. Мы хотим иметь дипломатические отношения с Италией, но итальянские правители придерживаются отрицательных взглядов на этот вопрос.

Внимательно выслушав меня, Сталин сказал, что американцы и англичане, несмотря на трудности и препятствия, которые они чинят вам, при нынешних ситуациях не могут нападать на вас. Перед лицом вашей решительной

позиции, они не могут высадиться на вашей земле, так что не беспокойтесь. Тем не менее Родину вам следует защищать, так что примите все меры по укреплению армии и границ, ибо угроза войны со стороны империалистов налицо.

Греческие монархо-фашисты, — продолжал Сталин, — при подстрекательстве и поддержке американских и английских империалистов будут продолжать провоцировать вас только для того, чтобы доставлять вам хлопоты и не давать вам сидеть спокойно. У нынешних афинских заправил зло у себя дома, — сказал он, — потому что разразившаяся там гражданская война направлена против них и их хозяев — англичан и американцев.

Что касается Италии, — продолжал товарищ Сталин, — дело обстоит именно так, как вы думаете. Англо-американцы постараются создать там базы, организовать реакцию и упрочить правительство Де Гаспери. Вы в этом отношении должны быть начеку, чтобы знать, чем занимается там албанская эмиграция. Покуда не заключены договоры, — сказал товарищ Сталин, — положение нельзя считать нормализованным. Мне думается, что вы пока что не можете устанавливать отношений с этой страной, так что не торопитесь.

— Мы согласны, — сказал я товарищу Сталину, — не торопиться в наших взаимоот-

ношениях с Италией, и вообще мы примем меры по укреплению наших границ.

Мы предложили югославам, — продолжал я информировать товарища Сталина, — установить контакты и сотрудничать в целях защиты наших границ от возможного греческого или итальянского нападения, но они не ответили на наше предложение, заявив, что могут беседовать с нами только после изучения вопроса. Предложенное нами сотрудничество состоит в обмене информациями с югославами об опасностях, которые могут угрожать нам со стороны внешних врагов, с тем чтобы каждый из нас, в пределах своих границ и своими войсками, имел возможность принимать надлежащие меры для отражения любой возможной угрозы. Я также поставил в известность товарища Сталина о том, что на южной границе мы держали две дивизии нашей армии.

В ходе беседы я подчеркнул факт, что некоторые югославские самолеты прилетели в Тирану вразрез с общеизвестными и общепринятыми во взаимоотношениях между государствами правилами. Югославские товарищи раз от разу, без предупреждения, совершают некоторые предосудительные поступки, каким является и настоящий конкретный случай. Неправильно, чтобы югославские самолеты летали над албанской территорией без ведома ал-

банского правительства. Мы это нарушение отметили югославским товарищам, и они отвечали, что это ошибка с их стороны. Несмотря на то, что мы друзья, мы не можем позволить, чтобы они нарушали нашу неприкосновенность. Мы — независимые государства, и каждое из них, не ущемляя дружественных отношений, должно отстаивать свой суверенитет и свои права, соблюдая также суверенитет и права другого.

— Недоволен ваш народ взаимоотношениями с Югославией? — спросил меня по этому случаю товарищ Сталин и продолжал: — Это очень хорошо, что вы граничите с дружественной вам Югославией, потому что Албания малая страна, и, как таковая, нуждается в мощной поддержке со стороны своих друзей.

Я ответил ему, что это верно, любая страна, будь она малая или большая, нуждается в друзьях и союзниках, и что мы считаем Югославию дружественной нам страной.

С товарищем Сталиным и с товарищем Молотовым мы подробно беседовали о проблемах восстановления разрушенной войною страны и строительства новой Албании. Я описал им наше экономическое положение, первые социалистические преобразования в области экономики и открывающиеся перед нами

широкие перспективы, достигнутые нами успехи, стоявшие перед нами сложные проблемы и большие трудности.

Сталин выражал свое удовлетворение по поводу достигнутых нами побед и время от времени задавал мне самые различные вопросы. Особенно он поинтересовался положением нашего сельского хозяйства, климатическими условиями Албании, сельскохозяйственными культурами, которые по традиции выращивает наш народ, и т.д.

— Какие зерновые больше всего выращиваете? — спросил он меня, в частности.

— В первую очередь, кукурузу, — ответил я ему, — затем пшеницу, рожь. . .

— А кукуруза не боится засухи?

— Она, правда, боится, — ответил я ему, — засуха часто очень вредит нам, но, в силу отсталого положения нашего сельского хозяйства, как и в силу наших острых нужд в хлебе, наш крестьянин научился получать чего-то больше от кукурузы, чем от пшеницы. Мы принимаем меры по созданию водоотводной и оросительной сети, по осушению болот и трясин.

Он выслушивал мои ответы, более подробно расспрашивал меня и часто брал слово, давая нам очень ценные советы. Так, помню, что в тех беседах Сталин поинтересовался узнать, на каких основах была проведена аграрная реформа в Албании, каковы были процен-

ты земли, розданной бедным и средним крестьянам, были ли затронуты этой реформой религиозные учреждения и т.д. и т.п.

Говоря о помощи, которую государство народной демократии оказывало крестьянству, и о связи рабочего класса с крестьянством, Сталин расспросил меня о тракторах; ему хотелось узнать, имелись ли у нас в Албании машинно-тракторные станции и как они были организованы. Выслушав мой ответ, он стал распространяться об этом вопросе и дал нам ряд ценных советов.

— МТС, — сказал он в частности, — вы должны создать и укрепить, и они должны хорошо обрабатывать как государственные и кооперативные земли, так и земли крестьян. Трактористы должны быть всегда на службе у крестьянства, они должны разбираться в сельском хозяйстве, культурах, почвах, и свои знания они должны претворять в жизнь, с тем чтобы обязательно добиться роста производства. Это имеет большое значение, — продолжал он, — иначе убытки будут всесторонними. Когда мы создавали первые машинно-тракторные станции, часто бывало так, что мы обрабатывали землю крестьян, однако производство не увеличивалось. Это происходило потому, что трактористу недостаточно уметь только водить трактор; он в то же время должен быть хорошим земледельцем, он должен знать, когда и как надо обрабатывать землю.

Трактористы, — продолжал Сталин, — это представители рабочего класса, работающие в постоянном, повседневном и непосредственном контакте с крестьянством. Поэтому они должны работать очень добросовестно, чтобы закалять союз между рабочим классом и трудовым крестьянством.

Внимание, с которым он слушал наши объяснения о нашей новой экономике и о путях ее развития, произвело на нас очень большое впечатление. Как в ходе беседы об этих проблемах, так и во всех других беседах с ним, у меня врезалась в память, помимо всего прочего, одна его замечательная черта: он никогда не отдавал приказов и не навязывал своего мнения. Он говорил, советовал, вносил и различные предложения, но всегда добавлял: «Это мое мнение», «мы так думаем. Вы, товарищи, смотрите и решайте сами, исходя из вашей конкретной обстановки, в зависимости от ваших условий». Он интересовался всеми проблемами.

Когда я говорил о положении транспорта и о больших трудностях, которые нам приходилось преодолевать, Сталин спросил меня:

— Строите ли вы небольшие суда в Албании?

— Нет, — ответил я ему.

— А сосны имеются ли у вас?

— Имеются, — ответил я, — целые леса.

— Тогда, — сказал он,— у вас имеется

хорошая база для строительства в будущем простых средств морского транспорта.

В продолжение беседы он спросил меня, как обстоит дело в Албании с железнодорожным транспортом, какие у нас денежные знаки, какие у нас рудники и шахты и эксплуатировались ли албанские рудники и шахты итальянцами, и т.д.

Я ответил на вопросы, заданные товарищем Сталиным, который, заканчивая беседу, сказал:

— Албанская экономика ныне находится в отсталом положении. Вы, товарищи, все начинаете с азов. Поэтому, наряду с вашей борьбой и усилиями, мы, со своей стороны, также поможем вам, по мере наших возможностей, в восстановлении вашей экономики и укреплении вашей армии. Мы — сказал мне товарищ Сталин, — рассмотрели ваши запросы о помощи и согласились полностью удовлетворить их. Мы поможем вам в оснащении промышленности и сельского хозяйства нужным оборудованием, в укреплении армии, в развитии просвещения и культуры. Фабрики и прочее оборудование мы предоставим вам по кредиту, и вы выплатите их нам, когда у вас будут возможности, а вооружение предоставляется вам бесплатно, оно безвозмездно. Мы знаем, что вы нуждаетесь в еще большем, но

пока что таковы наши возможности, ведь мы сами бедны из-за военной разрухи.

В то же время, — продолжал товарищ Сталин, — мы поможем вам специалистами для ускорения процесса развития албанской экономики и культуры. Для нефтедобычи я думаю направить к вам азербайджанских специалистов; они ведь отличны мастера. Со своей стороны, Албания пусть пошлет в Советский Союз сыновей рабочих и крестьян учиться в целях продвижения Родины дальше вперед.

За дни пребывания в Москве, после каждой встречи и беседы с товарищем Сталиным, мы еще больше и ближе видели в этом выдающемся революционере, в этом великом марксисте также человека простого, чуткого и мудрого — настоящего человека. Он всем сердцем любил советский народ, он ему посвятил все свои силы и энергию, его ум и сердце были полны им. Эти качества можно было подмечать в любой беседе с ним, в любом мероприятии, которое он проводил — с самых важных и вплоть до самых обыденных.

Несколько дней спустя после нашего прибытия в Москву я присутствовал, вместе с товарищем Сталиным и с другими руководителями партии и советского государства, во всесоюзной физкультурной манифестации на Цен-

тральном стадионе в Москве. С какой страстью следил Сталин за этим мероприятием. Свыше двух часов он сидел совершенно сосредоточенным, следя за действиями участников манифестации, и, несмотря на то, что к концу манифестации пошел дождь и несколько раз Молотов просил его уйти, он продолжал до конца с вниманием следить за действиями физкультурников, шутить, приветствовать рукой. Помню, в конце упражнений состоялся массовый кросс. Бегуны несколько раз обегали вокруг поля стадиона. Между тем как соревнование кончалось, перед трибуной показался отстававший долговязый бегун. Он еле двигал ногами, руки у него покачивались то спереди, то сзади, и тем не менее он старался бегать. Он весь измок до последней нитки. Сталин смотрел на этого бегуна с улыбкой, которая выражала сожаление и отеческую теплоту:

— Милый мой*, — обратился он к нему про себя, — иди домой, иди домой, отдохни немного, поешь и приходи вновь! Будет еще бег...

В мою память навсегда врезались глубокое уважение и великая любовь Сталина к нашему народу, его желание как можно больше узнать об истории и обычаях албанского народа. На одной из встреч, которую мы имели

---

* По-русски в тексте.

в те дни, во время ужина, устроенного Сталиным в Кремле в честь нашей делегации, мы имели с ним очень интересную беседу о происхождении и языке албанского народа.

— Каковы происхождение и язык вашего народа, — спросил он меня, в частности, — и не близок ли ваш народ с басками? Не верю, — продолжал затем Сталин, — чтобы албанский народ был выходцем из Далекой Азии, он и не турецкого происхождения, ведь албанцы древнее турок. Быть может, у вашего народа общие корни с теми этрусками, которые остались в ваших горах, потому что другие, которые уехали в Италию, частично были ассимилированы римлянами, а частично перебрались на Иберийский полуостров.

Я ответил товарищу Сталину, что происхождение нашего народа очень древнее, а язык его — индоевропейский. Имеется много теорий об этом вопросе, однако правда такова, что мы происходим от иллирийцев. Мы народ иллирийского происхождения. Имеется еще теория, выдвигающая положение о том, что албанский народ является самым древним народом Балкан и что древними, догомерическими предками албанцев являются пелазги.

Теория о пелазгах, разъяснил я дальше, на время развивалась многими учеными, особенно немецкими. Имеется еще и какой-нибудь албанский ученый, известный как гомеровед, ко-

торый приходит к такому выводу, ссылаясь на некоторые слова, употребленные в Илиаде и Одиссее и употребляемые и поныне албанским народом, как, например, слово «гур», что по-русски означает «камень».* Гомер это ставит перед греческим словом и говорит «гури-петра». Значит, ссылаясь на некоторые такого рода слова, имея в виду оракул Додоны, некоторую документацию или этимологию слов, терпевшие изменения по многим филологическим толкованиям, ученые заключают, что нашими древними предками были пелазги, которые еще до греков заселяли Балканский полуостров.

Во всяком случае, я не слыхал, чтобы албанцы были одного и того же происхождения с басками, сказал я товарищу Сталину. Может, существует и такая теория, наподобие той, о которой вы говорили, что часть этрусков осталась в Албании, другая переселилась в Италию, а третья оттуда перебралась на Иберийский полуостров, в Испанию. Быть может, у этой теории также есть свои сторонники, однако я не в курсе ее.

— У нас на Кавказе имеется местность, которая называется Албания, — как-то сказал мне Сталин. — Имеет ли это отношение к Албании?

— Я этого не знаю, — сказал я ему, — но

---

* По-русски в тексте.

это факт, что многие албанцы в течение веков, вследствие жестокого оттоманского ига, войн и жестоких крестовых походов османских султанов и падишахов, часто были вынуждены покинуть свои родные края и переселиться на чужбину, образуя и целые деревни. Так было с тысячами албанцев, которые еще в XV веке, после смерти нашего Национального Героя, Скандербега, переселились в Южную Италию, где и ныне имеются целые зоны, заселенные арберешами Италии, которые, хотя живут уже 4-5 веков на чужбине, еще сохраняют язык и древние обычаи Родины своих предков. В то же время, — сказал я товарищу Сталину, — многие албанцы переселились в Грецию, где имеются целые зоны, заселенные арберешами Греции; другие переселились в Турцию, в Румынию, в Болгарию, в Америку и т.д. . . Однако о вашей местности, которая называется «Албания», — сказал я ему, — ничего конкретного не знаю.

Тогда Сталин спросил меня о ряде албанских слов. Ему хотелось знать, как мы называли орудия труда, домашнюю утварь и т.д. *Я* отвечал ему по-албански, и он, внимательно выслушав слова, повторял их, делал сопоставление между албанским названием орудия труда и его эквивалентом на языке кавказских албанцев. Время от времени он обращался к Молотову и Микояну с целью узнать их мнение. По-

лучилось, что в корнях сопоставленных слов не было чего-либо похожего.

В это время Сталин нажал кнопку, и, несколько секунд спустя, вошел генерал, работавший при Сталине, очень аккуратный военный высокого роста, который обходился с нами довольно доброжелательно и дружелюбно.

— С товарищем Энвером Ходжа бьемся решить задачу, но не можем ее решить, — улыбаясь, сказал Сталин генералу. — Свяжись, пожалуйста, с профессором (и он назвал выдающегося советского языковеда и историка, имени которого не припомню) и спроси его от меня, имеется ли какая-нибудь связь между кавказскими албанцами и Албанией.

После ухода генерала Сталин взял апельсин, поднял его высоко и сказал:

— По-русски называется «апельсин». А по-албански?

— Портокал, — ответил я.

Опять он делал сопоставления, произнося слова обоих языков, и пожал плечами. Не прошло и десяти минут, как вошел генерал.

— Я получил ответ от профессора, — сказал он нам. — Он сказал, что нет каких-либо данных, которые говорили бы о связях между кавказскими албанцами и Албанией. Но, добавил он, на Украине, в Одесской области, имеется несколько деревень (около 7), заселенных албанцами. Об этом у профессора точные данные.

Со своей стороны, я тут же дал указание нашему послу в Москве позаботиться о том, чтобы некоторые из наших студентов, которые готовились по специальности истории в Советском Союзе, проводили практику в этих деревнях и изучали вопросы о том, как и когда эти албанцы переехали в Одессу, сохраняют ли они язык и обычаи своих предков, и т.д.

Сталин, как всегда, очень внимательный, прослушал нас и сказал:

— Очень хорошо, очень хорошо будет. Ваши студенты пусть проведут практику там, причем вместе с ними пусть будут и некоторые из наших.

— Албанологические науки, — сказал я товарищу Сталину в продолжение этой непринужденной беседы, — в прошлом не были развиты как следует, и ими больше всего занимались зарубежные исследователи. Это, помимо всего прочего, способствовало возникновению всякого рода теорий о происхождении нашего народа, нашего языка и т.д. Во всяком случае все они сходятся в одном, что албанский народ и его язык — очень древнего происхождения. Однако точное слово об этих проблемах скажут наши албанологи, которых наша партия и наше государство будут тщательно готовить и создадут им все необходимые условия для работы.

— Албания, — сказал мне Сталин, — дол-

жна стоять на собственных ногах, потому что у нее для этого имеются все возможности.

— Мы обязательно пойдем вперед, — ответил я ему.

— Мы, со своей стороны, всем сердцем будем помогать албанскому народу, — доброжелательно сказал товарищ Сталин, — потому что албанцы — добрые люди.

Весь ужин, который товарищ Сталин дал в честь нашей делегации, прошел в очень теплой, сердечной, непринужденной обстановке. Первый тост Сталин провозгласил за наш народ, за дальнейшее преуспеяние и процветание нашей страны, за Коммунистическую партию Албании. Затем он поднял тост за меня, за Хюсни[1] и за всех членов албанской делегации. Помнится, позже, когда я говорил ему о великой стойкости нашего народа в веках в борьбе против иностранных нашествий, товарищ Сталин назвал наш народ героическим народом и вторично провозгласил тост за него. Кроме непринужденных бесед между нами, он время от времени обращался и к другим, шутил, при-

---

1 Товарищ Хюсни Капо, в то время заместитель министра иностранных дел НРА, был членом нашей делегации, съездившей в Москву в июле 1947 года.

ветствовал их. Ел он мало, но стакан красного вина держал близко и с улыбкой чокался всякий раз, когда провозглашались тосты.

После ужина товарищ Сталин пригласил нас пойти в кремлевское кино, где, кроме некоторых киножурналов, мы посмотрели советский художественный фильм «Тракторист». Мы уселись рядом на диван, и меня поразило внимание, с которым Сталин смотрел этот новый фильм советского производства. Часто он говорил громче своим теплым голосом и комментировал нам различные моменты из событий, происходивших в фильме. Ему особенно понравилось, как протагонист, тракторист-передовик, чтобы завоевать доверие своих товарищей и земледельцев, старался лучше узнать обычаи и поведение людей с поля, их помыслы и чаяния. Трудясь и живя с людьми, этот тракторист смог стать уважаемым и почтенным крестьянами руководителем. Сталин в этот момент сказал нам:

— Чтобы уметь руководить, надо знать массу, а чтобы знать ее, надо идти в массу.

Было уже за полночь, когда мы собрались уйти. В тот момент Сталин пригласил нас еще раз взяться за стаканы вина и в третий раз он провозгласил здравицу «за героический албанский народ».

После этого он поздоровался со всеми нами по очереди и, подавая мне руку, попросил:

— Передайте мой сердечный привет геро-

ическому албанскому народу, которому желаю успехов!

26 июля 1947 года наша делегация, очень довольная встречами и беседами с товарищем Сталиным, выехала на Родину.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Март-апрель 1949 г.

Наша позиция по отношению к югославскому руководству еще в годы войны. I съезд КПА. Политика террора в Косове. Относительно югославских дивизий, которые должны были быть переброшены в Албанию. Титовцы пытались опрокинуть ситуацию в Албании. О борьбе братского греческого народа. Ошибочные взгляды руководства КП Греции. Условием признания нас англичане ставят предоставление им наших портов в качестве военных баз. Путь экономического и культурного развития Албании. О положении нашего крестьянства. Относительно истории, культуры, языка и обычаев албанского народа.

21 марта 1949 года я снова съездил в Москву во главе официальной делегации правитель-

ства Народной Республики Албании и побывал там до 11 апреля того же года.

В московский аэропорт вышли встречать нас Микоян, Вышинский и др., как и все дипломатические представители стран народной демократии.

Первая официальная встреча состоялась с Вышинским на следующий день после нашего прибытия туда, а 23 марта, в 22 часа 5 минут я был принят в Кремле товарищем Сталиным в присутствии Вышинского и посла СССР в Албании Чувахина. Вместе со мной были и Спиро Колека и Михаль Прифти, в то время наш посол в Москве.

Товарищ Сталин принял нас в своем рабочем кабинете с глубокой сердечностью. Встретившись со всеми нами по очереди, он остановился передо мной:

— Мне кажется, лицо у тебя как-то осунувшееся, — обратился он ко мне, — не болен ли ты? Или же ты устал?

— Я очень рад и счастлив, что снова встречаюсь с вами, — ответил я, и, усевшись, сказал ему, что хотел бы выдвинуть некоторые вопросы.

— Вы неограничены во времени, — сказал он мне благосклонно, с тем чтобы я мог изложить ему все, что находил нужным.

Я кратко изложил товарищу Сталину ряд вопросов. Я говорил ему вообще о положении

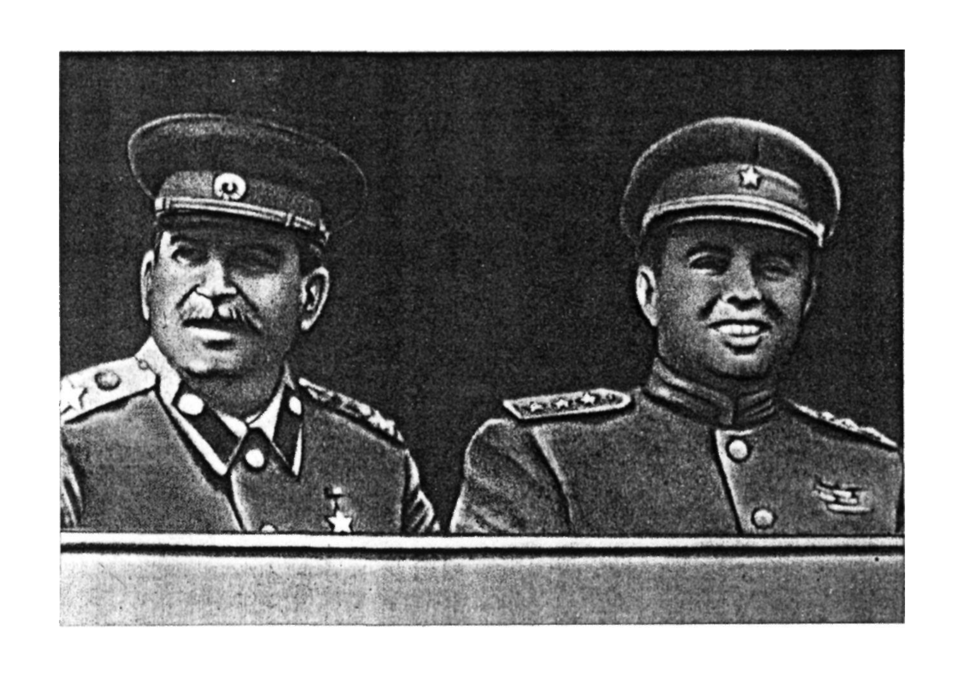
в партии и стране, о событиях последнего времени, о допущенных ошибках, как и о нашей позиции в отношении югославского вопроса. Я отметил, что, вследствие влияния троцкистского югославского руководства на руководство нашей партии и излишнего доверия некоторых из наших руководителей к предательскому югославскому руководству, допущены грубые ошибки, особенно в организационной линии партии, которые были отмечены и XI Пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии Албании, чья работа проходила в свете Писем Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), направленных Центральному Комитету Коммунистической партии Югославии, как и резолюции Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии».

— Центральный Комитет нашей партии, — сказал я товарищу Сталину, — полностью принял Резолюцию Информбюро, и специальным коммюнике мы осудили предательский, антиалбанский и антисоветский курс югославского троцкистского руководства. Руководство нашей партии, подчеркнул я, давно уже сталкивалось с враждебной и заговорщицкой деятельностью титовцев,[1] с наглостью и кознями посланцев Тито — Вукмановича Темпо и Душана Мугоши.

---

1 См.: Энвер Ходжа. «Титовцы» (Исторические записки). Издательство «8 Нентори», Тирана — 1983, изд. на рус. яз.

Накануне освобождения Албании, отметил я в частности, Тито, для осуществления своих антиалбанских и антимарксистских замыслов, послал к нам делегацию Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии, возглавленную ее чрезвычайным делегатом, Велимиром Стойничем. Он и его тайные сообщники, предатели Сейфула Малешова, Кочи Дздзе, Панди Кристо и другие подготовили предосудительный и опасный бератский заговор, который, по сути дела, был направлен против правильной линии, проводившейся партией за все время войны, против независимости нашей партии и нашей страны, как и против самого Генерального секретаря партии. Надежная часть руководства нашей партии, хотя она ничего не знала о составленном заговоре, тут же решительно выступила против обвинений, которые были возведены на нее и ее линию военного времени. Позднее я, будучи уверенным, что в Берате были допущены грубые ошибки антимарксистского характера, в частности, представил нашему Политбюро тезисы по пересмотру бератского Пленума, но вследствие лихорадочной подрывной деятельности югославского руководства и его агентуры в наших рядах эти тезисы не были приняты. Последующий ход событий, Письма Центрального Комитета вашей партии, как и Резолюция Информбюро, — сказал я дальше товарищу Сталину, — полностью



И. В. Сталин и товарищ Энвер Ходжа на Центральном стадионе Москвы. Июль 1947 г.



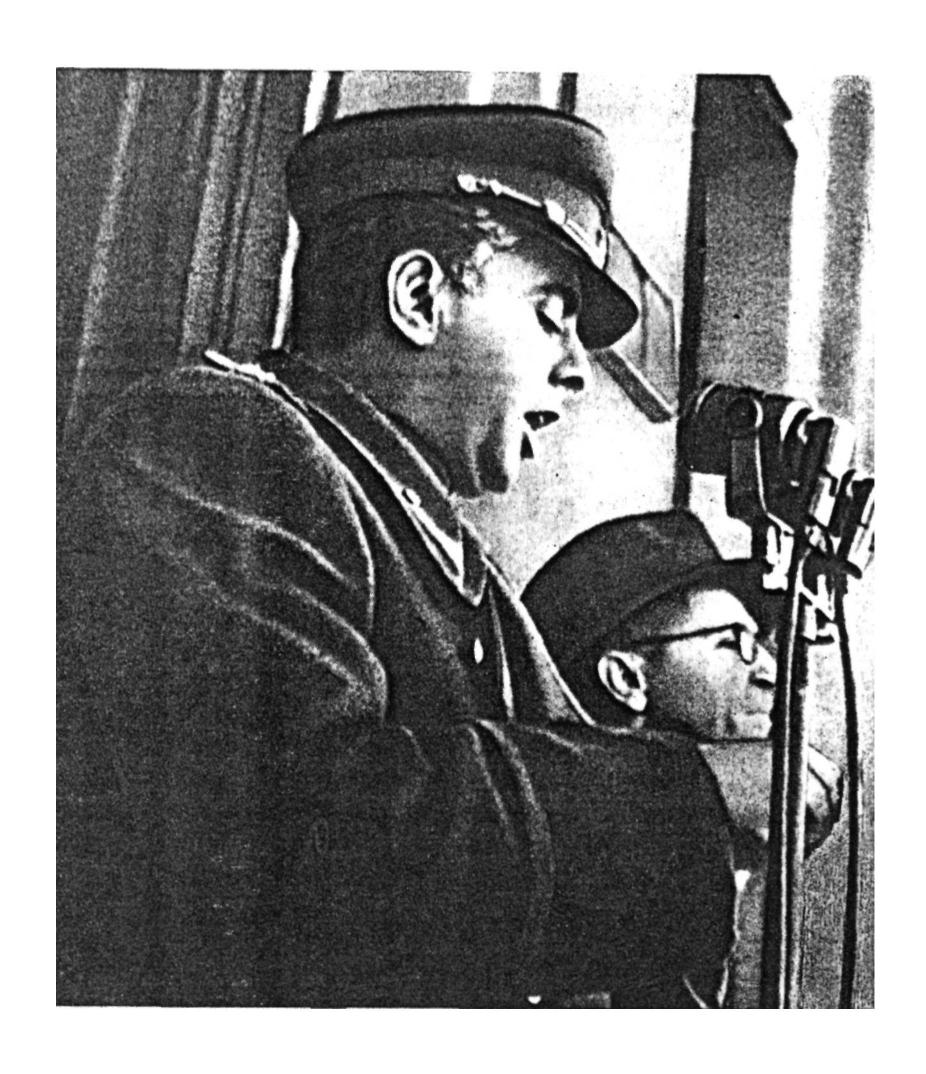
На Центральном стадионе Москвы. Июль 1947 г.



Разноцветный венок перед Мавзолеем бессмертного Ленина. Март 1949 г.



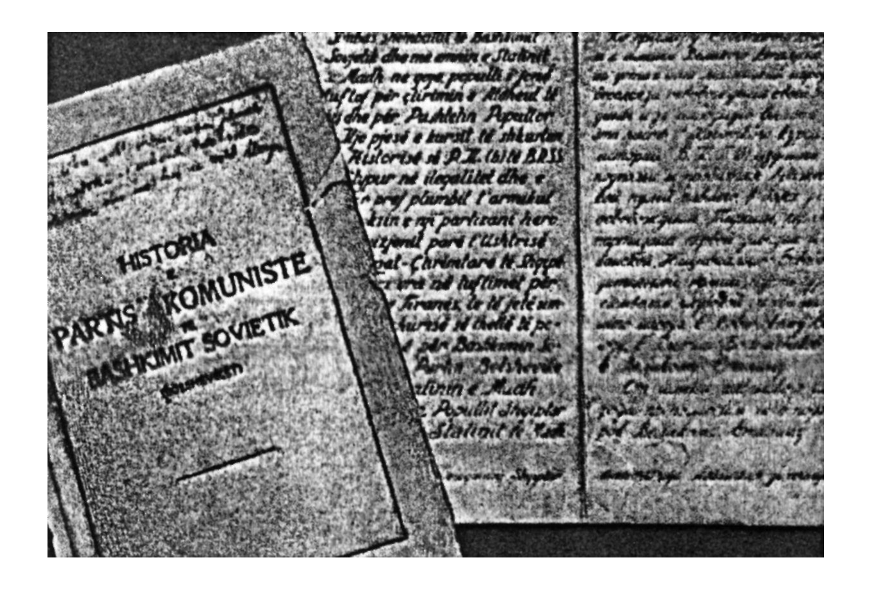
В Центральном Музее В. И. Ленина. Москва, март 1949 г.



Товарищ Энвер Ходжа выступает перед жителями столицы по случаю возвращения делегации НРА с визита в СССР. Апрель 1949 г.



Факсимиле из записей товарища Энвера Ходжа, произведенных во время встреч с Иосифом Сталиным.



Эта книга, простреленная пулей фашистов в груди партизана нашей Национально-освободительной армии, была преподнесена в подарок И. В. Сталину в 1947 г.

разъяснили нам положение, раскрылась и обнаружилась враждебная деятельность югославского руководства с Тито во главе, и на XI Пленуме ЦК партии были решительно разоблачены заговорщики в рядах нашей партии. I съезд КПА одобрил и дальше углубил поворот, совершенный на XI Пленуме Центрального Комитета. Он дал правильную оценку политической линии, которой придерживалась партия со дня своего основания, и отметил, что отдельные извращения, имевшие место после освобождения, особенно в организационной линии партии, явились результатом югославского вмешательства и предательской, троцкистской деятельности Кочи Дзодзе, Панди Кристо и Кристо Темелько.

Я отметил, что Кочи Дзодзе и Панди Кристо были опасными агентами югославских троцкистов, действовавшими в руководстве нашей партии, что они, по указанию югославских титовцев, при их помощи и поддержке, приложили все усилия к тому, чтобы узурпировать ключевые посты в нашей партии и в органах нашего государства народной демократии. Всей своей предательской деятельностью они служили национал-шовинистической и колониалистской политике югославского троцкистского руководства по отношению к Народной Республике Албании. Я отметил, что Кристо Темелько был одним из тех, кто больше всех находил-

ся под влиянием югославского троцкистского руководства и безоговорочно выполнял его директивы в военном секторе. Он, отметил я, после того как полностью было раскрыто предательство югославского руководства, признал свои ошибки и выступил с самокритикой перед партией.

Сталин, который внимательно слушал, спросил меня:

— Откуда они трое? Славяне ли они, албанцы или что?

— Кристо Темелько, — ответил я, — македонец по происхождению, а Кочи Дзодзе по происхождению албанец, но его родители проживали в Македонии.

Я продолжал говорить ему о том исключительно большом значении, которое имели для нашей партии Письма Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) югославскому руководству, как и Резолюция Информбюро. В свете этих документов, поступивших к нам в очень критические для нашей партии и для нашего народа моменты, сказал я товарищу Сталину, Центральному Комитету нашей партии стали вполне ясными характер и цели югославского вмешательства в Албанию. Проинформировав его в общих чертах о многочисленных и коренных мерах, принятых нашей партией по ликвидации этой яростной агентурной, антимарксистской и антиал-

банской деятельности, я сказал ему, что за все случившееся, несмотря на то, что еще в годы войны мы сталкивались с превратными действиями югославов и выступали против них, тем не менее мы чувствуем свою ответственность, ведь мы должны были быть более бдительными.

На этом товарищ Сталин перебил меня словами:

— В наших письмах югославскому руководству содержится не все, ведь многие дела выяснились позднее. Мы не знали, что югославы под предлогом «защиты» вашей страны от нападения греческих фашистов стремились дислоцировать в НРА соединения своей армии. Они пытались сделать это в глубокой тайне. В самом деле, в этом направлении они задавались явно враждебной целью, ибо они стремились опрокинуть ситуацию в Албании. Сообщение с вашей стороны в связи с этим было полезным для нас, ибо в противном случае мы ничего не знали бы об этих дивизиях, которые они хотели перебросить на вашу территорию. Они давали понять, будто такой шаг они предпринимали с согласия Советского Союза! А что касается ваших слов о том, что вы должны были быть более бдительными, то, по правде сказать, в отношениях с Югославией отсутствие бдительности допустили не только вы, но и другие.

В продолжение своей беседы я сказал товарищу Сталину, что трудные моменты, создан-

ные нашей стране титовцами и монархо-фашистами, чьей деятельностью распоряжаются американские и английские империалисты, успешно были преодолены благодаря правильной линии партии, патриотизму нашего народа и помощи КПСС. Это явилось большим испытанием, из которого мы извлекли много уроков о том, как надо устранять недостатки, укреплять достигнутые до сих пор победы и бороться за их дальнейшее упрочение и развитие. Наша армия выполнила свои задачи, проявив при этом мужество и высокий патриотизм.

В пройденный нами трудный период проявился очень высокий патриотизм масс. Они твердо верили в нашу партию, в правильность ее линии и в Советский Союз. Деятельность внутреннего врага длилась недолго. Мы, сказал я товарищу Сталину, обезвредили вражескую деятельность людей, ставших на службу югославскому троцкистскому руководству. К тем, кто так или иначе был замешан в антиалбанскую деятельность югославского троцкистского руководства, мы подходили и подходим дифференцированно. Часть из них выступили с самокритикой, заявив, что ошиблись по доверчивости, тогда как некоторые другие, которые были серьезно скомпрометированы, теперь держат отчет перед народным правосудием.

— Защищайте Родину и партию, — сказал товарищ Сталин. — Врага надо разоблачить

полностью и на убедительных доводах, с тем чтобы народ узнал все его преступления и убедился в его опасности. Подобный, полностью дискредитированный в глазах народа враг, даже и если его не расстрелять, он морально и политически расстрелян, ибо без народа он не в состоянии что-либо предпринимать.

— Нынешний судебный процесс в Тиране, — сказал я товарищу Сталину, — происходит при открытых дверях, и все, что говорится в зале суда, публикуется в газетах.

В то же время, — добавил я, — с теми, кто глубоко осознал свои ошибки, кто выступил с искренней и убедительной самокритикой, мы обращались осторожно и великодушно, создавали им возможности исправить допущенные ошибки и искупить вину в труде, проявляя верность партии и народу. Мы даже решили кое-кого из них отправить учиться в Советский Союз, — и я при этом назвал кого-то по имени.

— Как, как? — спросил меня Сталин и посмотрел мне прямо в глаза. — Вы хотите, чтобы он приехал к нам учиться? Вы еще питаете политическое доверие к нему?

— Да, — ответил я, — его самокритика становилась все глубже, и мы надеемся, что он исправится.

— А он желает приехать сюда?

— Сам он выразил свое желание приехать сюда, — ответил я.

Между тем Чувахин также сделал некоторые пояснения в поддержку моего мнения.

— Ну что ж, раз вы, товарищ Энвер, взвесили это, пусть он приедет ...

В продолжение своей беседы я сказал товарищу Сталину, что на протяжении этого же периода через Италию на Юг и на Север Албании американцами были брошены группы диверсантов. Часть этих диверсантов мы уничтожили, остальных захватили в плен. Предвидя трудности на нашей южной границе и с тем чтобы подкрепить этот участок наших границ, нам надо было сперва произвести чистку Севера Албании от групп политических и уголовных преступников, действовавших на нашей территории под руководством агентов, засланных Ранковичем. И так мы и сделали. Эти банды, состоявшие на службе у югославов, совершили ряд покушений. Чистка с нашей стороны завершилась успешно: Мы уничтожили нескольких из них, а все остальные перешли на югославскую территорию, где они находятся и поныне.

— Продолжают ли они еще высаживать диверсантов? — спросил Сталин.

— Мы думаем, что они не отказались от этого. Попытки Тито и Ранковича заманить албанцев на свою территорию, с тем чтобы организовать из них группы саботажников и диверсантов, потерпели провал, и ныне убегает

очень мало. Наше правительство приняло экономические меры; усилилась политическая и организационная работа партии. Империалисты готовят у себя группы диверсантов, монархофашисты поступают так же, то же самое делают титовцы. Не отстают от них и итальянцы. Наш нынешний план нацелен на уничтожение остатков рыскающих по нашим горам бандитов, которым мы создали большие трудности, как и на ликвидацию их баз, которыми служат главным образом кулаки. Подавляющая часть реакционных группировок в городах разгромлена нашими органами Государственной безопасности, которые добились много успехов. Наша партия восстановила положение в Министерстве внутренних дел, в этом бывшем очаге титовцев, и Государственная безопасность стала мощным и любимым оружием нашей партии и нашего народа. Партия поставила себе задачей с каждым днем все более и более укреплять наши позиции, с тем чтобы отразить и разгромить возможные вылазки наших многочисленных врагов.

Наша партия крепнет с каждым днем,— сказал я далее товарищу Сталину, — члены нашей молодой партии отличаются большой смелостью и железной волей. Идейный и культурный уровень наших партийных работников низок, однако тяга к учебе у них огромная. В этом направлении мы работаем над тем, чтобы улучшить это положение. В нашей партий-

ной работе у нас еще много недостатков, но упорным трудом, верой в будущее и с помощью опыта Большевистской партии мы устраним эти недостатки.

В продолжение своей беседы я сделал товарищу Сталину общую обрисовку экономического положения в Албании, достигнутых результатов и упорной борьбы нашей партии и нашего народа за преодоление трудностей, созданных в области экономики вражеской деятельностью югославских троцкистов и их агентуры. Наш народ, сказал я ему, скромный и трудолюбивый народ. Под руководством партии он напрягает свои силы для преодоления отсталости и созданных трудностей, за воплощение в жизнь задач, выдвинутых I съездом партии.

Я отметил, что I съезд партии, наряду с курсом на социалистическую индустриализацию, дал директивы и на укрепление социалистического сектора сельского хозяйства путем умножения государственных предприятий и постепенной коллективизации в виде сельскохозяйственных кооперативов, которые будут пользоваться политической, экономической и организационной поддержкой государства.

— У вас много таких кооперативов? Какими критериями вы руководствуетесь в этой работе? — спросил меня товарищ Сталин.

Я разъяснил в связи с этим, что съезд дал установку на постепенную, обдуманную коллек-

тивизацию сельского хозяйства на доброволь-ных началах. На этом пути мы не будем торо-питься, но и не будем топтаться на месте.

— По-моему, — сказал товарищ Сталин, — что касается коллективизации сельского хо-зяйства, вам не следует торопиться. Ваша стра-на — горная, ее рельеф местности в различ-ных районах различен. И у нас в горных мест-ностях, похожих на ваши, колхозы были созда-ны очень поздно.

В продолжение я говорил о проводимой у нас работе по укреплению союза рабочего клас-са с трудовым крестьянством, о помощи госу-дарства единоличному крестьянину, о росте сельскохозяйственной продукции, о политике заготовок сельскохозяйственных и животновод-ческих продуктов.

— Это очень важно, — сказал нам това-рищ Сталин, — и хорошо, что вы уделяете вни-мание этому делу. Если албанские крестьяне будут нуждаться в тракторах, в других сельско-хозяйственных машинах, в рабочем скоте, в се-менах и во всяком другом, то помогите им. И не только, — подчеркнул он, — но проложите и оросительные каналы для крестьянства и по-том увидите результаты всего этого. По-моему, лучше будет, если свои обязательства за такую помощь крестьянство будет выполнять натурой.

Государство, — продолжал товарищ Сталин, — должно создавать машинно-тракторные

станции. Вы не должны передавать трактора кооперативам, но государство должно помогать и единоличным крестьянам в обработке земли, если они попросят этой помощи. Так постепенно бедные крестьяне будут сознавать необходимость коллективизации.

Что касается излишков сельскохозяйственной продукции, — продолжал дальше товарищ Сталин, — то земледельцы могут распоряжаться ими по своему усмотрению, ибо в противном случае крестьяне не будут сотрудничать с правительством. Если крестьянство не увидит конкретно помощи со стороны государства, то и оно не будет помогать государству.

Я не знаю историю и характеристики буржуазии вашей страны, — сказал потом товарищ Сталин и спросил: — У вас была торговая буржуазия?

— Была у нас торговая буржуазия, которая находилась в процессе становления, — ответил я. — но теперь она осталась ни с чем.

— Вы экспроприировали ее полностью? — спросил он.

В ответ на этот вопрос я рассказал товарищу Сталину о политике, которую проводила партия еще во время войны в отношении имущих классов, о глубокой дифференциации, определившейся отношением представителей этих классов к иностранным захватчикам, тем, что большинство из них стали сообщниками фа-

шизма, и, обагрив руки кровью народа, убежали вместе с захватчиками, а те, которым не удалось убежать, были схвачены народом и отданы под суд. Что касается тех элементов из патриотически настроенной средней и мелкой буржуазии, которые перешли на сторону народа и включились в борьбу против иноземных захватчиков, — продолжал я, — то их партия поддерживала, держала их близко к себе и указала им настоящий путь служения делу развития страны и укрепления независимости Родины. В отношении некоторых из этих элементов, как и некоторых патриотически настроенных интеллигентов, — сказал я товарищу Сталину, — в последние годы, в результате враждебной деятельности Кочи Дзодзе с компанией, была занята неправильная позиция и были приняты суровые меры, но эти ошибки теперь решительно осуждены партией, которая не допустит их повторения.

Взяв слово, товарищ Сталин сказал, что, как и по всем другим вопросам, и по этому вопросу все зависит от конкретных условий и конкретной обстановки каждой страны. — Но я думаю, — отметил он, — что в первую фазу революции по отношению к патриотически настроенной буржуазии, воистину стремящейся к независимости своей страны, проводится такая политика, при которой она помогала бы в этой фазе своими средствами и богатствами.

Ленин учит, — продолжал он, — что в первый период революции, там, где эта революция носит антиимпериалистический характер, коммунисты могут использовать помощь патриотически настроенной буржуазии. Это, естественно, зависит от конкретных условий, от отношения самой этой буржуазии к наиболее острым проблемам, на которые наталкивается страна, и т.д.

В народно-демократических странах, например, крупная буржуазия, скомпрометировала себя с немецкими захватчиками, она помогала им. Когда Советская армия освободила эти страны, продажная буржуазия взяла путь эмиграции.

В этот момент он призадумался, а потом сказал:

— Советская армия, кажется мне, не пришла в Албанию для помощи; ну а Югославская армия, пришла ли она к вам на помощь в период Национально-освободительной борьбы?

Нет, — ответил я. — Две партизанские дивизии нашей Национально-освободительной армии сражались за освобождение народов Югославии.[1]

В продолжение своей беседы товарищ

---

1 После освобождения Албании, по решению ЦК КПА и по приказу Главнокомандующего, товарища Энвера Ходжа, V и VI дивизии АНОА продолжали преследование гитлеров-

Сталин отметил, что каждая коммунистическая партия и каждое социалистическое государство должны уделять особое внимание также своим отношениям с интеллигенцией. С ней надо проводить большую, тщательную, прозорливую работу, с тем чтобы честная и патриотически настроенная интеллигенция как можно теснее связалась с народной властью.

Назвав некоторые особые черты русской революции, товарищ Сталин подчеркнул, что тогда Россия не находилась под гнетом какой-либо иностранной империалистической державы, поэтому мы, — сказал он, — выступили только против внутренних эксплуататоров, а русская национальная буржуазия, будучи эксплуататорским классом, не примирилась с нашей революцией. Несколько лет подряд у нас шла ожесточенная борьба, и русская буржуазия попросила помощи и вмешательства империалистов.

Итак, различие между русской революцией и борьбой в странах, ставших жертвами империалистических агрессоров, — налицо.

— Я говорю это, — продолжал Сталин,

ских войск в Югославии. В период декабря 1944 г. и января-февраля 1945 г. албанские воины совместно с воинами Югославии освободили Черногорию, Санджак и южную часть Босни. В боях за освобождение народов Югославии отдали свою жизнь более 600 албанских партизан.

— чтобы показать, насколько важен учет конкретных условий данной страны, ибо условия определенной страны не всегда одинаковы с условиями других стран. Именно по этой причине никто не должен копировать наш опыт или опыт других, надо только изучать его и извлекать пользу из него, применяя его в соответствии с конкретными условиями своей страны.

Время встречи со Сталиным протекало незаметно. Слово снова взял я и стал излагать вопросы, связанные с планом укрепления обороны и развития народного хозяйства и культуры в НРА.

— Начальник вашего генерального штаба, — сказал товарищ Сталин, — сделал нам ряд запросов, связанных с армией. Мы отдали распоряжение удовлетворить их все. Получили ли вы то, что запросили?

— Мы не получали какого-либо ответа, — сказал я.

Сталин тут же вызывает одного генерала и поручает ему собрать точные сведения об этом вопросе. Несколько минут спустя послышался телефонный звонок. Сталин поднял трубку и, услышав ответ, сообщил мне, что товары уже отправлены.

— А рельсы вы получили? — спросил он меня. — Закончилась железная дорога?[1]

— Получили, — ответил я, — а железная дорога уже введена в эксплуатацию, — и я стал говорить ему вообще о главных задачах плана развития народного хозяйства и культуры, как и плана повышения обороноспособности страны. Пользуясь случаем, я изложил также наши запросы о помощи от Советского Союза.

Как и раньше, наши запросы о помощи товарищ Сталин встретил с благосклонностью и заговорил совершенно открыто:

— Товарищи, — сказал он, — мы большая страна, но вы знаете, что тяжелые последствия войны у нас еще не все ликвидированы. Тем не менее, как сегодня, так и в будущем, мы будем помогать вам, может, и не столь уж много, но по мере возможности. Мы понимаем, что вам надо создать и развивать сектор социалистической промышленности, и в связи с этим мы согласны удовлетворить все ваши запросы, в том числе и запросы, касающиеся сельского хозяйства.

Потом, смеясь, он сказал:

— Ну а сами албанцы, будут ли они работать?

Я понял почему он задал мне этот вопрос.

---

1 Речь идет о железной дороге Тирана-Дуррес, которая была введена в действие 23 февраля 1949 г.

Это было результатом злонамеренного информирования его армянским торговцем Микояном, который на встрече, которую я как-то имел с ним, говорил мне не только языком, далеким от языка Сталина, но и прибег к резким выражениям в своих замечаниях о выполнении планов в нашей стране — будто народ у нас не работает и т.д. Его целью было снижение темпов и размеров помощи. Так вел себя всегда Микоян. Однако Сталин удовлетворил все наши запросы.

— Мы, — сказал он, — пошлем вам и кадры, которые вы запросили у нас, и они не пожалеют себя, чтобы помогать вам всеми силами, но, известно, они не навсегда останутся в Албании. Поэтому, товарищи, вам надо подготовить свои кадры, своих специалистов, которые заменят наших. Это важный вопрос. Сколько бы ни приезжало к вам иностранных кадров, все равно вам надо иметь свои кадры. Поэтому, товарищи, — посоветовал он нам, — вам надо открыть свой университет, который станет крупным центром подготовки будущих кадров.

— Мы уже открыли первые институты, — сказал я товарищу Сталину, — и в них работа идет, но мы еще делаем только первые шаги. Кроме опыта и учебников, у нас нет и необходимых кадров для открытия университета.

— Главное — приступить к делу, — сказал он нам, — затем шаг за шагом все пойдет своим чередом. Мы, со своей стороны, поможем вам и литературой и специалистами с тем, чтобы увеличилось число высших институтов, составляющих базу для открытия в будущем университета.

Советские специалисты, — сказал нам дальше товарищ Сталин, — будут получать от албанского правительства зарплату наравне с албанскими специалистами. Не предоставляйте им никаких льгот по сравнению с вашими специалистами.

— Советские специалисты приезжают издалека, — ответил я ему, — и мы не можем выплачивать им такую же зарплату, что и нашим.

Товарищ Сталин сразу возразил мне:

— Нет, нет, пусть приезжают они из Азербайджана или какого-либо другого уголка Советского Союза. У нас свои правила относительно материального обеспечения специалистов, которых мы посылаем на помощь братским народам. Они обязаны работать всеми силами, как революционеры-интернационалисты, работать на благо Албании так же, как работают и на благо Советского Союза. Нужную разницу в окладе берет на себя выплачивать им Советское правительство.

Поблагодарив товарища Сталина, я пос-

тавил вопросы о нужных нам группах для геологических и гидро-электрических исследований, о строительстве железных дорог и о ряде проблем, связанных с перспективами нашего промышленного развития. Положительно ответив на поднятые мною вопросы, он задал мне ряд вопросов: имеется ли у вас много крупных рек для сооружения гидростанций? Богата ли Албания углем? и т.д.

Я ответил товарищу Сталину, а затем спросил его, можно ли нам будет направить в Советский Союз определенное число кадров специализироваться по отдельным профилям, в которых испытываем острую и срочную нужду. При невозможности, сказал я ему, желательно откомандировать к нам в Албанию нескольких специалистов из Советского Союза для подготовки наших кадров на месте.

Товарищ Сталин сказал мне:

— В этом отношении лучше будет послать нам нескольких инструкторов в Албанию, потому что, если приедут ваши люди в Советский Союз, то понадобится более длительное время на их подготовку; ведь предварительно им надо овладеть русским языком.

Относительно этого запроса товарищ Сталин порекомендовал нам обратиться в Министерство иностранных дел Советского Союза, и добавил:

— Мы поручили товарищу Вышинскому

вести все переговоры, поэтому со всеми запросами обращайтесь к нему.

Я сказал товарищу Сталину, что в общих чертах это и был круг вопросов, которые я хотел обсудить с ним в связи с внутренним положением в Албании, и выразил ему желание кратко проинформировать его об отношении Албании к международному политическому положению. Он посмотрел на часы и спросил меня:

— Хватит 20 минут?

— Немного больше, товарищ Сталин, если возможно, — ответил я ему.

Объяснив ему наши натянутые отношения с Югославией, враждебную деятельность югославских предателей, указав на то, как они организовывали преступные банды и засылали их на албанскую территорию для ведения диверсионной и саботажнической деятельности против нашей страны, я рассказал товарищу Сталину о политике жестокого террора, которую проводит клика Тито в отношении албанцев в Косове, Македонии и Черногории.

— Много ли албанцев проживает в Югославии? — спросил меня Сталин. — Какого они вероисповедания?

— Больше миллиона албанцев, — сказал я ему (Вышинский в этот момент выразил свое

удивление этим столь внушительным числом, о котором, по всей видимости, он раньше не слыхал), и продолжил: — Почти все они мусульманского вероисповедания.

— Как же они не ассимилированы славянами, какие связи поддерживают албанцы, живущие в Югославии, с теми, которые живут в Албании? — спросил опять Сталин.

— Албанцы, проживающие в Югославии, — сказал я товарищу Сталину в ответ на его вопрос, — во все времена отличались пламенным патриотизмом и прочными связями со своей Родиной и со своими соотечественниками. Они всегда решительно противопоставлялись лихорадочным экспансионистским и ассимилирующим усилиям великосербских и великославянских реакционеров, и с фанатизмом отстаивали свою албанскую принадлежность во всех отношениях.

Ныне клика Тито в Косове и в других местах, где живет албанское население — в Черногории и Македонии — проводит ту же линию и прибегает к тем же методам, к которым прибегали им подобные — царь Александр и другие в свое время. Для белградской клики Косова является весьма уязвимым местом, поэтому она там чинит сильный террор, прибегает к массовому выселению, арестам, каторжному труду и принудительному призыву в армию, а также к массовой экспроприа-

ции людей. Албанское население подвергается гонениям в титовской Югославии особенно потому, что нынешним югославским руководителям хорошо известны патриотические и революционные черты тамошнего албанского населения, они хорошо знают, что национальная проблема для этого населения всегда была кровоточащей раной, требующей лечения. Кроме этого, Косова и остальные края с албанским населением в Югославии титовцы превратили в важные центры сплочения албанских квислингов, бандитов, шпионов, которые готовятся работниками УДБ для организации против нашей страны террористических, диверсионных, саботажнических актов и вооруженных нападений. Белградская клика привела в движение старых сербских, английских и американских, как и итальянских и немецких агентов с целью мобилизовать албанскую реакцию Косовы и организовать при помощи этой реакции отряды, которые, сообща с другими албанскими бандитами, проникали бы на нашу территорию и вызывали бы брожения.

Затем я сжато рассказал товарищу Сталину о борьбе греческого народа против монархофашистов и англо-американцев, о политической поддержке, которую мы оказывали этой справедливой борьбе братского греческого народа, отметив, в частности, что Греческая демократическая армия далека от народа.

Товарищ Сталин удивился, услышав эти слова, и спросил меня:

— Что, что вы сказали?!

Я дал полные разъяснения как относительно этой проблемы, так и относительно ошибочных взглядов Никоса Захариадиса с компанией на роль партии и комиссаров в армии, в правительстве и т.д.

— Нам думается, — сказал я в частности товарищу Сталину, — что руководство Коммунистической партии Греции еще в годы войны против гитлеровцев грубо ошибалось в связи с укреплением и расширением партии в деревне и в городе, и что эти ошибки вновь проявились и в ходе борьбы против внутренней реакции и англо-американского вмешательства.

Ошибочно полагая, что город сыграет решающую роль в победе над гитлеровцами и внутренней реакцией, руководство Сантоса[1] в годы Антифашистской войны отдало указание о том, чтобы греческий пролетариат сидел в городах. В результате, самая революционная часть греческого народа осталась беззащитной перед жестоким ударом внутренних гитлеровцев, тогда как Греческая партизанская национально-освободительная армия была лишена

---

1 Бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Греции, оппортунист, капитулировавший перед англо-американской реакцией.

пролетариата, который должен был быть двигателем и руководителем греческой народной революции. Далее я отметил, что, несмотря на сильный террор и тяжелые удары, которые гитлеровцы и внутренняя реакция нанесли пролетариату и революционным элементам в городе, последние, вообще, продолжали оставаться в городах, где их убивали, мучили, ловили и ссылали на острова; они не пошли в горы в массовом порядке, ибо такова была директива Коммунистической партии Греции. Конечно, в городах и тогда предпринимались важные акции и велась борьба, совершались саботажнические действия, покушения и т.д., однако эти действия, в общих рамках борьбы греческого народа, имели второстепенное значение.

Подобные недостатки, — отметил я дальше, — наблюдались и в деревне, где партийные силы были незначительны, а партийные организации — плохо организованы и часто путались с организациями ЭАМа, бытовал оппортунизм как в строительстве сельских национально-освободительных советов, так и в их политической линии — двоевластие и сосуществование с зервистскими реакционными организациями в освобожденных зонах и др. Мы говорили греческим товарищам, что подчинение командования Национально-освободительной армии приказам Штаба Средиземноморья,

переговоры и соглашения оппортунистического и капитулянтского характера с Зервой и с эмиграционным греческим реакционным правительством, преобладание в командовании Греческой национально-освободительной армии крестьян и старых кадровых офицеров и т.д. — все это было грубыми ошибками, которые обрекут героическую борьбу греческого народа на поражение. Варкиза явилась логическим выводом всех этих порочных действий и взглядов, она привела к капитуляции перед английской и внутренней реакцией.

Но мы считаем, что и после капитулянтского варкизского соглашения и периода «легальности» Коммунистической партии Греции, — сказал я товарищу Сталину, — руководство Коммунистической партии Греции не углубилось в должной мере и как следует с целью исправить коренным образом допущенные ранее ошибки. Укрепление партии в городе и деревне, прочные связи с широкими массами народа должны были составлять предмет главной заботы руководства Коммунистической партии Греции, потому что в прошлом это были его самые крупные ошибки. Но оно игнорировало эти задачи потому, что не оценивало правильно новое положение, сложившееся после разгрома фашизма, оно недооценило внутреннего врага и англо-американскую реакцию и не смогло полностью предвидеть большую

угрозу, которую представляли эти силы реакции. Оно много рассчитывало на «легальную» работу и парламентаризм. В результате, партия была обезоружена перед лицом врага, утратила прочные связи с народом, а народная революция в Греции пережила глубокий кризис, народу внушали, что революция победит путем парламентаризма и голосования, так что перед натиском реакции он оказался дезориентированным, ошеломленным, разочарованным. Греческий народ с героизмом боролся против гитлеровцев за свою свободу, но победа ускользнула у него из рук из-за ошибок руководства Коммунистической партии Греции. Все эти ошибки имели тяжелые последствия в последующем ходе событий, когда были утрачены всякие иллюзии о победе легальным путем, и партия перешла в подполье, решив вновь начать борьбу.

Это факт, — сказал я дальше товарищу Сталину, — что еще до перехода в подполье партии удалось перегруппировать часть партизанских сил, вывести их в горы и начать борьбу. Это было очень хорошо. Однако мы считаем, что именно здесь вновь начинаются неправильные взгляды товарищей греческих руководителей на стратегию и тактику, которую они должны были применять, на организацию партии в городе и деревне, на организацию партии в армии и, в первую очередь,

на связи с массами и на руководящую роль партии.

Товарищи из руководства Коммунистической партии Греции недооценивали силы врага и думали, что им удастся легко захватить власть, что им нетрудно будет освободить Грецию от англо-американцев и монархо-фашистов. В силу этого ошибочного мнения они не были подготовлены к долгой и трудной борьбе, недооценили партизанскую войну, а партизанские силы, которые им удалось перегруппировать, они назвали «регулярной армией». На эту «регулярную армию» они возложили все надежды на победу, пренебрегая, таким образом, основным фактором — народом и марксистско-ленинским принципом «армия и народ — одно целое». Товарищи греческие руководители не оценили тогдашние моменты в Греции. В результате поражения, революционный порыв масс спал, поэтому этот порыв надо было восстановить путем решительной реорганизации партии в деревне и городе, путем окончательного исправления старых ошибок, путем поднятия всей страны на партизанскую войну.

Монархо-фашизм страшился двух факторов: своего страшного врага — народа, и партизанской войны, — продолжал я излагать свою мысль. — Оба этих фактора недооценило руководство Коммунистической партии Греции, и врагу удалось воспользоваться этой ее

ошибкой. Враг боялся партизанской войны, которая возрастала бы с каждым днем, шаг за шагом втягивала бы в себя народные массы города и деревни и приняла бы большие размеры вплоть до всеобщего вооруженного восстания и захвата власти. Врагу удалось предотвратить это в силу ошибочной тактики греческого руководства, которое всегда придерживалось и продолжает придерживаться принципа противопоставления врагу своих главных сил в фронтальной войне и при пассивной обороне. Враг именно этого и желал — приковать главные силы Греческой демократической армии к некоторым пунктам и там разбить и уничтожить их своим превосходством в людях и вооружении.

Воспользовавшись этой грубой ошибкой руководства Коммунистической партии Греции, монархо-фашисты оторвали народ от Греческой демократической армии, лишили Коммунистическую партию Греции ее родных низов. Монархо-фашизм террором и убийством выселил жителей из всех зон, где была размещена наибольшая и самая живая часть Греческой демократической армии, причем была размещена она не для нападения, а для обороны. Это мы считаем роковой ошибкой. Фашизм и у нас, в Национально-освободительной борьбе, — сказал я товарищу Сталину, — истреблял население, чинил над ним расправу, испепелил

целые края, однако народ пошел не в лагеря, окруженные колючей проволокой, а в горы, он сражался, вновь вернулся в свою хижину и решительно сидел в ней, потому что наша партия учила его бороться и выстаивать. Наша Национально-освободительная армия никогда не оторвалась от народа, потому что у самой нашей партии прочные базы были в народе. Мы считаем, что именно оттого, что у Коммунистической партии Греции не было прочных баз в народе, врагу удалось заставить греческих партизан засесть в сухих горах. Вот почему я сказал, что руководство Коммунистической партии Греции лишило себя и Демократическую армию своих родных низов, народа.

Наконец, я указал товарищу Сталину на угрозы внешних врагов в адрес Албании.

Он выслушал внимательно меня и высказал свою мысль относительно сказанного мною:

— Борьбу греческого народа, — сказал он в частности, — мы также всегда считали справедливой борьбой и всей душой поддерживали ее. Всякая народная борьба ведется не только коммунистами, но и народом, и важно, чтобы коммунисты стояли во главе ее. У Цалдариса дела неважно, и он старается спастись с помощью англо-американцев.

Что касается воплей внешних врагов о расчленении Албании, — продолжал он, — то они рассчитаны на то, чтобы напугать вас, так

как в этом отношении я думаю, что ныне нет какой-либо угрозы. Это не из-за «доброжелательства» врагов, а по целому ряду причин. В первую очередь, Албания есть свободная, независимая страна, народ там захватил власть и сумеет отстоять свою независимость, как он сумел и завоевать ее. Во-вторых, у самих внешних врагов имеются противоречия относительно Албании. Никому из врагов не хочется, чтобы Албания принадлежала только тому или другому. Если Греции хочется, чтобы Албания принадлежала ей, то это невыгодно Италии и Югославии, и они становятся помехой, и т.д. С другой стороны, — отметил товарищ Сталин, — независимость Албании признана и утверждена заявлением трех великих — Советского Союза, Англии и Соединенных Штатов Америки. Это заявление может быть и нарушено, но это не так легко. Следовательно, как бы то ни было, независимость Албании находится под защитой.

Товарищ Сталин несколько раз повторял, что, если Албанское правительство будет проводить осмотрительную, умную, прозорливую политику, его дела пойдут хорошо.

Дальше товарищ Сталин посоветовал мне:

— Вы должны рассмотреть возможности установления взаимоотношений и с Италией, потому что она — соседнее с вами государство, но предварительно примите меры предо-

сторожности против деятельности итальянских фашистов.

Касаясь значения, которое имеет признание нашей страны на международной арене, он спросил меня:

— Какое еще государство стучится к вам в дверь для установления дипломатических отношений? Как у вас дела с французами?

— С французами, — пояснил я, — мы поддерживаем дипломатические отношения. У них представительство в Тиране, а у нас свое в Париже.

— А с Соединенными Штатами Америки и Англией?

— Не поддерживаем дипломатических отношений, — ответил я ему. — Соединенные Штаты Америки еще в 1945 году поставили нам условием для установления таких отношений признание действительными всех соглашений, заключенных ими с антинародным правительством Зогу. Эти соглашения мы не можем считать законными, ибо они носят кабальный характер, и это дословно отмечено Перметским съездом.[1] В свою очередь, англичане, —

---

1 I Антифашистский Национально-освободительный съезд проходил в освобожденном городе Пермет с 24 по 28 мая 1944 года и заложил основы нового, народно-демократического албанского государства. В частности, съезд постановил «отменить все заключенные правительством Зогу с иностранными государствами политические и экономические соглашения, противоречившие интересам албанского народа».

продолжал я, — хотят иметь военные базы в наших портах, а затем признать нас. Они уже давно добиваются осуществления этих целей.

В то время, когда мы уже уничтожили нацистские войска и освободили почти всю страну, англичане, через некоторые находившиеся у нас свои военные миссии и под маской союзников по антифашистской войне настоятельно требовали, чтобы они, как «союзники», своим отрядом принимали участие в нашей операции по уничтожению немецкого гарнизона, расквартировавшегося в Саранде, нашем порту на Юге. Мы приняли их предложение при условии, однако, чтобы как только операция будет завершена, они сразу вернулись туда, откуда приехали, в море. Операция закончилась, а англичане не только хотели оставаться там, но и стремились пробраться вглубь страны.

Генеральный Штаб Национально-освободительной армии направил им ультиматум, требовавший, чтобы они немедленно покинули нашу территорию, иначе они будут боем брошены в море. После нашего ультиматума англичане сели в свои корабли и вернулись в Грецию. Однако от своих намерений они не отказывались.

— Смотрите, как будет выгоднее для вашей страны, — сказал товарищ Сталин и продолжал:

— Что касается баз, которые англичане

хотят иметь в ваших портах, то никоим образом не согласитесь на это. Хорошо храните ваши порты.

— Мы никогда и никому не сдадим их!, — сказал я ему, — Если понадобится, мы умрем, но их не сдадим.

— Храните их и не умирайте, — сказал товарищ Сталин, улыбаясь. — Тут нужна дипломатия.

После этого он встал, поздоровался с нами по очереди и ушел.

Мы вновь встретились несколько дней спустя на ужине, устроенном в Кремле в честь нашей делегации. Товарищ Сталин, я и другие сидели за столом. И на этом ужине, как и на всех других встречах с ним, мы были взволнованы и тронуты глубокой любовью Сталина к нашей стране и нашему народу, его желанием, как можно больше узнать об истории, культуре, языке и обычаях нашего народа.

Он начал беседу, спросив меня о некоторых албанских словах:

— Мне хотелось бы услышать, — сказал он, — как по-албански звучат слова: **народ, человек, хлеб, дар, жена, муж, земля!?**

Я начал произносить на албанском языке эти слова, и он слушал меня совершенно сосредоточенно. Помню, вокруг одного слова

создалась веселая обстановка. Он спросил меня, как будет по-албански русское слово «дар».

— Пешкеш, — ответил я тут же.

— Нет, — сказал он, нет! Пешкеш это не по-албански, а по-турецки, — и засмеялся. Он смеялся очень искренне, откровенно, смеялся от души.

Выслушав произношение мною слов на албанском языке, товарищ Сталин сказал мне:

— Ваш язык очень древний, он в устной форме передавался из поколения в поколение. И это является фактом, свидетельствующим об устойчивости вашего народа, о той великой силе, благодаря которой он не был ассимилирован, несмотря на ураганы, которые ему приходилось отражать.

В связи с этими проблемами он спросил меня:

— Каков национальный состав албанского народа? Имеются ли сербские и хорватские меньшинства в Албании?

— Подавляющее большинство нашего народа, — сказал я ему, — составляют албанцы, но имеется и греческое национальное меньшинство (приблизительно 28 000 человек) и совсем мало македонцев (всего пять небольших деревень), а сербов и хорватов нет.

— Сколько вероисповеданий в Албании, — спросил дальше товарищ Сталин, — и на каком языке у вас говорят?

— В Албании, — ответил я, — три вероисповедания: мусульманское, православное и католическое. Население этих трех вероисповеданий принадлежит к одной нации — албанской, поэтому и единственный язык, на котором у нас говорят — албанский, за исключением греческого национального меньшинства, которое говорит на своем родном языке.

Между тем как я говорил, Сталин время от времени вынимал трубку и набивал ее табаком. Я заметил, что он не употреблял какого-либо особого табака, а брал сигары «Казбек», мельчил их, удалял бумагу, а табак клал в трубку. Выслушав мой ответ, он сказал:

— Вы особый народ, как и персы и арабы, у которых одинаковая с турками религия. Ваши предки существовали еще до римлян и турок. Вопрос о религии не имеет отношения к национальности и подданству.

В ходе беседы он спросил меня:

— Вы, товарищ Энвер, кушаете свинину?

— Да, — сказал я.

— Мусульманская религия запрещает это своим верующим, — сказал он, — старинный обычай, который отжил свой век. Тем не менее, — продолжал он, — вопрос о вероисповедании надо хорошо иметь в виду, надо действовать очень осмотрительно, ведь нельзя пренебрегать религиозными чувствами народа. Эти чувства насаждались веками среди людей, так

что надо действовать очень трезво, ибо отношение к этому вопросу важно для сплоченности и единства народа.

Весь ужин прошел в очень теплой, очень товарищеской обстановке. Товарищ Сталин, провозгласив тост за албанскую и советскую армии, вновь заговорил о борьбе греческого народа. Он с глубокой симпатией говорил о доблестном и свободолюбивом греческом народе, о его героических подвигах, лишениях и крови, которую он проливал в своей справедливой борьбе.

— И мы, и вы, все революционеры и народы поддерживают справедливую борьбу греческого народа, его требования о свободе и демократии. Мы всегда будем оказывать ему идеологическую и политическую помощь и поддержку, — сказал в частности товарищ Сталин. — Вы, граничащие с Грецией, — продолжал он, — особо должны быть внимательными и осмотрительными для отражения любой провокации монархо-фашистов против вашей страны.

Во время ужина были провозглашены тосты за всех товарищей по очереди. Был провозглашен тост и за Омера Нишани[1].

---

1 В то время Председатель Президиума Народного Собрания НРА.

Молотов, время от времени поднимая стакан, подбивал меня больше выпивать и, увидев, что я не удовлетворял его желания, спросил меня:

— Почему так мало?! Вы вчера выпили больше!

— А, вчера! Другое дело вчера, — сказал я ему, улыбаясь.

Молотов вмиг обратился к товарищу Сталину:

— Вчера, — сказал он, — мы с товарищем Энвером были на ужине у Вышинского. Поступила весть, что вчера, 31 марта, у Энвера Ходжа в Тиране родился сын. От радости мы выпили немного больше.

— Поздравляю! — сказал тотчас Сталин и поднял стакан. —• Давайте выпьем за здоровье младенца и за вашу супругу.

Я поблагодарил товарища Сталина, пожелав ему здоровья и долгих лет жизни на благо Большевистской партии и советского государства, на благо революции и марксизма-ленинизма.

Так мы провели несколько часов в этой столь теплой, сердечной и семейной обстановке. Как у меня, так и у всех наших товарищей глубоко врезались в память поведение и черты славного Сталина, того человека, чье имя и дело наводили страх на врагов — империа-

листов, фашистов, троцкистов, реакционеров всех мастей, тогда как в коммунистах, пролетариях, народах возбуждали радость и восторг, умножая их силы и усиливая их веру в будущее.

В течение всего ужина он был в очень хорошем настроении, радостным, веселым, очень внимательным во время непринужденных бесед и старался, чтобы все присутствующие чувствовали себя как можно непринужденнее. Около 23 часов Сталин предложил нам:

— Не пойти ли нам выпить кофе?

Мы все встали и пошли в соседний зал. Между тем как нам подавали кофе, за столом рядом два советских товарища, смеясь, старались убедить Джафера Спахиу попить еще. Джафер возражал и что-то говорил им. Сталин, как всегда внимательный, заметил это, и, шутя, обратился к советским товарищам:

— Аа, это неправильно! Вы с гостем не в равных условиях. Вас двое против одного!

Мы все засмеялись и продолжали разговаривать и шутить, точно в узком семейном кругу. Затем Сталин вновь встал:

— Товарищи, — сказал он, — теперь приглашаю вас пойти в кино.

Все встали, и Сталин увел нас в кремлевское кино, где он сам выбрал фильмы для нашей делегации. Это были некоторые цветные документальные фильмы, которые изображали

виды из различных краев Советского Союза, как и фильм «Далекая невеста».

Здесь кончается и наш второй визит у Сталина.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

Ноябрь 1949 г.

Пятичасовая встреча в Сухуми. Беседа с глазу на глаз с товарищем Сталиным. Еще раз о греческом вопросе. О положении в Югославии после предательства Тито. Вопрос о Косове и других краях Югославии, заселенных албанцами. «Нападение на Албанию — дело нелегкое». «Если Албания будет сильна внутри, ей не страшна никакая опасность извне». Незабываемый ужин. Снова об экономическом и культурном развитии Албании. Отношение к религии и духовенству. «Ватикан — это центр реакции, орудие в руках капитала и мировой реакции».

В ноябре 1949 года я поехал в Москву в третий раз. По пути в Советский Союз я ненадолго остановился в Будапеште, где встретился с Ракоши, который очень сердечно при-

нял меня и поинтересовался экономическим положением Албании, враждебной деятельностью титовцев и борьбой греческих демократических сил. Говорили мы по-товарищески, обменивались мнениями по ряду вопросов, и он, насколько я помню, ввел меня в курс положения в Венгрии.

По пути в Москву я остановился в Киеве. Там меня встретили исключительно хорошо.

В Москве вышли встречать меня Лаврентьев, маршал Соколовский, Орлов и другие военные и гражданские деятели. Затем я встретился с Маленковым, с которым имел первую короткую беседу.

Маленков сказал мне, что при желании и возможности я мог записать вопросы, которые я думал поставить во время переговоров, с тем чтобы ему легче было передать их товарищу Сталину.

— Затем, — сказал он, — будем ждать ответа от товарища Сталина, поедете ли вы, товарищ Энвер, в город Сухуми, где он находится для отдыха, лично поговорить с ним, или же вы будете беседовать с каким-нибудь другим товарищем из советского руководства, которого рекомендует Иосиф Виссарионович.

Вечером я записал вопросы, которые я думал поставить во время беседы, и передал их Маленкову.

Осведомившись, Сталин попросил, чтобы

я отправился в Сухуми поговорить с ним. Так мы и сделали.

Встретился я со Сталиным в саду дома, где он отдыхал; замечательный сад, усаженный фруктовыми деревьями и бордюрами самых различных цветов по обеим сторонам дорожек и аллей. Увидел я его издалека, шагал он медленно, немного сгибаясь вперед, с руками за спиной.

Как всегда, он принял меня очень сердечно и вел себя со мной совершенно по-товарищески. Выглядел очень хорошо.

— Весь день я гуляю, — сказал он, — только во время еды видит меня дом.

Обрадовавшись тому, что снова увидел его и что он выглядел так хорошо, я поздравил его:

— Да живите еще и сто лет, товарищ Сталин!

— Сто? — сказал он прищурившись, и усмехнулся. — Это мало. У нас в Грузии имеются старики, которым 145 лет, и они еще живы.

— Еще сто лет, товарищ Сталин, так поздравляет наш народ, еще других сто лет! — сказал я.

— Так хорошо!* — сказал он в хорошем

---

* По-русски в тексте.

расположении духа. — Это хорошо, я согласен.

Мы засмеялись.

Переговоры, в которых участвовали только товарищ Сталин и я (как и наш переводчик Стерьё Дьогореци), проходили на балконе. Было 9 часов вечера по московскому времени. Сталин был в кепке, коричневом шарфе, одежде из шерсти, тоже коричневого цвета.

Прежде чем начать переговоры, я учтиво снял шляпу и положил ее на вешалку, но он сказал мне:

— Не сними шляпу, носи и ты ее.

Я возразил, но он настаивал на этом, боясь, как бы я не простудился от влажности, и наказал своему провожатому принести ее мне.

Во время этой незабываемой встречи мы обсудили с товарищем Сталиным ряд вопросов.

Помимо всего другого, я изложил ему наши взгляды на ошибочные позиции руководящих товарищей из Коммунистической партии Греции и их несправедливые обвинения в наш адрес. Я сказал ему, в частности, что Центральный Комитет нашей партии всегда поддерживал тесные отношения с Центральным Комитетом Коммунистической партии Греции, что

наша партия и наш народ всегда открыто поддерживали справедливую и героическую борьбу греческого народа за свободу и демократию и против иностранного англо-американского вмешательства. Поддерживая особые связи с греческими товарищами, особенно в 1949 году, мы замечали ошибки и недостатки в работе руководства Коммунистической партии Греции, и наши взгляды на эти ошибки мы неоднократно, открыто, в товарищеском и здоровом интернационалистическом духе излагали им. Мы вновь изложили им наши взгляды после ударов, которые греческие демократические силы получили в Вици и Грамозе. Но товарищи из руководства Коммунистической партии Греции и на этот раз не только не сочли правильными наши товарищеские замечания, но, чувствуя себя обиженными, дошли до того, что в письме своего Политбюро к Политбюро нашей партии называют наших руководящих товарищей «троцкистами» и «титовцами» из-за нашего мнения о линии, проводившейся греческими руководителями во время их борьбы.

— Наше Политбюро, — сказал я товарищу Сталину, — проанализировало письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Греции, подписанное Никосом Захариадисом, и пришло к выводу, что группа Захариадиса своими ошибочными взглядами и позициями не

только сильно навредила новой, принятой после войны с гитлеровцами Коммунистической партией Греции линии, но теперь пытается свалить на других ответственность за поражения и за подрыв этой линии, в чем она сама виновна.

— Когда вы познакомились с Захариадисом? — спросил меня Сталин.

После моего ответа, он сказал:

— Товарищ Захариадис не говорил чего-либо дурного нашим товарищам о вас, албанцах, — и открыл при этом письмо Политбюро Коммунистической партии Греции к Политбюро АПТ и прочитал его про себя. Затем, посмотрев на меня, он добавил:

— Тут я не вижу обвинений, о которых вы говорите, а лишь читаю, что они обвиняют вас в том, что вы мешали им насчет ряда технических вопросов.

— Упомянутые мною обвинения, — сказал я товарищу Сталину, — вначале они возводили на нас устно, а затем письменно, в своем последнем письме. Копию этого письма и наш ответ мы передали и вам через посла Чувахина.

Сталин, не читавший этих писем, осведомившись об их датах, отдал распоряжение найти их. Через некоторое время их принесли. Прочитав их, он сказал мне:

— Я находился на отдыхе и материалы эти не читал. Все остальные ваши письма я читал.

Греки выразили желание беседовать и договориться с вами, — добавил он.

— В своих критических замечаниях в адрес греческих товарищей, — сказал я товарищу Сталину, — мы всегда исходили из искренних и товарищеских целей, считая это интернациональным долгом, независимо от того, понравятся ли им или нет наши мнения. Мы всегда хотели и добивались того, чтобы эти вопросы были решены в товарищеском и здоровом коммунистическом духе с греческими товарищами, но они не только не действовали в том же духе взаимопонимания, но и обвиняют нас и пытаются свалить вину на других. Такие взгляды и такое поведение неприемлемы для нас, сказал я и добавил, что товарищ Захариадис должен иметь в виду и не забывать, что за дела нашей партии, нашего народа и нашей Родины мы сами отвечаем перед партией и албанским народом, так же, как и он отвечает перед своей партией и своим народом.

Внимательно выслушав меня, товарищ Сталин спросил:

— Имеются ли еще греческие демократы из тех, которые временно нашли убежище в Албании? Как вы намерены поступать в дальнейшем?

В связи с этими вопросами я подробно изложил товарищу Сталину нашу позицию. Я сказал ему, в частности, что империалисты,

монархо-фашисты и реакция, в определенных целях уже давно возводят на нас обвинения, распространяя клевету о том, будто это мы «виновны в том, что происходит в Греции», будто мы вмешиваемся во внутренние дела Греции и т.д. Но всемирно известно, что мы не вмешиваемся и никогда не будем вмешиваться во внутренние дела Греции.

Что касается поддержки, которую мы оказывали и оказываем греческому народу в его борьбе, то мы считаем это законным правом и долгом, который любому народу следует выполнять в отношении справедливой борьбы братской страны. Но в силу того, что мы соседняя с Грецией страна, многие искалеченные, терроризированные и по пятам преследуемые монархо-фашистами ни в чем не повинные греческие мужчины, женщины и дети перешли нашу границу как беженцы. Ко всем им мы относились совершенно правильно и осторожно: помогали им, приютили, собрали их в определенных центрах вдали от греческих границ.

При дальнейшем разъяснении этого вопроса я сказал товарищу Сталину, что приход этих беженцев создал нам большие и серьезные трудности, и мы заботились о том, чтобы помимо выполнения нами гуманного долга, не давать повода для того, чтобы присутствие греческих беженцев-демократов на нашей земле еще больше возбудило в греческих

правителях антиалбанский психоз. Это явилось одной из главных причин того, что мы благосклонно встретили просьбу товарища Захариадиса и самих греческих беженцев переехать из Албании в другие страны. Ныне, — добавил я, — ввиду неправильного отношения руководящих товарищей из Коммунистической партии Греции к нам и в силу возведенных на нас тяжких обвинений, наше Политбюро считает, что, уход и тех немногих греческих беженцев, которые еще находятся в нашей стране, стал делом еще более неотложным. Я сказал ему, что не только демократы — военные, но и греческие руководители, которым в последнее время предоставлено убежище в Албании, должны покинуть нашу страну.

При дальнейшем изложении наших взглядов на греческую проблему, я говорил товарищу Сталину и о некоторых других ошибках греческих товарищей, таких как недооценка ими долгой и развертываемой по всей стране партизанской войны и ставка только на «фронтальную войну» «регулярной армией»; ликвидация ими роли политкомиссаров в партизанских частях и т.д. Давление ошибочных, мелкобуржуазных взглядов командиров действительной службы, которые не хотели и не могли терпеть при себе верных партии людей, — сказал я товарищу Сталину, — привело к тому, что в Греческой демократической армии роль ко-

миссара в командовании была умалена, отодвинута на задний план и даже сведена на нет. Это и другие подобного рода ошибки наводят нас на мысль, что в руководстве Коммунистической партии Греции царит разброд, оппортунизм, мнимая скромность, в нем затуманена руководящая роль партии.

Внимательно выслушав все изложенное мною, товарищ Сталин, в частности, сказал мне:

— Подобно вам, и мы согласились с просьбой Захариадиса в том, чтобы греческие беженцы-демократы покинули Албанию, поинтересовались и содействовали тому, чтобы они находили убежище там, где хотели. Это мы сделали движимые соображениями гуманизма. Помощь такому количеству людей составляла и для нас известное бремя, однако они должны были куда-нибудь уйти, так как не могли оставаться в граничащей с Грецией стране.

Ваше отношение к перешедшим вашу границу демократам-военным, — добавил товарищ Сталин, — я нахожу правильным. Что касается оставшегося в Албании их оружия, я считаю, что вы, албанцы, должны оставить его себе, так как заслуживаете этого.

— По-видимому, — добавил товарищ Сталин, — руководители Коммунистической партии Греции не как следует подходили к ситуациям, они недооценивали силы врага, думая, что име-

ли дело только с Цалдарисом, а не с англичанами и американцами. Имеются люди, которые в связи с последним отступлением греческих товарищей утверждают, что им не следовало ретироваться, но я думаю, что после случившегося демократам-военным надо было ретироваться, иначе все они погибли бы.

Что касается остальных вопросов, греческие товарищи неправы. Они не могли вести фронтальную войну регулярной армией, ибо для этого у них не было ни способной армии, ни обширной территории. Переоценив свои силы и возможности, они во всем действовали открыто, обнаруживая перед врагом все свои позиции и весь свой арсенал.

Как бы то ни было, я думаю, что вам следует договориться с греческими товарищами. Таково мое мнение. Их утверждения о том, будто вы, албанцы, обращались с ними как «троцкисты» и «титовцы», составляют беспочвенные обвинения.

Вечером Сталин спросил меня, где и когда я думал собраться вместе с греческими руководителями, чтобы разъяснить возникшие между нами принципиальные разногласия.

— Мы готовы собраться, когда угодно, — сказал я, — можно и в январе предстоящего года, а встречу пусть проведем в Москве.

В продолжение беседы с товарищем Сталиным, мы говорили о тяжелом положении, сложившемся в Коммунистической партии Югославии после измены Тито, об антимарксистской, националистской и шовинистической политике, проводимой титовской кликой в отношении Албании и других стран народной демократии. Я говорил особенно о положении албанского населения Косовы и других краев Югославии.

— Своей линией в отношении Косовы и других заселенных албанцами краев Югославии, — сказал я товарищу Сталину, — Коммунистическая партия Югославии с самого начала Антифашистской борьбы и вплоть до освобождения, а тем более после освобождения, занимала и занимает шовинистические и националистские позиции. Если бы Коммунистическая партия Югославии стояла на прочных марксистско-ленинских позициях, то она должна была еще во время Антифашистской национально-освободительной борьбы придавать особое значение вопросу об албанском населении в Югославии, ибо речь шла о большом по численности нацменьшинстве, проживающем у самих албанских границ. В первые годы войны мы считали, что вопрос о будущем Косовы и других албанских краев в Югославии не должен был быть поднят во время войны, что албанцы Косовы и других албанских краев дол-

жны были бороться против фашизма в рамках Югославии, а после войны вопрос этот должен был быть решен обеими братскими партиями, народно-демократическими режимами, которые установятся в Албании и Югославии, самим тамошним албанским населением.

Главный вопрос заключался в том, чтобы албанцы Косовы и других краев Югославии были уверены и убедились, что, борясь с фашизмом плечом к плечу с народами Югославии, после победы будут свободными и им будут созданы возможности самим определить свое будущее, т.е. самим решить: присоединиться к Албании или же остаться в пределах Югославии, как народность с особым статусом.

Правильная и принципиальная политика в этом деле способствовала бы тому, чтобы население Косовы и других краев Югославии, заселенных албанцами, независимо от свирепой реакции и демагогической фашистской пропаганды, мобилизовало все свои силы на великую антифашистскую борьбу. Еще в самом начале войны мы выразили югославским руководителям наше мнение о том, что им надо было мобилизовать албанское население в патриотическом духе, разрешить ему наряду с югославским флагом иметь и албанский флаг, думать о более широком участии албанцев в органах новой власти, которая будет создана в ходе войны, поддерживать и развивать у албанцев

как высокое чувство любви к Албании, их Родине, так и чувство братства в отношении справедливой борьбы народов Югославии, установить и укрепить теснейшее сотрудничество албанских отрядов Косовы с Национально-освободительной борьбой нашей страны при условии, чтобы отряды Косовы и других краев были связаны и действовали под руководством Генерального Штаба Югославской национально-освбодительной армии, и т.д. Однако, как показала жизнь, продолжал я излагать свое мнение товарищу Сталину, югославскому руководству эти справедливые и законные требования были не по душе, поэтому оно не только делало туманные заявления по вопросам принципиального характера, но Тито как нас, так и тех югославских товарищей, которые считали наши требования справедливыми, обвинял в «националистском уклоне».

Шовинистическая и националистская политика югославского руководства в Косове и в других заселенных албанцами краях еще больше интенсифицировалась после войны, несмотря на демагогию и принятые им некоторые полумеры, каким было открытие кликой Тито-Ранковича какой-либо албанской школы на первых порах.

Все-таки, в первые послевоенные годы мы еще считали Коммунистическую партию Югославии братской партией и надеялись, что во-

прос Косовы и других албанских краев будет правильно разрешен, как только наступит подходящий момент.

Мы думали, что момент этот наступил с подписанием договора[1] с Югославией, и тогда я изложил Тито этот вопрос. Тито спросил меня, что я думал о Косове. «Косова и другие заселенные албанцами края Югославии, сказал я ему, это албанские земли, которые великие державы несправедливо отняли у Албании; они принадлежат Албании и должны быть возвращены Албании. Теперь, когда оба мы — социалистические страны, существуют условия для правильного разрешения этого вопроса». Тито ответил мне: «Я согласен, мы этого хотим, но до поры до времени ничего не можем сделать, ибо сербам это трудно понять». «Если они не понимают этого сегодня, сказал я, то они должны понять его завтра».

В этот момент товарищ Сталин спросил меня, с каких пор я знаком с Тито и с другими югославскими руководителями. Ответив ему, что я познакомился с ними после войны, когда впервые находился с визитом в Белграде в 1946 году, я добавил:

— Проблема Косовы и албанского насе-

---

1 Речь идет о Договоре дружбы, сотрудничества и взаимопомощи между Народной Республикой Албанией и Федеративной Народной Республикой Югославией, подписанном в июле 1946 года.

ления, проживающего в других краях Югославии, вопрос его будущего остается вопросом, который должен быть решен самим населением Косовы и других краев. Однако мы, со своей стороны, никак не вмешиваясь во внутренние дела Югославии, никогда не перестанем поддерживать права своих кровных братьев, проживающих в Югославии, мы поднимем свой голос против террора и политики истребления, проводимой по отношению к ним кликой Тито-Ранковича.[1] Наконец я сказал товарищу Сталину, что насчет этого вопроса мы обратились к ним с письмом.

— Ваше письмо я прочитал, — ответил мне товарищ Сталин — Я разделяю ваше мнение о том, что вопрос о его будущем решает и решит само население Косовы.

Тито, помимо своей антимарксистской политики в отношении Косовы, — отметил далее товарищ Сталин, — добивался и аннексии самой Албании. Это стало очевидно, когда Тито пытался перебросить в Албанию свои дивизии. Мы пресекли такой акт. Нам и вам известно, что соединения югославской армии отправились бы в Албанию, чтобы помочь Кочи

---

1 См.: Энвер Ходжа. «Титовцы» (Исторические записки). Издательство «8 Нентори», Тирана — 1983, изд. на рус. яз., стр. 3-10; Энвер Ходжа. «Избранные произведения», т. IV. Издательство «8 Нентори», Тирана - 1983, изд. на рус. яз., стр. 83-102.

Дзодзе, который с помощью югославских сил должен был ликвидировать свободную Албанию и Албанское правительство.

— Тито, — сказал я ему, — воспользовался тем, что к тому времени Греция то и дело совершала провокации на наших границах, поэтому он сплел интригу, будто мы будем подвергнуты нападению «широкого масштаба со стороны Греции», будто «это нападение будет совершено в ближайшее время» и «составляет опасность для Албании» и т.д. После этого Тито, в сотрудничестве и с предателями, такими как Кочи Дзодзе и другие, с которыми он поддерживал тайные связи, предложил нам дать согласие на переброску их войск в Албанию, а именно в Корчу, а затем и в Гирокастру, чтобы они «защищали нас от греческого нападения». Мы решительно отвергли это предложение и немедленно поставили и вас в известность о нем. Мы были уверены, что под видом переброски дивизий «для оказания помощи» он стремился оккупировать Албанию, кстати, таков был и ваш ответ на наше сообщение.

Сталин с улыбкой, в которой сквозили и раздражение и глубокая ирония, сказал:

— А теперь Тито обвиняет нас, советских, в том, будто мы вмешиваемся во внутренние дела Югославии, будто мы хотели напасть на Югославию! Нет, мы никогда этого не хотели и

нам даже и в голову не приходит такое, ибо мы марксисты-ленинцы, мы социалистическая страна, и не можем поступать так, как думает и поступает Тито.

Я думаю, — отметил далее товарищ Сталин, — что мы, как марксисты-ленинцы, и впредь должны бичевать антимарксистские действия и взгляды Тито и югославского руководства, но, подчеркиваю, мы никак не должны вмешиваться в их внутренние дела. Это было бы не по-марксистски. Вопрос этот должны рассмотреть югославские коммунисты и югославский народ; им решать дела сегодняшнего и будущего своей страны. В этих же рамках рассматриваю я и вопрос Косовы, как и остального проживающего в Югославии албанского населения. Мы ни в коем случае не должны дать титовскому врагу повода обвинять нас в том, будто мы стремимся к распаду Югославской Федерации. Это щекотливый момент и к нему нужно подойти очень осторожно, ибо Тито, говоря: «Вот они добиваются расчленения Югославии», не только сколачивает реакцию, но и старается расположить к себе патриотически настроенных элементов.

Что касается ситуации в Албании, — подчеркнул далее товарищ Сталин, — с точки зрения международной, она определена совещанием трех министров иностранных дел: Соединенных Штатов Америки, Великобритании

и Советского Союза. Вам известны заявления Хэлла, Идена и Молотова по этому поводу. Большая шумиха поднимается о том, будто Югославия, Греция и др. нападут на Албанию, но это дело не легкое ни для них, ни для какого-либо другого врага, — сказал товарищ Сталин и спросил меня:

— Продолжают ли греки провокации на границах?

— Получив от нас урок, особенно летом текущего года, они уже прекратили свои вооруженные налеты, сказал я, но, как бы то ни было, мы постоянно храним бдительность и стоим начеку.

— Цалдарис, — отметил далее товарищ Сталин, — очень занят внутренними беспорядками; теперь ему не до провокаций, ведь монархо-фашисты грызутся друг с другом. Я думаю также, что англо-американцы не могут напасть на вас извне, а будут стараться атаковать вас изнутри, пытаясь организовать восстания и брожения, засылая агентов и диверсантов для покушения на жизнь албанских руководителей, и т.д. Враги постараются вызвать беспорядки и конфликты внутри Албании, но если Албания будет сильна внутри, ей ничто не может грозить извне. Это главное. Если Албания будет проводить мудрую и принципиальную политику, то ей незачем бояться.

Что касается документов трех министров

иностранных дел, — сказал товарищ Сталин, — вам следует иметь их в виду и время от времени, в подходящие моменты, ссылаться на них, чтобы напомнить о них «друзьям».

Зато внутреннюю ситуацию необходимо постоянно и во всех отношениях укреплять, ее нужно неуклонно укреплять. Это главное, — сказал он, и спросил меня:

— Есть ли у вас руководимые Министерством внутренних дел силы обороны для борьбы с бандами контрреволюционеров и подавления вылазок внутренней реакции?

— Да, — ответил я. — Эти силы, состоящие из сыновей народа, проделали достойную похвалы работу особенно в первые годы для чистки страны от банд преступников, скрывавшихся в горах врагов и засылавшихся извне диверсантов. В тесном сотрудничестве с народом, наши вооруженные силы все лучше выполняют свои обязанности, а партия и народная власть заботились и заботятся о том, чтобы они были возможно лучше подготовлены и вооружены.

— Вы постоянно должны держать эти силы наготове, чтобы справиться как с контрреволюционными группами, так и с возможными бандитами, — посоветовал мне товарищ Сталин в связи с ситуацией в Албании, и спросил:

— Денонсировал ли Тито Договор о дружбе и сотрудничестве с Албанией?

— Да, — сказал я ему. — Путь, которым Тито денонсировал договор, был типично титовским. 2 ноября текущего года югославские руководители направили нам полную клеветы и низких обвинений официальную ноту, где в ультимативной форме призывали нас отказаться от нашего пути и стать на их путь измены. И, не дождавшись ответа на первую ноту, 12 ноября они направили нам вторую ноту, которой денонсировали договор.

Все-таки, мы ответили на обе ноты так, как они этого заслуживали, и продолжаем прекрасно жить и поживать и без их договора «дружбы».

Вся эта встреча прошла в теплой, радостной, весьма задушевной обстановке. После беседы, которую мы с глазу на глаз имели с товарищем Сталиным, пошли ужинать. В прихожей, перед входом в столовую, мы повесили пальто и шляпы. В столовой был длинный стол; она была обита деревянной панелью, и то здесь, то там находились столы для подачи блюд и напитков. На ужине были и два советских генерала — провожатый Сталина и еще другой, который сопровождал меня. Сталин беседовал с нами, расспрашивал нас, шутил с нами и с двумя генералами. Когда мы сидели за столом,

он подшучивал и над блюдами. Ужин был очень интересным. Никаких официантов не было. Девушка приносила все блюда в закрытых посудах, чтобы они не остывали; она ставила тарелки на стол и уходила. Сталин поднимался, сам брал блюдо, стоя отрезывал куски куриного мяса, затем садился и продолжал шутить.

— Начнем есть, — обратился он ко мне. — Чего ждешь, — сказал он, — не думаешь ли, что придут официанты обслуживать нас? Вот у тебя тарелки, возьми, сними с них крышку и начинай есть, а то останешься ни с чем.

Он опять от всего сердца засмеялся своим смехом, который радовал и веселил душу. Время от времени он брал стакан и поднимал тост. В один момент работавший при нем генерал, увидев, что Сталин собирался взять другой напиток со стола, хотел было не дать ему это делать и попросил его не смешивать напитки. Он поступал так, потому что обязан был заботиться о Сталине. Сталин засмеялся и сказал ему, что это ничего. Но, когда генерал стал настаивать на своем, Сталин сказал ему как-то сердито, но и шутливо:

— Оставь нас в покое, ишь ты, пристал ко мне словно Тито! — и взглянул мне прямо в глаза, смеясь. Все мы засмеялись.

К концу ужина он указал мне фрукт и спросил: — Пробовал это? — Нет, — сказал

я, — не пробовал; как его кушать? — Он назвал его, это был фрукт из Индии или тропиков, взял, очистил его и передал мне. — Попробуй, — сказал он мне. — Руки у меня чистые. — И мне вспомнился хороший обычай наших людей из народа, которые вот так, в ходе беседы, чистят яблоко и подают его гостю.

На этой незабываемой встрече с товарищем Сталиным, как в ходе беседы во дворе, так и во время ужина, мы в глубоко товарищеском духе говорили также о проблемах экономического и культурно-бытового развития нашей страны.

Сталин, как и на всех других встречах, в деталях поинтересовавшись нашим экономическим положением, развитием новой Албании вообще, дал мне ряд ценных советов, которые всегда помогали и помогают нам в нашей работе.

Я в общих чертах ознакомил товарища Сталина с положением наших дел, говорил ему об успехах, достигнутых нами в выполнении планов, о большой мобилизованности народа, как и о ряде трудностей и недостатков, которые мы знали и с которыми мы боролись, чтобы преодолеть их.

— Кроме недостатков в нашей работе, — сказал я товарищу Сталину, — большие трудности в выполнении планов в промышлен-

ности и в других секторах нагромоздил перед нами систематический подрыв нашей экономики югославами. Теперь мы прилагаем огромные, всесторонние усилия к ликвидации последствий этой подрывной деятельности, особое значение придавая при этом сектору социалистической промышленности, который, хотя и делает лишь первые шаги, имеет в нашей стране большие перспективы. Наряду с сооружением новых объектов, широкую и ценную область в этом направлении составляют наши горнорудные богатства. В нашей стране имеются неэксплуатированные горные богатства. Группа ученых и геологов, которую пошлет в этом году к нам Советское правительство, даст нам новые данные о месторождениях и количестве этих богатств. С другой стороны, мы эксплуатируем месторождения нефти, хрома, меди и другие. По данным специалистов, у нас много нефти, меди и хрома, не говоря о природном битуме. Своей борьбой и усилиями, благодаря мобилизации всех наших сил и возможностей, а также с помощью кредитов, отпущенных нам Советским правительством, мы улучшили эксплуатацию этих ценных продуктов. Но мы отдаем себе отчет в том, что необходимы большие капиталовложения для максимальной активизации добычи этих продуктов. Пока что это невозможно сделать имеющимися у нас силами и средствами. Большую часть

кредитов, предоставленных нам Советским правительством и странами народной демократии, — сказал я дальше, — мы использовали для улучшения в какой-то мере эксплуатации существующих месторождений. Вследствие этого, с одной стороны, мы не можем как следует эксплуатировать уже выявленные и подлежащие выявлению подземные богатства, такие как хром, медь и нефть, а с другой, мы не можем быстрыми темпами развивать остальные отрасли промышленности.

Наше Политбюро изучило этот вопрос, представляющий огромный интерес для будущего нашего народа, и пришло к выводу, что у нас пока нет внутренних средств, как и возможностей вполне самостоятельно проводить эту работу. В связи с этим нам хотелось бы узнать и ваше мнение о том, находите ли вы правильным создание совместных албанско-советских компаний в нефтяной, медной и хромовой промышленности? Это может составлять проблему, которую мы можем представить и Совету Экономической Взаимопомощи, но, прежде чем сделать это, нам хотелось бы знать ваше мнение, товарищ Сталин.

Взяв слово и выразив свою радость по поводу успехов, достигнутых нами в экономическом развитии страны, товарищ Сталин сказал мне, что с образованием совместных албанско-советских компаний он несогласен, и объяснил

мне, что и кое-какие шаги, предпринятые вначале в этом направлении с какой-либо из стран народной демократии, они сочли ошибочными и отказались от них.

— Мы, — сказал он далее, — будем помогать вам как сегодня, так и в будущем, посылая к вам людей и предоставляя вам все остальное в больших размерах, чем до сих пор. Практически теперь мы можем больше помогать вам, ведь наш нынешний пятилетний план осуществляется успешно.

Я поблагодарил товарища Сталина за оказанную помощь, как и за помощь, которая будет оказана нам в будущем.

— Поблагодари меня, когда помощь будет доставлена вам, — сказал он мне, улыбаясь, а затем спросил:

— На чем у вас работают поезда, на нефти или на угле?

— В основном на угле, — сказал я ему, — но полученные нами новые типы локомотивов работают на нефти.

— Вы перерабатываете нефть? Как у вас с нефтеперегонным заводом? — спросил он меня дальше.

— Сейчас мы строим новый нефтеперегонный завод с советским оборудованием, — ответил я ему. — В предстоящем году будут установлены машины.

— А уголь у вас есть?

— Есть, — сказал я ему, — причем геологические данные показывают, что наши перспективы в этой отрасли хорошие.

— Вы должны работать над выявлением и добычей как можно больших количеств угля, — посоветовал мне товарищ Сталин. — Он очень нужен для развития промышленности и экономики в целом, так что уделяйте ему внимание, а то без него вам трудно будет.

Как и на всех других встречах, товарищ Сталин проявил особое внимание и интерес к положению нашего крестьянства, к развитию сельского хозяйства, к политике нашей партии в этой важной отрасли. Он спросил меня, как у нас дела с хлебами и какие семена зерновых мы используем.

Я сказал товарищу Сталину, что мы из года в год старались увеличивать производство зерна, составляющее очень большую и жизненно важную для нашей страны проблему, что мы достигли ряда успехов в этом направлении, зато нам надо больше работать и прилагать еще больше усилий к обеспечению народа хлебом.

— Ваше правительство, — сказал в частности товарищ Сталин, — должно всеми силами работать для развития сельского хозяйства, помогать крестьянству, чтобы земледелец конкретно видел, что правительство заботится

о нем и о постоянном улучшении его жизни. — Затем он спросил:

— Климат у вас хороший?

— Хороший, — сказал я ему.

— Да, да, — подтвердил он, — у вас все произрастает. Важно и то, что ты сеешь. Вы, — посоветовал он мне, — должны отбирать хорошие семена; в этом деле обращайтесь к нам за помощью. В дальнейшем вы должны подготавливать много агрономов, потому что Албания страна аграрная, а сельское хозяйство развивается трудом и на основе глубоких научных знаний. Пошлите к нам, — добавил он, — и агронома для отбора семян.

Затем он спросил:

— Как у вас с хлопком? Заинтересован ли крестьянин в выращивании его?

Я сказал товарищу Сталину, что относительно этой технической культуры от прошлого мы не унаследовали никаких традиций, а теперь мы из года в год увеличиваем площадь под хлопком. Это необходимо потому, что, помимо всего другого, строящийся у нас текстильный комбинат будет работать на нашем хлопке.

— Вы должны поощрять крестьянина выращивать его, — посоветовал мне товарищ Сталин, — закупая у него хлопок по более высокой цене. Крестьянин, пока в его сознании еще не укоренена социалистическая идеология,

не дает тебе так легко, не зная заранее, какова польза ему от этого.

В продолжение беседы он спросил меня:

— Имеются ли у вас целинные, необработанные земли?

— Имеются, — ответил я, — как на холмах и. в горах, так и в равнинных местностях. Особенно болота и трясины были тяжелой язвой как для сельского хозяйства, так и для здоровья народа.

Я добавил, что в годы Народной власти мы проделываем огромную работу по осушению болот и трясин, что мы добились ряда успехов, однако наши планы в этом секторе большие, и мы будем осуществлять их шаг за шагом.

— Крестьянство, — сказал мне товарищ Сталин, — не должно оставлять невозделанной ни одной пяди земли. Крестьянина надо убедить в необходимости увеличивать площадь обрабатываемых земель.

Для предотвращения дурных последствий болот, для борьбы с малярией, — посоветовал он мне, — сажайте эвкалипты. Это очень полезное дерево, которое растет у нас во многих зонах. Комары очень сторонятся этого дерева, которое растет быстро и поглощает воды трясин.

На ужине товарищ Сталин также спросил меня:

— Что говорят албанские крестьяне, посетившие Советский Союз?

Я сказал ему, что они вернулись в Албанию, унося с собой очень хорошие, неизгладимые впечатления. В беседах с товарищами и близкими, на собраниях и встречах с народом они с глубоким восхищением отзываются обо всем увиденном ими в Советском Союзе, о его всесторонних успехах и особенно о развитии советского сельского хозяйства. Я рассказал ему, между прочим, как объяснял образец грузинской кукурузы побывавший в Советском Союзе наш крестьянин.

Товарищу Сталину это очень понравилось, и на следующий день я узнал, что он рассказал об этом и некоторым навестившим меня советским товарищам. При этом Сталин лично дал указание принести мне несколько мешочков грузинской кукурузы на семена. В тот же день по его же указанию нам принесли и семена эвкалипта.

На этой встрече товарищ Сталин, как обычно, говорил тихо, спокойно, расспрашивал и очень внимательно слушал нас, высказывал свое мнение, советовал нам, но всегда в глубоко товарищеском духе.

— Нет рецептов на то, как надо поступать в том или ином случае, как надо решать то или иное дело, — часто повторял он в зависимости от выдвигаемых вопросов.

В ходе беседы я указал Сталину на поведение духовенства в Албании, особенно католического, на наше отношение к нему и спросил его, как он находил эту позицию.

— Ватикан, — сказал в частности товарищ Сталин, — это центр реакции, орудие на службе капиталу и мировой реакции, которые поддерживают эту диверсионную и шпионскую международную организацию. Это факт, что многие католические священники и миссионеры Ватикана являются заядлыми шпионами мирового масштаба. Через них империализм старался и старается осуществить свои цели. — Затем он рассказал мне, что случилось ему однажды в Ялте с Рузвельтом, с представителем американской католической церкви и т.д.

Беседуя о проблемах антигитлеровской войны, Рузвельт, Черчилль и другие сказали ему: «Давайте не будем больше бороться с римским папой. За что вы обрушиваетесь на него?!».

«У меня нет ничего с ним», — ответил им Сталин.

«Тогда пусть сделаем папу союзником, — сказали они, — включим его в коалицию великих союзников».

«Согласен, — ответил им Сталин, — но антифашистский союз — это союз для ликвидации фашизма и нацизма. Как вам известно, господа, война эта ведется солдатами, пушками,

пулеметами, танками, самолетами. Пусть нам папа скажет, или скажите вы, какой армией, пушками, пулеметами, танками и т.д. располагает папа для войны, и мы сделаем его союзником. Союзников для разговоров и ладана нам не надо».

После этого они больше не упомянули о папе и Ватикане.

— Имелись ли в Албании такие католические священники, которые изменили народу? — спросил затем товарищ Сталин.

— Да, — ответил я ему, — причем главари католической церкви с самого начала присоединились к чужеземным наци-фашистским захватчикам, полностью стали на службу им, из кожи вон лезли для подрыва нашей Национально-освободительной борьбы и увековечения чужеземного господства.

— Что вы сделали с ними?

— После победы, — сказал я, — мы схватили, отдали под суд и заслуженно наказали их.

— Правильно сделали, — сказал он мне.

— Имелись ли у вас другие, которые хорошо вели себя? — спросил он.

— Да, — сказал я ему, — особенно духовники православного и мусульманского вероисповеданий.

— А что вы сделали с ними? — спросил он.

— Мы держали их близко к себе. Еще в своей Первой резолюции наша партия призвала все массы и духовников ради великого национального дела объединиться на великую борьбу за свободу и независимость. Многие из них присоединились к нам, включились в борьбу и внесли ценный вклад в дело освобождения Родины. После освобождения они восприняли политику нашей партии, включились в дело восстановления страны. Мы всегда ценили и уважали таких духовников; имеются среди них и такие, которые избраны депутатами Народного Собрания, которым присвоены офицерские звания. К тому же кое-кто из духовников так тесно связался с Национально-освободительным движением и с партией, что в ходе борьбы осознал никчемность религиозной догмы, отрекся от религии, подхватил коммунистическую идеологию и мы, учитывая его борьбу, деятельность и убеждения, приняли его и в партию.

— Прекрасно сделали, — отметил Сталин. — Что вам еще сказать? Если тебе ясно, что религия — опиум для народа, и что Ватикан — центр мракобесия, шпионажа и диверсии в ущерб делу народов, то умеешь поступать как надо, как это поступали и вы.

Борьбу против духовников, занимающихся шпионской и диверсионной деятельностью, никогда не рассматривайте сквозь религиозную

призму, — сказал Сталин, — всегда рассматривайте ее сквозь политическую призму. Духовники должны повиноваться законам государства, потому что законы эти выражают волю рабочего класса и трудящегося народа. Хорошо разъясните народу законы и враждебность реакционного духовенства, чтобы и верующая часть населения хорошо видела, что под личиной религии и духовники ведут враждебную Родине и самому народу деятельность. Поэтому, убежденный фактами и аргументами, народ должен вместе с правительством бороться с духовниками-врагами. Наказывайте и устраняйте лишь тех духовников, которые не слушаются правительства и совершают тяжкие преступления против государства. Но, подчеркиваю, народ должен убедиться в злодеяниях этих духовников, убедиться также в никчемности и вредности религиозной идеологии.

В конце этой незабываемой встречи, помню, товарищ Сталин дал мне общий совет: Хорошо укрепите внутреннюю ситуацию; укрепите политическую работу с массами.

Встреча со Сталиным длилась ровно 5 часов. Пошли мы к нему в 9 часов вечера и ушли от него в 2 часа пополуночи. Когда мы вставали из-за стола, Сталин сказал мне:

— Пойди надень пальто.

Мы вышли вместе с двумя генералами, и я ждал, чтобы опять вернуться в приемную, поблагодарить его за радушный прием и проститься с ним. Мы подождали немножко, заглянули в комнату, но там его не было.

Один из генералов сказал:

— Он, наверное, вышел в сад.

Действительно, мы нашли его там — скромным, улыбающимся, в кепке и коричневом шарфе. Он проводил нас до автомобиля. Я поблагодарил его.

— Не за что, не за что, — ответил он, — завтра я позвоню вам. Может, мы снова встретимся. Вам надо побывать здесь пару дней, чтобы ознакомиться с Сухуми.

Вечером следующего дня, 25 ноября, я с нетерпением ждал телефонного звонка, но, к сожалению, мне не удалось вновь встретиться с товарищем Сталиным. 26 числа в час пополуночи он был уже в Сочи, и через сопровождавшего меня генерала послал мне привет. 25 ноября 1949 года из Сухуми я направил товарищам в Тиране следующую телеграмму:

> «Вчера я завершил дела. Помогут нам во всем. Все мои запросы приняты очень, очень сердечно. Чувствую себя хорошо. Вряд ли приеду к праздникам. От души поздравляю вас с праздником. Выеду при первом подвернувшемся случае».

25 ноября мы посетили город Сухуми населением в 60 000 человек. При этом меня сопровождали министр внутренних дел Грузинской Советской Социалистической Республики и еще один генерал. Сухуми очень красивый, чистый город с цветущими садами и парками. Там росло много тропических деревьев. Везде пестрели цветы. Особенно бросался в глаза великолепный парк, разбитый жителями города за 50 дней. Парк был немножко шире площади, простирающейся перед нашей гостиницей «Дайти». Вечером в Сухуми ярко горели огни. Его жители — симпатичные, веселые, жизнерадостные, счастливые люди. Не было видно ни одной пяди невозделанной земли. Нашему взору открывались плантации мандаринов, лимонов, грейпфрутов и апельсинов, виноградники и бескрайние поля под пшеницей, кукурузой и другими культурами. Холмы обрабатывались, они были покрыты фруктовыми деревьями и лесами. В городе и везде можно было видеть высокие эвкалипты.

Мы посетили пригородный совхоз. Там были только холмы, засаженные мандариновыми, апельсиновыми, лимонными деревьями и виноградниками. Ветви мандариновых деревьев сгибались под тяжестью плодов. Одно только мандариновое дерево давало 1500, 1600, 2000 мандаринов. «Иногда мы не успеваем собрать их», сказал нам директор совхоза. Пошли

к месту, где мандарины укладывали в ящики. Там работали одни женщины. Большая машина подбирала апельсины и мандарины один за другим, в зависимости от их величины.

Посетили построенный в XV веке старинный мост, охраняемый в качестве древнего сооружения, как и ботанический сад. Это был сад, богатый разного рода цветами и фруктовыми деревьями. Увидели мы и питомник обезьян, выкидывавших различные веселые штуки. Мне сказали, что этот питомник служил Павлову для научных опытов.

Грузины — очень любезные люди, они сердечно приняли и проводили нас.

26 ноября утром сопровождавший меня советский товарищ пришел с газетой «Красная звезда» и сообщил о присвоении мне Президиумом Народного Собрания НРА воинского звания[1].

27 ноября в 8 часов утра на самолете мы отправились в Москву. Полет длился 5 с половиной часа. Через несколько дней я вернулся на Родину.

---

1 21 ноября 1949 года Президиум Народного Собрания НРА, по предложению Совета Министров НРА и Политбюро ЦК АПТ, издал указ о присвоении товарищу Энверу Ходжа звания генерала армии.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА

Январь 1950 г.

Очная ставка у Сталина в связи с принципиальными разногласиями между руководством Албанской партии Труда и руководителями КП Греции. Принимают участие: Сталин, Молотов, Маленков; Энвер Ходжа, Мехмет Шеху; Никос Захариадис, Мицос Парцалидис. О стратегии и тактике Греческой демократической армии. Варкиза. Тактика пассивной обороны — мать поражения. Каковы причины поражений в Вици и Грамозе? О руководящей роли партии в армии. Место и роль комиссара. Никос Захариадис выражает свои взгляды. Оценка, данная им Сталиным.

В ходе беседы, которую я имел с товарищем Сталиным в Сухуми в ноябре 1949 года, он спросил меня, когда можно было устро-

ить с представителями Коммунистической партии Греции совместную встречу для разъяснения разногласий принципиального характера между нами и руководителями этой партии. Мы согласились провести ее в январе месяце и, после того как было получено согласие греческих товарищей, в начале января 1950 года в Москве, в Кремле состоялась встреча. С советской стороны на встрече присутствовали товарищ Сталин, Молотов, Маленков и некоторые ответственные работники Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. От нашей партии — я и Мехмет Шеху, а от Коммунистической партии Греции — товарищи Никос Захариадис и Мицос Парцалидис. Встреча проходила в рабочем кабинете Сталина.

Сталин, как обычно, скромный и любезный, с улыбкой встретил нас, встал из-за стола, подошел к нам и пожал руку всем по очереди. Беседу он начал, обратившись ко мне с вопросом:

— Что у вас, товарищ Ходжа, в адрес товарищей из Коммунистической партии Греции?

В то же время, обратившись к греческим товарищам, он сказал:

— Пусть говорят вначале албанские товарищи, а затем слово будет за вами, и вы можете изложить свое мнение о сказанном ими.

Взяв слово, я сказал ему:

— Мы, товарищ Сталин, направили Цен-

тральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза письмо по поводу наших принципиальных разногласий с Коммунистической партией Греции и особенно с ее главными руководителями. Мы просили эту встречу с вами, чтобы вы судили о наших взглядах, правильны ли они или нет.

— Я в курсе поднимаемых вами вопросов, — сказал мне товарищ Сталин, — но я хотел бы, чтобы занимающие вас проблемы вы вновь излагали и здесь, перед греческими товарищами.

— Конечно, я и здесь подниму все вопросы, которые наша партия изложила в письме к вам. Эти вопросы мы обсуждали и с греческими товарищами, особенно с товарищем Никосом Захариадисом, товарищем Иоанидисом, генералом Владасом, Бардзотасом и другими товарищами из руководства Коммунистической партии Греции. С самого начала я желаю отметить, что разногласия имелись у нас по ряду вопросов, но я остановлюсь здесь на самых главных.

— Этого желаем и мы, — отметил Сталин.

Затем я начал свое изложение:

— Первое разногласие с греческими товарищами касалось стратегии и тактики борьбы Греческой демократической армии. Как для нас, албанцев, так и для греческого народа

борьба против гитлеровских и итальянских фашистов была освободительной борьбой, от которой зависела судьба наших народов. Борьба эта должна была опираться и опиралась на героическую борьбу Красной армии Советского Союза. Мы, албанцы, с самого начала были убеждены, что выйдем из нее победителями, потому что наш народ весь поднялся на великую освободительную борьбу, пользуясь и поддержкой великого Советского Союза, который должен был сокрушить немецкий фашизм.

Наша партия выступила в поддержку советско-англо-американского союза, потому что до конца считала его антифашистской коалицией, призванной разгромить немецких фашистов. Но в то же время мы никогда не питали иллюзии о том, что англо-американские империалисты будут верными друзьями и союзниками албанского народа. Наоборот, с самого начала высказавшись в поддержку союза вообще, мы провели четкую грань между Советским Союзом и англо-американцами. Этим я хочу сказать, что наша партия, наша армия, Генеральный Штаб нашей армии не только никогда не подчинялись диктату англичан и Средиземноморского союзного командования, но и к какому-либо совету, который мы позволяли им давать нам, мы относились крайне осмотрительно. Мы запрашивали у англичан оружия,

но видели, что они сбрасывали его нам в совсем малых количествах. Мы, как вам известно, вели партизанскую войну, от которой перешли позднее к формированию крупных частей вплоть до создания регулярной Национально-освободительной Армии.

Греческий народ боролся в одинаковых с нами условиях. Он восстал и обратил в бегство итальянских фашистских агрессоров, которых сокрушила греческая монархическая армия, вступившая и на территорию Албании. Хотя тогда наша Коммунистическая Партия еще не была основана, наши коммунисты и наш народ все-таки помогали грекам в их борьбе против фашистской Италии, независимо от того, что сами были под оккупацией. Но со вступлением гитлеровской армии в войну с Грецией, греческая монархистская армия вынуждена была отступить на свою землю, она была разбита. После этого начались сопротивление и Национально-освободительная борьба греческого народа, руководимые Коммунистической партией Греции, которая создала ЭАМ, организовала партизанские отряды, а позднее другие, более крупные соединения.

В ходе Национально-освободительной борьбы оба наших народа еще больше побратались. Еще в прошлом между албанским и греческим народами существовали дружественные связи. Как известно, многие албанцы приняли участие

и сыграли очень важную роль в греческой революции 20-х годов минувшего столетия, руководимой Ипсиланти. Однако на этот раз борьба обоих народов носила одинаковый характер, а народами обеих стран руководили наши коммунистические партии. Мы установили связи между собой и наладили взаимодействие даже в военном отношении, действуя на греческой территории совместными отрядами против немецких войск. Как в нашей стране, так и в Греции свирепствовала реакция, а захватчики были очень хорошо организованы. Это тоже составляло для нас общее явление.

С нашей стороны прилагались усилия и были достигнуты результаты в борьбе за изоляцию лидеров реакции и откол заблудившихся элементов от ее рядов. Мы не можем подробно сказать, как поступали в Греции, однако мы критиковали товарищей из руководства Коммунистической партии Греции за то, что ЭАМ и сами они допустили большую принципиальную и политическую ошибку — Национально-освободительную борьбу греческого народа они подчинили англо-американской стратегии и почти поставили под командование англичан и Средиземноморского штаба. Критику мы адресовали лично товарищу Никосу Захариадису.

Главным виновником такого положения был Сантос, который, в отсутствии Захариадиса, сидевшего к тому времени в немецких кон-

центрационных лагерях, был генеральным секретарем Коммунистической партии Греции. Когда позднее мы поставили этот вопрос перед товарищем Захариадисом, тот не дал нам четкого ответа и склонен был считать, что ошибок не было допущено. Я настаивал на мнении нашей партии и, наконец, сказал товарищу Захариадису, что Сантос был провокатором, агентом англичан. Будь Сантос у нас, наша партия отдала бы его под суд и он понес бы заслуженную кару, а вы поступили не так, сказал я товарищу Захариадису. Конечно, это ваше дело, но таково наше мнение об этом.

В заключение, товарищ Никос Захариадис согласился, что «Сантос не должен был так поступать» и сказал, что «за это товарищи раскритиковали его, но под суд не отдали, а лишь исключили его из партии», закончил он.

Развивая этот вопрос, мне хочется отметить, что с товарищами-руководителями Коммунистической партии Греции мы имели ряд политических, идеологических и военных переговоров, и это понятно, ибо мы были две коммунистические партии, у нас была одна и та же стратегическая цель — освобождение наших стран от наци-фашистских захватчиков и от местной реакционной буржуазии.

Мы видели, что, несмотря на выдающуюся отвагу греческих партизан и их командиров, товарищ Никос Захариадис, вернувшись из гит-

леровских концентрационных лагерей, занял один из главных руководящих постов в «освобожденной» Греции, где находилась английская армия на основе предварительно подписанных представителями ЭАМ Казертского и Каирского соглашений, которые, наконец, привели к Варкизскому соглашению. Наша партия была несогласна с подобными действиями Коммунистической партии Греции, она сочла их подчинением борьбы Греческой демократической армии, крахом ее политики освобождения, капитуляцией перед англо-американской реакцией.

Дальше, на массовом митинге, устроенном на афинском стадионе, где по очереди выступали лидеры греческих буржуазных партий, как руководитель Коммунистической партии Греции выступил и товарищ Никос Захариадис, который, в частности, заявил: «В случае, если другие греческие демократические партии потребуют автономии Ворио Эпира, то Коммунистическая партия Греции примкнет к ним» (!). Наша партия тут же выступила с открытым протестом и предупреждающе заявила, что она будет вести беспощадную борьбу с такого рода взглядами. После этого происшествия мы пригласили на встречу товарища Никоса Захариадиса, которого я раскритиковал, назвав его заявление антимарксистской и антиалбанской позицией, и хорошо разъяснил ему, что «Ворио Эпир», который является албанской землей, ни-

когда не станет Грецией. Я хочу отметить при этом, что товарищ Никос Захариадис признал свою ошибку, признался нам, что допустил грубую ошибку в этом направлении и пообещал исправить ее.

Мы, может, заблуждаемся, однако считаем, что Маркос Вафиадис, который позднее был ликвидирован, был хорошим коммунистом и способным командиром. Но это, конечно, лишь наше мнение, которое может быть правильным так же, как может быть и неправильным, поэтому у нас нет никаких претензий на этот счет, ибо, в конце концов, судить об этом не нам, а Коммунистической партии Греции.

Наше несогласие с руководством Коммунистической партии Греции с товарищем Захариадисом во главе берет начало прежде всего в Варкизе, где Коммунистическая партия Греции и ЭАМ подписали соглашение, являющееся не чем иным, как капитуляцией, складыванием оружия. Албанская партия Труда сочла этот акт предательством в отношении Коммунистической партии Греции и братского греческого народа. Варкизу не только не надо было допустить, но и нужно было резко осудить. Это мнение я давно выразил товарищам Никосу Захариадису и Мицосу Парцалидису — одному из тех, кто подписал соглашение. Мы уважаем Захариадиса и Парцалидиса, этих двух греческих товарищей руководителей, однако та-

кой акт, вдохновленный и совершенный ими, был глубоко ошибочным и причинил греческому народу много вреда.

Никос Захариадис отстаивал положение, противоположное нашему в связи с Варкизой. Он всегда настаивал на том, что это совершенно не было ни капитуляцией, ни предательством, а «актом, необходимым для того, чтобы выиграть время и захватить власть».

В связи с варкизским вопросом я спросил товарища Никоса Захариадиса, почему был осужден и убит Арис Велухиотис, который, после подписания соглашения, отправился в Албанию, чтобы связаться с Центральным Комитетом нашей партии. Никос Захариадис ответил мне, что «Арис Велухиотис, хотя он и был отважным генералом, был мятежником, анархистом, он не согласился с решением Центрального Комитета Коммунистической партии Греции о Варкизе, поэтому мы только вывели его из состава Центрального Комитета партии, а что сталось с ним позднее, кто его убил и т.д., — сказал Захариадис, — мы не знаем». — — «Заверяем вас, что не мы являемся авторами его убийства», — сказал он нам. Никоим образом не желая вмешиваться в их дела и лично не зная Ариса, а только имея в виду, что он был отважным воином греческого народа, я высказал товарищу Никосу Захариадису наше мнение о том, что его не надо было осудить.

Что касается его убийства, — сказал я ему, — то мы верим вашим словам, но и относительно этого вопроса, будучи последовательными в варкизском вопросе, мы несогласны с вами.

Нам, как марксистам-ленинцам, было очень жаль греческий народ, с которым мы сотрудничали в период Антифашистской Национально-освободительной борьбы, поэтому и в последующем, в моменты, когда перед этим народом вновь вставал вопрос о свободе или рабстве, нам хотелось продолжать это сотрудничество.

Не хочу говорить здесь об интернационалистской помощи и поддержке, оказанной нами Коммунистической партии Греции и греческой Национально-освободительной борьбе, несмотря на очень тяжелые условия, в которых находилась наша страна, только что освобожденная от иностранных захватчиков. Об этом пусть говорят сами греческие товарищи. Несмотря на нашу большую бедность, когда надо было, мы сделали все возможное, чтобы прийти на помощь продовольствием и убежищем греческим беженцам, перешедшим на нашу территорию. Большой помощью для Греческой демократической армии был тот факт, что Албания являлась дружественной освобожденной страной, где к власти пришли народ и Албанская партия Труда, благодаря чему тылы Греческой демократической армии с северо-западной стороны были прочными и защищенными.

После капитуляции в Варкизе вновь началась греческая Национально-освободительная война. Центральный Комитет Коммунистической партии Греции провел заседание пленума, куда были приглашены делегаты также из нашей партии. При этом были внесены изменения в руководство, однако все это были внутренними делами Коммунистической партии Греции. Мы только радовались и поощряли мощные удары, наносившиеся по всей стране монархо-фашистам, которые, поняв опасность сложившегося для них положения, от ставки на англичан перешли на ставку на американцев Соединенные Штаты Америки направили в качестве командующего войсками в Греции пресловутого генерала Вана Флита, которого они выдавали за выдающегося полководца.

С Захариадисом, Бардзотасом и Иоанидисом у нас имелись разногласия относительно характера борьбы, которую Греческая демократическая армия должна была вести против регулярных и многочисленных сил греческой реакции, вооруженной американскими империалистами новейшими средствами ведения войны. Между двумя нашими партиями имелись, значит, принципиальные разногласия и по этому вопросу. Исходя из нашей Национально-освободительной борьбы, мы думаем, что греческая демократическая война не должна была превратиться во фронтальную войну, а должна

была сохранить характер партизанской войны, ведущейся мелкими отрядами и крупными соединениями. В таком случае многочисленным силам Вана Флита не только не удалось бы уничтожить Греческую демократическую армию, а, наоборот, последняя не давала бы им покоя и наносила бы им удары со всех сторон, применяя тактику партизанской войны, причиняла бы им потери и постепенно ослабляла бы их, вплоть до подготовки контрнаступления. Мы поддерживали положение о том, что греческая партизанская война должна была опираться на народ, а вооружение надо было отнимать у врага.

Стратегические соображения Захариадиса шли вразрез с нашими. Перегруппированные ими партизанские национально-освободительные силы товарищи из руководства Коммунистической партии Греции назвали не только по форме «регулярной» и «современной» армией; они утверждают, что армию эту они вооружили стратегией и тактикой фронтальной войны регулярной армии. В действительности же, на наш взгляд, перегруппированные ими силы были всего лишь партизанской армией, которой не удалось вооружиться ни партизанской тактикой, ни тактикой войны регулярной армии. С другой стороны, греческие товарищи в боевых действиях придерживались тактики пассивной обороны, являющейся матерью поражения.

Это, по-нашему, было тяжелой ошибкой товарищей-руководителей Коммунистической партии Греции, исходивших из неправильного принципа, согласно которому у партизанской войны нет конечной цели, то есть она не может привести к захвату власти. На проведенных с ними переговорах у нас сложилось мнение о том, что греческие товарищи партизанскую войну понимают как борьбу разрозненных отрядов из 10-15 человек, которые, по их мнению, лишены перспективы развития и перерастания в бригады, дивизии, корпуса и т.д. Это неправильно. Как показывает опыт каждой такой войны, как это подтверждено и опытом нашей Национально-освободительной борьбы, партизанская война мелкими отрядами, если правильно руководить ею, растет шаг за шагом по мере расширения самой войны, повышения революционного порыва масс и тем самым ведет ко всеобщему вооруженному восстанию и созданию регулярной народной армии. Однако товарищи-руководители Коммунистической партии Греции упорно отстаивали свои взгляды и категорически исключали необходимость расширения и усиления партизанской войны в Греции. Мы не разделяли и не разделяем этих взглядов. Позвольте мне высказать свое мнение о том, какой была ситуация в то время, когда Коммунистическая партия Греции ушла в подполье и ей понадобилось возобновить

борьбу: к тому времени части ЭЛАСа[1] сдали оружие, их базы были уничтожены, у них не хватало одежды, продовольствия, оружия; моральный дух ЭЛАСа упал, движение отступало. Как раз эти перегруппированные силы Коммунистическая партия Греции с самого начала назвала «регулярной» и «современной армией», которая, по ее мнению, могла бороться, применяя стратегию и тактику современной армии, и успешно вести фронтальную и открытую войну с врагом в десять раз сильнее. Мы считаем, что эта партизанская армия должна была применять тактику партизанской борьбы, как нас тому учат наши учители — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Итак, разве можно назвать регулярной армией эти партизанские силы, перегруппированные Коммунистической партией Греции, если у них не было ни необходимых кадров, ни танков, ни самолетов, ни артиллерии, ни связи, ни одежды, ни продовольствия и даже необходимого легкого оружия?! Эти взгляды греческих товарищей мы находим неправильными.

Считая эту перегруппировку партизан регулярной армией, вооруженной, по его мнению, «стратегией и тактикой борьбы регулярной армии» (эта стратегия и эта тактика, в действительности, никогда не были применены), руко-

---

1 Греческая Национально-освободительная армия.

водство Коммунистической партии Греции даже и не подумало серьезно и по-марксистски над тем, как можно наладить снабжение этой армии. Греческие товарищи утверждали: «Нет возможности отнимать оружие у врага». Однако мы считаем, что подобные взгляды идут вразрез с указаниями Ленина, который говорил, что ни в коем случае нельзя ждать помощи извне или сверху, а все надо обеспечить самому, что ни в коем случае нельзя пренебрегать организацией воинских частей или их реорганизацией под предлогом отсутствия оружия и т.д. Греческие товарищи-руководители, недооценивая врага, думали, что власть можно было взять легко и что при этом можно было обойтись без длительных и кровопролитных схваток, без прочной и многосторонней организации. Настоящие взгляды греческих товарищей повлекли за собой другие горькие последствия, вызвавшие их последнее поражение; однако странно то, что и в недавно проведенных с нами переговорах они находили свои взгляды правильными.

Однако, согласно нашему мнению, основанному на фактах, отстаиваемые товарищем Никосом стратегия и тактика войны ошибочны. В беседе, которую я имел с товарищем Захариадисом, последний утверждал, что частям Греческой демократической армии нельзя было проникнуть вглубь греческой территории, по-

тому что монархо-фашисты и Ван Флит сжигали деревни и очищали их от населения; так что, по его мнению, все населенные пункты запустели. Я говорил ему, что подобное могло случиться, но не в таких размерах, как утверждал Захариадис. Это было мое мнение, соответствовавшее логике фактов, потому что, естественно, монархо-фашисты и американская армия не могли очистить все населенные районы Греции.

Мы также не разделяем утверждения и взгляды, которые содержатся в письме Политбюро Коммунистической партии Греции в адрес Политбюро нашей партии, где они, не углубляясь в свои ошибки и пытаясь скрыть их, утверждают, что их поражения вызваны тем, что они не в должной мере снабжались оружием, боеприпасами и одеждой и что враг имел превосходство в воздухе, в море и щедро снабжался англо-американцами. Правда, враг гораздо лучше снабжался и располагал большими материальными и людскими силами. Однако, в случае, когда ты ведешь борьбу против внутренней реакции и иностранного вооруженного вмешательства, лучшим путем будет использование врага в качестве крупнейшего источника снабжения. Греческая демократическая армия должна была отнимать оружие у врага, но оружие это невозможно захватить, проводя тактику оборонительной войны, пассивной оборо-

ны. Тем не менее мы считаем, что дело не в снабжении. Мы думаем, что руководство Коммунистической партии Греции, отвергнув тактику партизанской войны и перерастания ее во всеобщее вооруженное восстание вплоть до взятия власти, следовало оборонительной и пассивной тактике, неприемлемой ни для партизанской войны, ни для фронтальной войны регулярной армии. Проводя такую тактику, Греческая демократическая армия, помимо всего другого, лишила себя возможности проникнуть в другие зоны страны, где она, несомненно, нашла бы себе неиссякаемый источник живой силы в лице юношей и девушек из народа; она также лишила себя возможности захватить оружие у врага в непрерывных, быстрых, хорошо продуманных схватках, развертываемых там, где враг этого не ожидал. С вооруженным восстанием играть нельзя, — учит марксизм-ленинизм, — а история стольких войн показала, что оборона губительна для любого вооруженного восстания. Когда вооруженное восстание обращается в оборону, более сильный и лучше вооруженный враг быстро громит его.

Доказательство тому, на наш взгляд, и тактика, примененная греческими товарищами, Живые и наибольшие силы Греческой демократической армии всегда оставались прикованными к укрепленному сектору Вици и Грамоза. Эти силы были подготовлены к окопной и обо-

ронительной войне, им была навязана фронтальная война с вражеской армией, и они, по желанию своего руководства, приняли ее. Греческие товарищи рассчитывали захватить власть, ведя оборонительную и пассивную войну. На наш взгляд, власть нельзя захватить, обороняясь в Грамозе. Единственный маневр руководства Коммунистической партии Греции (причем навязанный обстоятельствами) был осуществлен, когда, во избежание окружения и уничтожения в ходе боев, проведенных в Грамозе в 1948 году, где они действительно сопротивлялись 70 дней подряд, причинив врагу людские потери, героические греческие партизаны покинули, наконец, Грамоз и перебросились в Вици. Однако оно было еще очень далеко от взятия власти. Греческая демократическая армия должна была предпринимать наступательные действия для захвата городов. Но это не было сделано. Греческие товарищи и тогда утверждали, что у них не хватало сил. Возможно, это верно, но почему же у них не хватало сил и где они должны были найти их — в эту проблему греческие товарищи не углублялись, они не решили ее соответствующим марксистско-ленинским путем ни тогда, ни позже. Тактика греческих товарищей, как они излагали ее в письме своего Политбюро нашему Политбюро, заключалась в том, чтобы любой ценой удержать Вици и Грамоз, а что касается

базы для дальнейшего развертывания войны, что касается успеха войны, то они делали ставку исключительно на снабжения, но зато никогда не находили верный путь к обеспечению этих снабжений боями.

Во всяком случае, переходя от поражения к поражению, Греческая демократическая армия была вынуждена отступить и вновь расположиться в зоне Вици и Грамоза. Это явилось очень критической фазой как для Греческой демократической армии, так и для нашей страны. В этот период мы очень внимательно следили за действиями греческих товарищей. До последнего наступления монархо-фашистов на Греческую демократическую армию греческие товарищи-руководители находили свою политическую и военную ситуацию чрезвычайно блестящей, между тем как у врага она была, на их взгляд, совершенно отчаянной. Они считали, что «Вици чрезмерно укреплен и неприступен для врага; если нападет на Вици, враг подпишет себе смертный приговор. Вици станет могилой монархо-фашистов. Враг вынужден к такому наступлению, так как иного выхода у него нет, ведь он на краю пропасти. Пусть монархо-фашистская армия и Ван Флит нападут, когда им угодно, мы отобьем их».

Товарищ Владас считал, что главный удар врага будет нанесен в направлении Грамоза, а не Вици, потому что «Грамоз менее укреплен,

он находится у границ Албании, и враг, осилив нас там, вернется в Вици, чтобы нанести нам удар, поскольку думает, что там он может уничтожить нас, ибо в этом пункте мы граничим с Югославией. Провоевав в Грамозе и причинив врагу большие потери, мы сманеврируем силами из Грамоза, чтобы с тыла напасть на вражеские силы в Вици».

Однако, незадолго до последнего наступления греческие товарищи были осведомлены нами, что наступление на них враг поведет 10 августа в Вици, а не в Грамозе. Настоящее сообщение давало греческим товарищам возможность не оказаться застигнутыми врасплох и своевременно принять надлежащие меры.. Но и после этого они продолжали верить, что главный удар будет нанесен в направлении Грамоза. По их мнению, вражеское наступление в направлении Вици, а не Грамоза, «ничего не меняет для нас. Нами приняты все меры, как в Вици, так и в Грамозе. Вици неприступен, полагали они, он чрезмерно укреплен, все пути, по которым может пройти враг, стали непроходимыми. Тяжелое оружие врага не может пробраться в зону Вици, победа за нами».

Таковы были взгляды греческих товарищей за два дня до наступления на Вици. Монархофашисты за день заняли третью линию обороны Вици, и в 2-3 дня Вици был разгромлен. Борьба и сопротивление были совершенно не-

значительными. Это явилось для нас большой неожиданностью. Однако нами были приняты все меры к защите от возможного нападения монархо-фашистов на нашу землю. В необходимости этих принятых нами оборонительных мер греческие товарищи и сам присутствующий здесь товарищ Парцалидис не были очень убеждены, они считали их скоропалительными с нашей стороны. Греческие товарищи не проявляли реализма. Многие беженцы, в том числе и военные-демократы, которые были основательно разбиты, вынуждены были перейти нашу границу. Что нам оставалось сделать?! Мы приняли их и разместили в определенных местах.

Анализ, которому Политбюро КП Греции подвергло поражение в Вици, не удовлетворил нас. Мы думаем, что надо было сделать глубокий анализ, ведь там были допущены тяжелые ошибки. После отступления от Вици перспективы победы товарищ Захариадис видел в Грамозе. «Грамоз, — говорил он, — более благоприятен для нас, чем Вици; танки, которые были решающим фактором победы монархо-фашистов в Вици, в Грамозе маневрировать не могут» и т.д.

Надо отметить, что к тому времени измена Тито стала уже общеизвестным фактом. Позднее Захариадис утверждал, что «единственными, которые предоставили убежище грече-

ским беженцам, были албанцы», что «югославы не только не разрешили беженцам перебраться на их территорию, но и открыли по ним огонь с тыла». Возможно, это так, мы ничего не можем сказать об этом.

В беседе, которую я имел с товарищем Захариадисом в связи с отступлением от Вици, я снова указал на их ошибки, как и на отсутствие объективной оценки ситуации Коммунистической партией Греции и особенно командующим Вици, генералом Вландасом. «Его соображения, — сказал я Никосу, — оказались неверными. Это было подтверждено тем, что Греческая демократическая армия не оказалась в состоянии защитить Вици».

Никос Захариадис возразил мне. Он сказал, что Вици пал из-за ошибки одного командира, не разместившего на определенном участке фронта предназначенный для этого батальон и к тому же сам он не оказался на месте боев. Итак, на его взгляд, это он был виновником поражения в Вици, поэтому, сказал он мне, «мы приняли меры и наказали его». Со стороны товарища Никоса это было слишком упрощенческим объяснением такого крупного поражения.

Я открыто и по-товарищески сказал ему, что этому я не мог верить.

— Хоть верь, хоть не верь, — сказал мне Никое, — но это именно так.

Тем не менее я спросил:

— А дальше, что будете делать?

Никос ответил:

— Бороться будем.

— А где будете бороться?

— В Грамозе, который является неприступной крепостью.

Я задал ему вопрос:

— Не думаете ли вы перебросить туда всю Греческую демократическую армию?

— Да, — ответил Никос Захариадис, — снова полностью перебросим ее в Грамоз.

Я сказал ему, что это их дело и им его решить, однако мы считаем, что Грамоз дальше не может продержаться, так что нельзя даром пожертвовать всеми этими храбрецами руководимой вами Греческой демократической армии. Вы нам товарищи и друзья, — сказал я ему, — что касается ваших дел, вы поступайте как вам лучше, но желательно, чтобы вы вызвали товарища Бардзотаса, командующего греческими войсками в Грамозе, и обсудили с ним этот вопрос. Никое возразил мне, сказав, что это невозможно.

Мы знаем, что потом произошло. Грамоз стал местом окончательного поражения Греческой демократической армии.

Грамоз был разбит за 4 дня. По нашему мнению, там сопротивление не было организовано. Партизанские войска находились просто

в обороне, причем в пассивной обороне. Мы не исключаем того, что в некоторых пунктах, как, например, в Поле и в Каменике, где солдаты Греческой демократической армии вели героическое сопротивление, шли ожесточенные бои. Все отступление от Грамоза, за исключением сил в Каменике, проходило беспорядочно, точно как в Вици. Бойцы и командиры Греческой демократической армии перешептывались о примененной в Грамозе ошибочной оборонительной тактике. Это подтвердил нам и товарищ Захариадис.

Мы полагаем, что в боях в Грамозе и Вици греческие руководящие товарищи не учитывали марксистско-ленинских принципов народной войны. Монархо-фашистские колонны добрались до заранее намеченных позиций с большой скоростью и беспрепятственно. Они быстро перебрались через горные хребты, окружили окопавшиеся войска демократической армии, которые не шли в контратаку; враг пошел в атаку, выбил партизан из окопов и захватил фортификационные сооружения. Греческое демократическое командование, распределившее силы по укрепленным позициям, не использовало резервов для контратаки. чтобы непрерывными атаками и посредством быстрого маневрирования сорвать вражеское наступление. Мы считаем, что их ошибочные взгляды на тактику ведения войны и явились причиной

поражения. Люди были на высоте момента, это были старые, испытанные на войне партизаны, которые героически, с высоким моральным духом сражались.

С другой стороны, прибегая к тактике пассивной обороны, руководство Коммунистической партии Греции позволило монархо-фашистской армии перегруппироваться и реорганизоваться, оно не вело наступательных боев, чтобы сорвать подготовку врага и тем самым сорвать или же, по крайней мере, ослабить его наступление и дать живым силам Греческой демократической армии возможность маневрировать в широком масштабе и постоянно, всюду наносить удары вражеским силам. Таковы, на наш взгляд, некоторые из причин последних поражений, понесенных в Грамозе и Вици. Анализируя причины поражения в Вици, Политбюро КП Греции утверждает, что «руководство несет за это тяжелую ответственность», однако оно ничего не говорит о том, в чем состоит его ответственность; более того, оно распределяет эту ответственность, на кого только не сваливает ее. Этот анализ мы не находим марксистско-ленинским.

Чтобы добиться успехов в своей борьбе, греческие товарищи не должны были придерживаться тактики пассивной обороны, а должны были как следует осуществлять положения марксизма-ленинизма о вооруженном вос-

стании. Мы считаем, что их тактика должна была быть нацелена на то, чтобы беспрерывно бить врага во многих направлениях, сделать так, чтобы враг ни на минуту не чувствовал себя в безопасности, заставить его распылить свои силы, внушить ему панику и ужас, сделать ему невозможным контроль над положением. Таким образом революционная борьба греческого народа могла бы постоянно шириться; на первых порах она беспокоила бы врага, позднее она лишила бы его возможности , контролировать положение, освободила бы целые районы и зоны и вплотную подошла бы к дальнейшей цели, то есть ко всеобщему восстанию и освобождению всей страны. Таким образом, перед партизанской войной в Греции открылись бы широкие перспективы.

Много раз в беседах с ними мы по-товарищески говорили греческим товарищам, что Греческая партизанская армия должна боем захватить оружие у врага, бороться оружием врага, одежду и питание получать от народа, вместе с которым и за который она будет бороться.

Партизанская армия, говорили мы нашим греческим товарищам, в первую очередь, должна связаться с народом, от которого она оторвана и без которого она не может существовать. Народ должен научиться бороться вместе с армией, содействовать ей и любить ее как свою освободительницу. Это необходимое усло-

вие. Народ должен научиться не сдаваться врагу, а ряды армии надо укреплять мужчинами и женщинами, юношами и девушками из народа, из самой Греции.

Мы также, по-товарищески, говорили греческим товарищам, что в Греческой партизанской армии надо лучше обеспечить руководящую роль партии; политический комиссар в роте, батальоне, бригаде, дивизии должен быть настоящим представителем партии и, как таковой, должен иметь право командовать наравне с командиром. Однако мы заметили и много раз указывали греческим товарищам, что руководящую роль партии в армии они понимали неправильно. Относительно этой проблемы я и раньше выражал товарищу Сталину мнение нашей партии, а в письме к нему мы также излагаем этот вопрос. Непонимание руководящей роли партии в армии явилось, по-нашему, одной из основных причин военного поражения Греческой демократической армии. Мы неуклонно исходим из марксистско-ленинского положения о том, что командир и политкомиссар составляют единство, которое руководит военными действиями и политическим воспитанием воинских частей, что оба они одинаково ответственны за положение своей воинской части во всех отношениях, что оба они, командир и комиссар, руководят в борьбе своим воинским соединением, своей воинской частью.

Без политкомиссаров не было бы Красной Армии, учит Ленин. В нашей Национально-освободительной армии, а ныне в нашей Народной Армии мы придерживались и продолжаем придерживаться именно этих принципов, В Греческой Национально-освободительной Армии, ЭЛАСе, командир и комиссар, как общее командование, существовали, однако на практике этот принцип не соблюдался как следует. Давление порочных буржуазных взглядов командиров действительной службы, которые не терпели иметь при себе, в командовании, доверенных партии людей, привело к тому, что в то время в Греческой демократической армии роль комиссаров в командовании затмевалась и отодвигалась на второй план. Это следствие взглядов руководителей Коммунистической партии Греции на «регулярную армию». Греческие руководящие товарищи ликвидацию роли политкомиссаров стараются оправдать, беря в пример армию какой-то другой страны, однако мы считаем, что греческие товарищи не трезво подходят к этому вопросу.

Аналогичные ошибки наблюдались и после возобновления борьбы Греческой демократической армией. Со времени устранения генерала Маркоса эта армия осталась без главнокомандующего. Мы думаем, что подобная ситуация была неправильной. *У* нас Генеральный

секретарь партии был и является в одно и то же время главнокомандующим армией. Мы считаем, что это правильно. В мирное время это может быть не так. можно иметь министерство обороны, но в условиях Греческой демократической армии, когда последняя находилась в процессе войны, надо было иметь главнокомандующего армией; причем мы всегда, исходя из нашего опыта, думали и думаем, что этот политический и военный пост принадлежит генеральному секретарю партии. Мы неоднократно выражали греческим товарищам этот наш взгляд. Причины, которые греческие товарищи приводили, объясняя, почему они поступали не так, не были убедительными. Греческие товарищи говорили нам, что «товарищ Захариадис очень скромный», или «мы прогорели с Тито, который в одно и то же время был генеральным секретарем, премьер-министром и главнокомандующим армией». Нам кажется, что скромность тут ни при чем; это не может иметь отношения и к словам, сказанным о Тито, за которыми нам кажется, что возводятся другие инсинуации.

Мы удивлялись ряду скрытых форм, которые применяли греческие товарищи, однако мы видели, что действительность была совершенно иной. Это мы не можем иначе объяснить, кроме как нашим впечатлением о том,

что у греческих товарищей царили разброд, оппортунизм, ложная скромность, что они затмевали руководящую роль партии. Генеральный секретарь партии может и не быть главнокомандующим армией, однако, чтобы у сражающейся армии не было главнокомандующего, как это было в случае с Греческой демократической армией после снятия Маркоса, это мы считали и считаем ошибкой.

В этой ситуации и в последовавших позднее поражениях греческие товарищи никого не винят, а распределяют ответственность, взваливая ее как на того, кто виновен, так и на того, кто не виновен. Вину они взваливают на всех членов партии, а это совершенно неправильно, ибо члены Коммунистической партии Греции боролись и борются героически. Нам кажется, что греческие руководящие товарищи боятся глубокого анализа этих ошибок, которые мы считаем тяжкими, они боятся дело говорить. Мы думаем также, что некоторые греческие руководящие товарищи не применяют оружие критики и самокритики и «по-товарищески» защищают друг друга в случае допущения ими ошибок.

Греческие руководящие товарищи выступали против наших взглядов, которые мы высказывали им по-товарищески, как коммунисты-интернационалисты, борющиеся за общее дело, движимые общими великими интереса-

ми, дорожащие делом борьбы греческого народа. Они нехорошо восприняли наши замечания.

Товарищ Никос Захариадис наговорил на нас много неприятного, которое мы, конечно, отвергли. Теперь уже известно его заявление о «Ворио-Эпире», которое я упомянул вначале. Помимо всего прочего, он поссорился с нами, обвиняя нас в том, будто мы реквизировали греческие грузовики, предназначенные для перевозки греческих беженцев и их материалов, и потребовал, чтобы мы мобилизовали и свои грузовики для их нужд. Что мы использовали греческие грузовики для перевоза греческих беженцев на отведенные для них места, это совершенно верно. Греческих беженцев мы приняли и перевезли на Север Албании, где, несмотря на наши трудности, нам пришлось снабжать их и продовольствием, то есть делиться с ними последним. Что касается наших средств. то парк грузовиков v нас был очень небольшой и к тому же с помощью наших грузовиков нам приходилось снабжать всем всю Албанию.

Греческие товарищи упрекают нас также в том, будто мы не оказывали предпочтение разгрузке материальной помощи — одежды, продовольствия, палаток, простыней и т.д., которые были доставлены на наши порты для греческих беженцев, прежде чем последние покинули Албанию. Это неправда. Поступавшие из-

вне на пароходах для греческих беженцев материалы, бывало, находились под материалами и товарами, предназначенными для нас. В таких случаях, понятно, сначала надо было разгрузить верхний груз, а затем уже нижний, иначе нельзя было; мы не знаем какого-либо метода разгрузки парохода снизу.

Во всяком случае, это были мелкие, преодолимые разногласия, которые и были преодолены. Решающими вопросами были затронутые мною вопросы политической и военной линии Коммунистической партии Греции в годы войны.

Греческие товарищи не только не разделяли наши взгляды и не принимали наши замечания, но, по нашему убеждению, они превратно воспринимали их; причем в своем недавнем письме нашему Политбюро наши принципиальные взгляды и позиции они недопустимым и антимарксистским образом отождествляют со взглядами титовцев. Искажая изложенные нашей делегацией взгляды на военные действия в Вици и Грамозе в целях оправдания своих неправильных соображений, греческие руководящие товарищи, по-нашему, стремятся скрыть допущенные ими ошибки. Нам понятны трудные моменты, пережитые руководством Коммунистической партии Греции после поражения в Вици и Грамозе, моменты их раздражительности, однако такие тяжкие, беспочвенные обвинения неприемлемы для нас; их авторы, тем бо-

лее Политбюро Коммунистической партии Греции, должны тщательно взвесить и обдумать, прежде чем возводить их.

После этих обвинений, которые наше Политбюро рассмотрело хладнокровно, мы сочли еще более необходимым, чтобы и те немногие греческие беженцы-демократы, которые еще находились в Албании, покинули нашу страну.

Пусть товарищ Сталин нам скажет, правильны ли или неправильны высказанные нами взгляды и занятая нами позиция, мы готовы признать любую возможную ошибку и выступить с самокритикой.

Товарищ Сталин, обращаясь ко мне, перебил меня и сказал:

— Когда товарищи в беде, нельзя дать им пинка.

— Вы правы, товарищ Сталин, — ответил я ему, — но заверяю вас, что мы никогда не давали пинка греческим товарищам. Вопросы, которые мы ставили на обсуждение, имели большое значение и для греческой армии, и для нас. Центральный Комитет нашей партии не мог допустить, чтобы Албания стала центром, откуда руководство Коммунистической партии Греции развертывало бы свою деятельность, он также не мог допустить, чтобы в нашей стране организовались и готовились войска для возобновления войны в Греции. Это я по-товарищески говорил товарищу Никосу

Захариадису, который еще до этого просил, чтобы греческие беженцы переехали в другие страны, как и фактически поступило большинство беженцев. Речь шла об ограниченном числе беженцев, которые еще находились в нашей стране. Мы никогда не ставили вопроса о том, чтобы выгнать из нашей страны греческих беженцев; однако, помимо просьбы самого товарища Никоса о том, чтобы беженцы переселились в другие страны, сама логика вещей подсказывала нам, что при создавшихся условиях и те, которые еще находились у нас, обязательно должны были покинуть Албанию.

Вот это были проблемы, которые я хотел поставить и которые мы ставили как перед греческими товарищами, так и в письме, которое мы направили вам раньше, товарищ Сталин.

— У вас все? — спросил меня товарищ Сталин.

— Все, — ответил я.

Тогда он предоставил слово товарищу Захариадису.

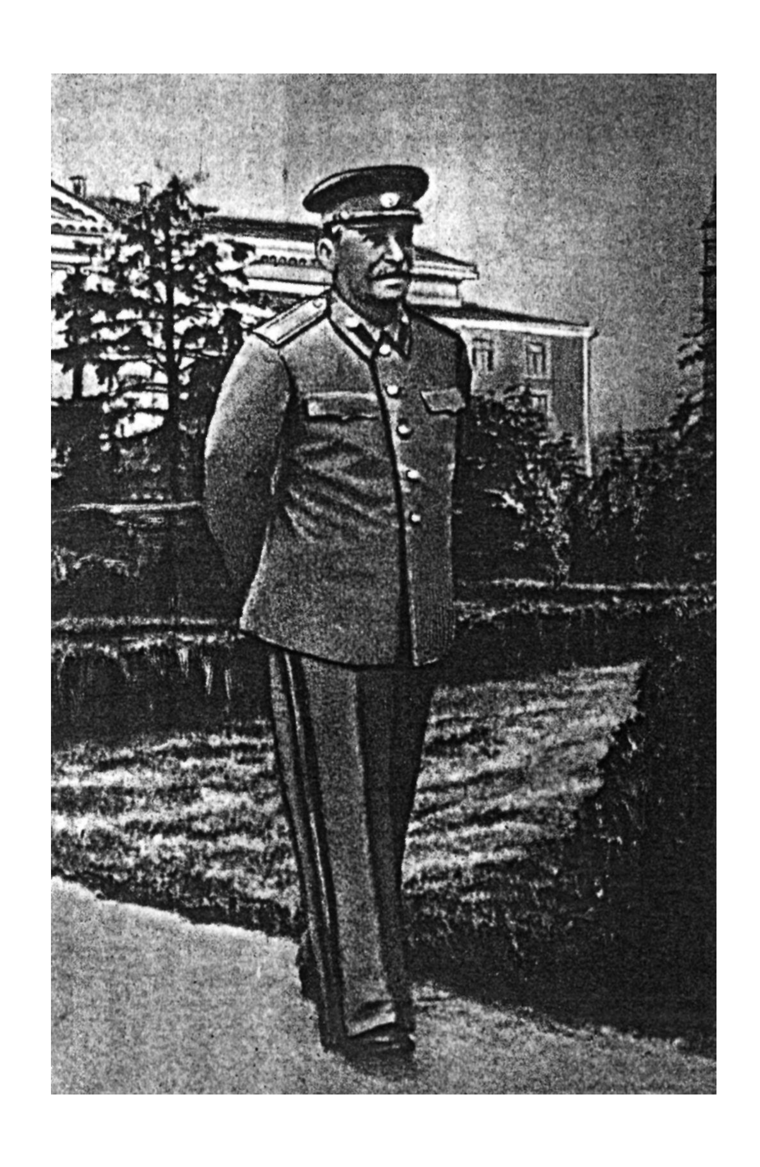
Тот начал защищать Варкизу, отмечая, что подписанное там соглашение не было ошибкой, и стал распространяться об этом вопросе. Те же взгляды высказывал он и мне раньше.

Для объяснения причины поражения, Захариадис, в частности, заявил: «Если бы мы знали еще в 1946 году, что Тито станет изменником, то мы не начали бы борьбу против гре-

ческих монархо-фашистов». Он добавил затем еще некоторые другие «причины», объяснявшие поражение, повторяя, что у них не хватало вооружения, что албанцы, хотя поделились с беженцами последним, все же чинили им некоторые препятствия и т.д. Некоторые второстепенные проблемы Захариадис поставил как принципиальные вопросы. Он упомянул затем нашу просьбу (с которой он сам раньше обратился к нам), чтобы и те греческие беженцы-демократы, которые еще находились у нас, покинули Албанию. По его мнению, это означало конец греческой национально-освободительной борьбы.

Мне хочется высказать по этому случаю свое впечатление, что товарищ Никос Захариадис был человеком очень умным, с широким кругозором, но, по моему мнению, не в нужной степени марксистом. Он, несмотря на понесенное поражение, стал говорить в защиту стратегии и тактики, которых придерживалась Греческая демократическая армия, настаивая на том, что эта стратегия и эта тактика были правильными, что им нельзя было иначе действовать. Он подробно изложил этот вопрос. Значит, каждый из нас оставался при своих позициях.

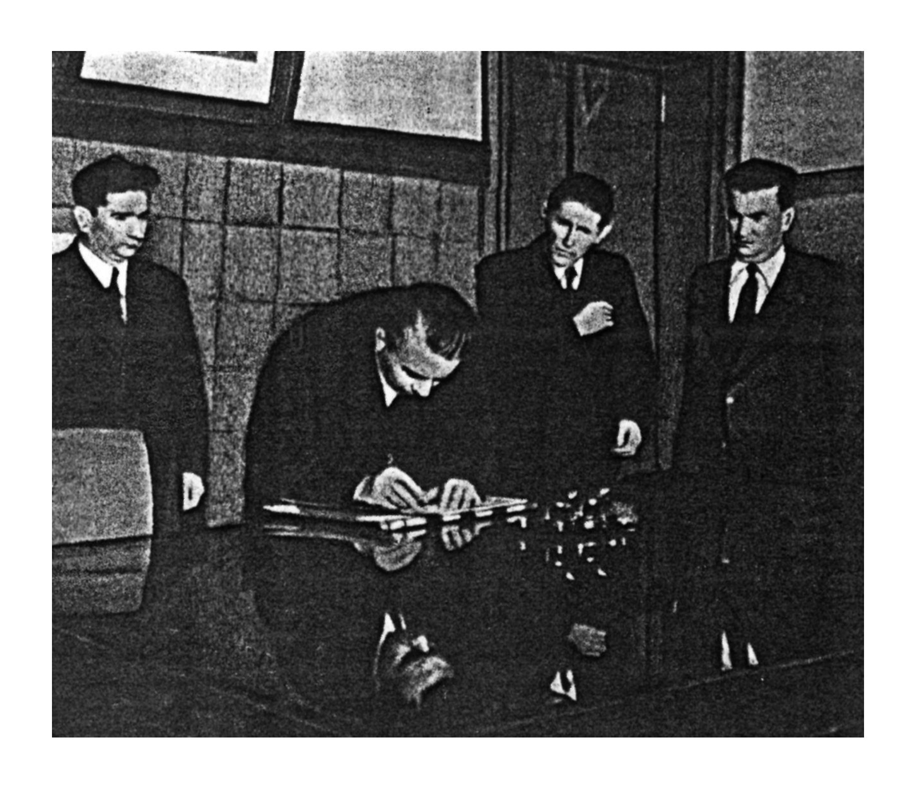
Вот так говорил Никос Захариадис. Его беседа продолжалась столько, сколько и моя, если не больше.



И. В. Сталин (1879-1953)



Товарищи Энвер Ходжа и Хюсни Капо от имени ЦК АПТ возлагают венок перед памятником И. В. Сталину в Тиране. 6 марта 1953 г.



Товарищ Энвер Ходжа подписывает клятву албанского народа по случаю кончины Иосифа Сталина. 10 марта 1953 г.



Памятник Иосифу Сталину на площади перед текстильным комбинатом им. Сталина в Тиране (Работа скульптора О. Паскали).

Товарищ Сталин и другие советские руководители и его слушали внимательно.

После объяснения Никоса, товарищ Сталин спросил Мицоса Парцалидиса:

— Есть ли у вас какое-нибудь мнение относительно того, что сказали тут товарищи Энвер Ходжа и Никос Захариадис?

— Мне нечего сказать, кроме того, что изложил товарищ Никос, — ответил Парцалидис, и добавил, что они ждали, чтобы советские товарищи и Большевистская партия судили о них.

Тогда слово взял Сталин, который говорил спокойно, как всегда говорил он на встречах с нами. Говорил он простыми, четкими и чрезвычайно ясными словами. Он сказал, что борьба греческого народа была героической борьбой, в ходе которой проявлялась храбрость, но допускались и ошибки.

— Что касается Варкизы, то албанцы правы, — отметил Сталин и, изложив эту проблему, добавил:

— Вы, товарищи греки, должны понять, что варкизское соглашение было грубой ошибкой. Вы не должны были подписать его, вы не должны были сдать оружие, потому что этим вы причинили большой вред борьбе греческого народа.

Что касается оценки стратегии и тактики, которой вы придерживались в греческой демо-

кратической борьбе, хотя это была героическая борьба, считаю, что албанские товарищи в этом также правы. Вы должны были вести партизанскую войну, затем, исходя из нее, перейти к фронтальной войне.

Я упрекнул товарища Энвера Ходжа, которому сказал, что в беде товарищу нельзя дать пинка, однако из того, что мы услышали здесь, получается, что албанские товарищи занимали правильную позицию в отношении ваших взглядов и поступков. Создавшиеся обстоятельства и условия Албании были таковыми, что вам нельзя было оставаться в этой стране, иначе могла быть поставлена под угрозу независимость Народной Республики Албании.

Мы приняли вашу просьбу, чтобы все греческие беженцы-демократы переехали в другие страны, и уже все они переехали. Все остальное — оружие, боеприпасы и т.д., которые албанские товарищи отобрали у тех греческих солдат-демократов, которые перешли в Албанию, принадлежали Албании, — подчеркнул Сталин. — Поэтому оружие должно было остаться в Албании, — сказал он, — потому что эта страна, приняв греческих солдат-демократов, хотя и обезоружила их, все же ставила под угрозу свою независимость.

Что касается вашего заявления о том, что «если бы мы знали еще в 1946 году, что Тито станет изменником, то мы не начали бы борьбу

против монархо-фашистов» оно ошибочно, — ответил Сталин, — ведь за свободу народа надо бороться и в окружении. Впрочем надо учесть, что вы не были в окружении; ведь рядом с вами, с севера находились Албания и Болгария; ваша справедливая борьба пользовалась всеобщей поддержкой. Мы так думаем, — заключил товарищ Сталин и добавил:

— Что вы скажете, товарищи албанцы?

— Мы согласны со всеми вашими соображениями, — ответили мы.

— А вы, товарищи греки, товарищи Захариадис и Парцалидис, что скажете?

Товарищ Никос сказал:

«Вы нам много помогли, теперь мы понимаем, что мы неправильно поступали, и постараемся исправить наши ошибки», и т.д. и т.п.

— Очень хорошо, — сказал Сталин, вновь взяв слово. — Тогда вопрос считается закрытым.

Когда все собирались уходить, вмешался Молотов, который сказал Никосу Захариадису:

— У меня кое-что к вам, товарищ Никос. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза получил письмо от одного вашего товарища, в котором он пишет, что «Никос Захариадис является агентом англичан». Не нам решить этот вопрос, однако мы не можем скрывать его, не поставить вас в из-

вестность о его содержании, тем более, когда оно содержит обвинение в адрес руководящего товарища из Коммунистической партии Греции. Вот и письмо. Что вы на это скажете?

— Я объясню этот вопрос, — ответил Никос Захариадис, и сказал: — Когда советские войска освободили нас из концентрационного лагеря, я обратился к советскому командованию с просьбой, как можно скорее перевезти меня в Афины, так как там было мое место. Это были решающие моменты, поэтому я должен был быть в Греции. Но вашему командованию в те моменты нечем было перевезти меня. Тогда я вынужден был обратиться к английскому командованию, где я попросил отвезти меня на родину. Англичане посадили меня в самолет, и так я вернулся в Грецию. Этот товарищ считает, что моим возвращением на родину через английское командование я стал агентом англичан, что неправда.

Сталин вмешался и сказал:

— Ясно, и этот вопрос закрыт. Встреча кончена!

Сталин встал, подал руку всем нам по очереди, и мы направились к выходу. Зал был длинным, и, когда мы были у самих дверей, Сталин позвал нас:

— Остановитесь, товарищи! Обнимите друг друга, товарищ Ходжа и товарищ Захариадис!

Мы обнялись.

Когда мы вышли, Мицос Парцалидис сказал:

— Равных Сталину нет. Он обошелся с нами как наш отец. Теперь все ясно.

Так закончилась эта очная ставка у Сталина.

ПЯТАЯ ВСТРЕЧА

Апрель 1951 г.

О политическом, экономическом и социальном положении в Албании. Внешняя реакция стремится свергнуть нашу Народную власть. Окончательное решение Гаагского суда. «При высокой бдительности и твердой позиции могут быть разоблачены и сорваны происки врага». «Наряду со строительством промышленных объектов, вы должны укреплять рабочий класс и готовить свои кадры». О коллективизации сельского хозяйства. «Советские специалисты у вас должны не сидеть в кабинетах, а помогать на местах». Суровые замечания товарища Сталина о лакирующей действительность советской оперной пьесе. В последний раз с незабываемым Сталиным на XIX съезде ВКП (б).

Моя последняя встреча с товарищем Сталиным состоялась в Москве вечером 2 ап-

реля 1951 года в 10.30 по московскому времени. На этой встрече присутствовали и Молотов, Маленков, Берия и Булганин.

В ходе беседы мы касались различных вопросов, связанных с внутренним положением в нашей партии и в нашем государстве, экономических вопросов, особенно в области сельского хозяйства, вопроса экономических соглашений, которые могли быть заключены в будущем с различными странами, усовершенствования работы в наших высших учебных заведениях, вопросов международной обстановки и других проблем.

Сначала я в общих чертах говорил товарищу Сталину о политическом положении в нашей стране, о большой работе, которую партия вела и ведет по воспитанию масс в высоком революционном духе, об установленном и постоянно крепнущем прочном единстве рядов нашей партии и нашего народа, о твердой и незыблемой вере народа в партию. — Эти достижения, — сказал я товарищу Сталину, — мы будем непрерывно укреплять, постоянно храня бдительность и выказывая готовность отстаивать независимость и свободу, территориальную целостность страны и завоевания народа от любого внешнего или внутреннего врага, который будет пытаться грозить нам. Мы, — сказал я товарищу Сталину, — с особой бдительностью следим за бесчисленными происками

американского империализма, который с помощью своих лакеев, белградских националистов, афинских монархо-фашистов и римских неофашистов стремится свергнуть нашу Народную власть, поработить и расчленить Албанию.

Я также поставил товарища Сталина в известность об окончательном решении Гаагского суда.

— Этот суд, — сказал я ему в частности, — как я говорил вам и раньше, разобрал так называемый инцидент в Корфском проливе и, в итоге, будучи манипулируемым англо-американскими империалистами, несправедливо приговорил нас к возмещению убытков англичанам. Мы не согласились с этим произвольным решением, но англичане посягнули на наше золото, расхищенное немецкими фашистами в бывшем Национальном банке Албании. С раскрытием золота, награбленного в оккупированных странах и перевезенного нацистами в Германию, призванная разделить его Трехсторонняя Комиссия, заседавшая в Брюсселе в 1948 году, отвела и Албании принадлежавшую ей долю. На это наше золото посягнули англичане, которые блокировали его и не дают нам взять его обратно согласно принятому в Брюсселе решению.

Тесные и уже совершенно открытые связи устанавливаются между внешними врагами

нашей страны, сказал я далее товарищу Сталину. Они непрерывно совершают против нас провокации, как с югославских границ, так и с греческих и итальянских, как с суши, так и с моря и воздуха. Помимо явно антиалбанской политики, осуществляемой правителями этих трех стран, там сосредоточены и фашистские предатели, албанские эмигранты, бандиты, дезертиры и всякие преступники, которых иностранцы готовят, чтобы выбросить в Албанию для организации вооруженных мятежей, экономического саботажа, покушений на партийных и государственных деятелей, создания шпионских центров для себя и своих хозяев и т.д.

Мы всегда бдительно следим за этими происками внешней реакции, давали и будем давать заслуженный отпор любым их посягательствам. Наша армия и органы государственной безопасности внесли большой вклад в этом направлении, они неуклонно крепнут, как следует воспитаны и шаг за шагом модернизируются, овладевая марксистско-ленинским военным искусством.

Далее я говорил товарищу Сталину о некоторых военных проблемах, как и главных направлениях, откуда, по-нашему, враги могли напасть на нас извне.

— Откуда вы знаете, что на вас могут на-

падать в этих направлениях? — тут же спросил меня товарищ Сталин.

Я дал ему подробный ответ на это, и он, выслушав меня, сказал:

— Что касается выдвинутых вами военных проблем, мы назначили товарища Булганина детально рассмотреть их с вами.

Потом он задал мне ряд других вопросов, а именно: Каким оружием защищаете вы границы? Где вы применяете трофейное оружие? Сколько людей можете вы мобилизовать в случае войны? Какой армией располагаете вы ныне? и т.д.

Я ответил по порядку на все вопросы товарища Сталина. В частности, я говорил ему о прочных связях нашей армии с народом, о том, что народ всей душой любит свою армию, и, в случае нападения извне, сказал я товарищу Сталину, весь наш народ готов подняться на ноги в защиту свободы и независимости Родины, в защиту Народной власти.

Выслушав мои ответы на эти вопросы, товарищ Сталин взял слово. Выражая радость по поводу укрепления нашей армии и ее связей с народом, он, в частности, посоветовал мне:

— Я думаю, что действительной армии у вас хватит, так что советую вам не увеличить ее, ибо ее содержание стоит вам. Вы должны немножко увеличить число танков и самолетов.

При нынешней ситуации будьте осторожны,

как бы чего не угрожало вам со стороны Югославии. Титовцы имеют у вас своих агентов, они зашлют к вам и других. Они хотят атаковать вас, но не решаются, боятся. Вы не должны пугаться, а должны взяться за работу по укреплению экономики, по воспитанию кадров, по упрочению партии, храните бдительность и обучайте армию. Имея сильную партию, сильную экономику и сильную армию, вам незачем бояться кого бы то ни было.

Греческие монархо-фашисты, сказал он далее, в частности, опасаются того, как бы болгары не напали на них. И югославы, чтобы заручиться американской помощью, кричат, утверждая, что Болгария нападет, мол, на них. Болгария таких целей не преследует ни в отношении греков, ни в отношении югославов.

Далее я говорил товарищу Сталину об огромной работе, проводимой у нас для укрепления единства народа, как и единства народа с партией, об ударах, нанесенных предательским и вражеским элементам внутри страны. Я сказал ему, что по отношению к таким элементам мы не проявляли нерешительности и оппортунизма, а приняли надлежащие меры к устранению любых последствий их враждебной деятельности. Те, кто своей преступной и враждебной деятельностью уже переполнил чашу, — сказал я товарищу Сталину, — отданы под суд и понесли заслуженную кару.

— Правильно поступали, — сказал мне Сталин. — Враг, — отметил он далее, — будет стараться пролезть и в партию и даже в ее Центральный Комитет, однако его попытки можно раскрыть и расстроить, храня высокую бдительность и занимая решительную позицию по отношению к ним.

И на этот раз мы с товарищем Сталиным широко обсуждали наше экономическое положение, говорили о достижениях и перспективах хозяйственного и культурного развития нашей страны. В частности, я говорил товарищу Сталину об успехах курса нашей партии на социалистическую индустриализацию страны и развитие сельского хозяйства, как и о ряде установок, намеченных нами на первый пятилетний план 1951-1955 гг.

Товарищ Сталин, как всегда, проявил большой интерес к нашему экономическому положению и политике партии в этом направлении. Он по порядку спросил меня, когда завершится строительство текстильного комбината, сахарного завода и других сооружавшихся в нашей стране промышленных объектов.

Я ответил на вопросы товарища Сталина и подчеркнул, что наряду с успехами, достигнутыми в строительстве этих объектов, других промышленных и культурно-бытовых объектов,

как и в области сельского хозяйства, у нас имелись и недовыполнения. Причины недовыполнений мы подвергли анализу в Центральном Комитете партии в духе критики и самокритики и установили ответственность каждого. Особое значение придаем мы укреплению руководящей роли партии, постоянной большевизации ее жизни, установлению наиболее тесных связей с народными массами, сказал я товарищу Сталину, и далее стал говорить ему в общих чертах о внутреннем положении нашей партии.

— Зачем нам говорить о вопросах, которые вы знаете лучше нас, товарищ Энвер? — прервал меня товарищ Сталин, и сказал далее: — Мы рады тому, что у вас сооружается целый ряд промышленных объектов. Но хочу подчеркнуть, что, наряду со строительством промышленных объектов, вы должны придавать большое значение укреплению рабочего класса и подготовке кадров. Партия должна особо заботиться о рабочем классе, который будет расти и крепнуть с каждым днем по мере развития промышленности в Албании.

— В особенности, вопрос о развитии и продвижении вперед сельского хозяйства, — сказал я далее товарищу Сталину, — имеет для нас большое значение. Вам известно, что наша страна является аграрной страной, унаследовавшей от прошлого глубокую отсталость. Наша цель заключалась и заключается в увеличе-

нии сельскохозяйственного производства, и поскольку наше сельское хозяйство состоит в основном из мелких частных хозяйств, нам приходилось и придется и впредь принимать многочисленные меры с целью помогать крестьянину и побуждать его лучше работать и больше производить. Достижения отмечаются, производство также увеличилось, но мы сознаем, что нынешний уровень сельского хозяйства не в должной мере отвечает росту потребностей населения страны в продуктах питания, в сырье на нужды промышленности и увеличении источников экспорта. Мы отдаем себе отчет в том, что единственным путем, могущим окончательно вывести наше сельское хозяйство из отсталости и подвести под него прочные основы для развития крупного производства, является путь коллективизации. Однако к этому вопросу мы всегда подходили и подходим осторожно.

— Много ли теперь в Албании кооперативов? — спросил меня товарищ Сталин.

— Около 90, — ответил я.

— Каково их положение? Как живется крестьянам в этих кооперативах? — опять спросил он.

— Большинству этих кооперативов, — сказал я в ответ товарищу Сталину, — не более 1-2 лет жизни, но, тем не менее, часть их уже показывает свои преимущества перед мелкой и

раздробленной единоличной собственностью. Совместный и организованный труд, постоянная помощь государства этим кооперативам семенами, механизированными средствами, кадрами и т.д., позволили поставить их производство на более прочную основу и увеличить его. И тем не менее еще много остается сделать, чтобы сельскохозяйственные кооперативы служили примером и образцом для единоличных крестьян. Вот почему наша главная цель в области организации нашего сельского хозяйства состоит в том, чтобы наряду с укреплением существующих кооперативов, усилением помощи им и заботы о них, предпринимать осторожно шаги к созданию новых кооперативов.

Выслушав меня, Сталин посоветовал:

— С созданием новых сельскохозяйственных кооперативов спешить нельзя. Постарайтесь укрепить имеющиеся у вас кооперативы, но урожайность-то сельскохозяйственных культур в этих кооперативах должна быть высокой, — сказал он мне. — Таким образом, — отметил он далее, — члены кооператива будут довольны его хорошими производственными результатами, а при виде этого и другие захотят вступить в кооператив.

До тех пор, пока крестьяне не убедятся в преимуществах коллективной собственности, у вас ничего не получится с увеличением числа кооперативов. Если крестьянам будет польза

от существующих кооперативов, то и остальные крестьяне пойдут за вами.

Беседе с товарищем Сталиным по вопросам нашего сельского хозяйства, положения крестьянства, его традиций и склада ума была отведена большая часть времени на этой встрече. Товарищ Сталин интересовался как можно больше узнать, он обо всем расспрашивал до мелочей, радовался успехам, зато делал нам и товарищеские замечания, давал нам ценные советы о том, как улучшить работу в дальнейшем.

— Кукуруза все же главная полевая культура в Албании? — спросил меня товарищ Сталин.

— Да, — ответил я ему. — Кукуруза, а за ней пшеница. Но в последние годы все более широкое распространение получают также хлопок, подсолнечник, овощи, сахарная свекла и другие культуры.

— Много ли хлопка вы сеете? Какова у вас его урожайность?

— Мы непрерывно увеличиваем площадь под этой технической культурой, и нашими земледельцами накоплен уже немалый опыт. В текущем году мы намерены засеять хлопком около 20 000 гектаров, — сказал я ему. — Но что касается урожайности хлопка и его каче-

ства, то мы в этом еще отстаем. В среднем урожайность достигает около 5 центнеров с га. Такую ситуацию нам надо улучшить. Мы неоднократно обсуждали и анализировали этот вопрос, имеющий для нас важное значение, так как это связано с одеждой народа; мы принимали и принимаем многочисленные меры, но еще не добились нужных результатов. Хлопок нуждается в солнце и воде. Солнце у нас есть, сказал я товарищу Сталину, почва и климат у нас подходящие для выращивания этой культуры, а что касается орошения, то здесь мы еще отстаем. Нам необходимо создать хорошую оросительную систему с тем, чтобы и эта культура получила у нас развитие.

— Чему оказывают ваши крестьяне предпочтение при орошении, кукурузе или хлопку? — спросил меня Сталин.

— Кукурузе, — ответил я.

— Значит, крестьяне хлопка еще не любят, недооценивают его, — сказал он.

Далее я сказал товарищу Сталину, что мы и в последнее время рассмотрели имеющиеся недостатки и наметили задачи, связанные с дальнейшим развитием хлопководства. Я подчеркнул, что проведенные на местах анализы показали, что в некоторых случаях, помимо всего другого, употреблялось неподходящее для наших условий семя, и я сделал ему некоторые запросы о помощи, с тем чтобы работа

шла нормально как на текстильном комбинате, так и на хлопкоочистительном заводе.

— Я думаю, что, возможно, в этом допустил ошибку какой-либо специалист, — сказал он. — Но главное — работа земледельца. Что касается вашего спроса на хлопок, то мы полностью удовлетворим его, если это необходимо будет. Все-таки, посмотрим.

Во время этой встречи товарищ Сталин неоднократно интересовался нашими сельскохозяйственными кооперативами, нынешним их положением и перспективами их развития. Помню, как он, в частности, задал мне и следующие вопросы:

— Какими машинами располагают сельскохозяйственные кооперативы? Как работают МТС? Имеются ли у вас инструкторы для кооперативов? и т.д.

Я ответил на заданные им вопросы, но его полностью не удовлетворила организация нами работы в этих направлениях, поэтому он сказал мне:

— Не как следует поставлено у вас это дело. Тем самым вы можете вредить и уже созданным сельскохозяйственным кооперативам. Помимо непрерывной квалификации ваших кадров, вам было бы хорошо иметь несколько советских советников при сельскохозяйственных кооперативах. И чтобы они не сидели в кабинетах, а помогали на местах.

Если ваши главные руководители сельского хозяйства, — отметил далее товарищ Сталин, — нигде не видели, как управляют сельскохозяйственными кооперативами и как организуют их работу, то им трудно надлежащим образом справляться с этим делом, так что пусть они приезжают к нам, в Советский Союз, учиться на нашем опыте и передать его албанским земледельцам.

В моем выступлении я говорил товарищу Сталину и о необходимости заключения экономических соглашений с другими государствами. Выслушав меня, товарищ Сталин обратился ко мне со следующими словами:

— Кто вам мешал заключать соглашения с другими странами? У вас имеются соглашения со странами народной демократии, которые предоставили вам кредиты. Соглашения, подобные тому, которое у вас есть с Болгарией, попробуйте, пожалуйста, заключить и с другими. У нас нет ничего против этого, наоборот, мы считаем это очень хорошим делом.

В ходе беседы я изложил товарищу Сталину и некоторые запросы о помощи со стороны советского государства для развития нашего народного хозяйства и культуры. Как и во всех других случаях, товарищ Сталин благосклонно отнесся к нашим запросам, и сказал мне, что

для более подробного обсуждения и решения этих вопросов я должен был встретиться с Микояном, с которым в те дни я встретился три раза.

Товарищ Сталин тут же принял мою просьбу направить в нашу страну несколько советских педагогов для наших высших учебных заведений, но он спросил меня:

— Как быть нашим педагогам, которые не владеют албанским языком?

Затем , взглянув мне прямо в глаза, товарищ Сталин сказал:

— Мы хорошо понимаем ваше положение, поэтому мы помогали и еще больше будем помогать вам. Однако у меня замечание к вам, товарищи албанцы: я изучал ваши запросы и замечаю, что у вас мало запросов относительно сельского хозяйства. Вы просите больше помощи для промышленности, а ведь промышленность без сельского хозяйства не может стоять на ногах и идти вперед. Хочу сказать, товарищи, что надо больше внимания уделять развитию сельского хозяйства. Мы направили к вам также советников для оказания помощи в экономических вопросах, — добавил он, — но, видимо, они неспособные.

— Они помогали нам, — вмешался я, но Сталин, не убедившись в сказанном мною в связи с советскими советниками, повторил свою мысль. Затем он спросил, улыбаясь:

— Что вы сделали с семенами грузинской кукурузы, которые я вам дал, посеяли ли их, или же выбросили?

Я почувствовал, что мое лицо залилось краской, потому что он поставил меня в неловкое положение, и я ответил ему, что мы роздали их в некоторых зонах, но я не в курсе их результатов. Это было хорошим уроком для меня. Вернувшись в Тирану, я сразу занялся этим вопросом, и товарищи сообщили мне, что она дала замечательные результаты; посеявшие их земледельцы получили до 70 центнеров с га и теперь везде говорят о грузинской кукурузе, которую наши крестьяне называют «подарком Сталина».

— А с эвкалиптами как у вас дела? Посеяли семена, которые я вам дал?

— Мы направили их в Мюзечейскую равнину, где больше заболоченных площадей, — ответил я ему, — и передали нашим специалистам все ваши советы.

— Хорошо, — сказал товарищ Сталин, — они должны заботиться о том, чтобы они взошли и росли. Это быстрорастущее дерево, весьма действенное в борьбе с сыростью.

— Семена кукурузы, которые я вам дал, могут быть быстро размножены, и вы можете распространять их по всей Албании, — сказал мне затем товарищ Сталин, и спросил:

— Имеются ли у вас специальные учре-

ждения, которые занимались бы отбором семян?

— Да, — ответил я, — мы создали сектор семеноводства, подведомственный Министерству сельского хозяйства, который в будущем мы укрепим и дальше расширим.

— Это будет хорошо! — сказал мне товарищ Сталин. — Эти учреждения должны хорошо знать, какие растения и какие семена наиболее подходящи для самых различных местностей страны, и они должны достать их. И у нас вы должны запрашивать семена, урожайность которых вдвое и даже втрое больше обычных. Я и раньше говорил вам, мы поможем всеми возможностями, но главное — это ваша работа, товарищи, большая и беспрерывная работа для всестороннего развития страны, — промышленности, сельского хозяйства, культуры, обороны.

— Мы непременно проведем в жизнь ваши советы, товарищ Сталин! — сказал я ему и от души поблагодарил его за теплый и сердечный прием, за ценные советы и наказы.

На этот раз я провел в Советском Союзе весь апрель месяц.

Несколько дней спустя после этой встречи, 6 апреля, я пошел в «Большой театр» послушать новую оперную пьесу «От всего сердца»,

которая, как мне объяснили до начала пьесы, повествовала о новой жизни в колхозной деревне. В тот же вечер пришел послушать эту оперу и товарищ Сталин, который сидел в ложе первого яруса, рядом со сценой, тогда как я сидел в ложе второго яруса, с другой стороны сцены, вместе с нашими товарищами и двумя советскими товарищами, сопровождавшими нас.

На следующий день мне сказали, что Сталин подверг суровой критике эту оперу, которая раньше некоторыми критиками искусства была превознесена до небес, как ценное музыкальное творение.

Мне сказали потом, что товарищ Сталин раскритиковал эту оперную пьесу за то, что в ней необъективно и неверно отображалась жизнь в колхозной деревне. Товарищ Сталин говорил, что колхозная жизнь в этом произведении идеализировалась, она изображалась неправдиво, в ней не была отображена борьба масс против различных недостатков и трудностей, а все прикрывалось лаком и пронизывалось опасной идеей о том, что «все идет хорошо».

Позже настоящая опера была раскритикована и в центральной партийной печати, и я понял глубокое беспокойство Сталина в связи с теми явлениями, которые носили в себе семена большой угрозы для будущего.

Из незабываемых визитов тех дней у меня

врезался в память и визит в Сталинград, где, в частности, я побывал на Мамаеве Кургане. В годы антигитлеровской войны бойцы Красной армии с именем Сталина в устах защищали не то что каждую пядь, а каждый миллиметр этого кургана. Мамаев Курган был вспахан снарядами и многократно изменил облик из-за страшных бомбардировок. Из места, до прославленной Сталинградской битвы покрытого травой и цветами, он превратился в груды железа и стали, в нагромождение танков, таранивших один другой. Я согнулся и с благоговением собрал горсть земли с этого Кургана — символа героизма сталинского воина, и, вернувшись в Албанию, подарил ее музею Национально-освободительной борьбы в Тиране.

С Мамаева Кургана как на ладони можно было видеть весь Сталинград, посреди которого змеилась широкая река Волга. В этом легендарном городе на основе сталинского плана разгрома гитлеровских полчищ советские солдаты написали славные страницы, они одержали верх над нацистскими агрессорами и положили начало перелому во всей второй мировой войне. Этот город, который носит имя великого Сталина, был испепелен, разрушен, весь был превращен в руины, но не сдался.

Передо мной теперь открывался совершенно иной вид. Город, разрушенный войной, был построен заново за исключительно короткий

срок. Новые многоэтажные жилые дома, культурно-бытовые учреждения, школы, университеты, кинотеатры, больницы, современные фабрики и заводы, новые, широкие и красивые улицы совершенно преобразили облик города. Улицы зеленели от молодых деревец, парки и скверы — полны цветов и детей. Я съездил и на тракторный завод этого города и встретился со многими рабочими. «... Мы очень любим албанский народ, и теперь, в мирное время, мы работаем также и для него, — сказал мне рабочий из этого завода. — Мы пошлем еще больше тракторов албанским крестьянам, это воля и наказ Сталина».

Мы везде чувствовали любовь и уважение, в духе которых были воспитаны простые советские люди великим Сталиным, любимым и незабываемым другом албанского народа и Албанской партии Труда.

Итак, был завершен и этот визит в Советский Союз, во время которого я в последний раз непосредственно встретился с великим Сталиным, о котором, как я и раньше говорил, на всю жизнь буду хранить неизгладимые воспоминания и впечатления.

В октябре 1952 года я вновь съездил в Москву во главе делегации Албанской партии Труда принять участие в XIX съезде ВКП (б).

Именно там я в последний раз увидел незабываемого Сталина, там я в последний раз услышал его столь милый и воодушевляющий голос, там он, с трибуны съезда, отметив, что буржуазия открыто выбросила за борт знамя демократических свобод, суверенитета и независимости, обратился к коммунистическим и демократическим партиям, не стоявшим у власти, с историческими словами: **«Я думаю, что это знамя придется поднять вам, ... и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа, ... если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».**

Я храню и навсегда сохраню живым и обаятельным в уме и в сердце его вид в тот момент, когда с трибуны съезда он окрылил наши сердца, назвав коммунистические партии социалистических стран **«ударными бригадами мирового революционного движения».**

Мы поклялись в те же дни, что Албанская партия Труда будет высоко нести звание «ударной бригады» и что советы и наказы Сталина она будет беречь как зеницу ока, как исторический завет, и будет проводить их в жизнь с полной последовательностью. Эту торжественную клятву мы повторили и в дни великой скорби, когда бессмертный Сталин ушел от нас, и мы гордимся тем, что наша партия, как

сталинская ударная бригада, всегда была хозяином своего слова, что она никогда не ставила и не будет ставить чего-либо другого выше себя, кроме учения Маркса, Энгельса, Ленина и ученика и последовательного продолжателя их дела, нашего дорогого друга, славного вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина.

С О Д Е Р Ж А Н И Е